

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 35, 2025

Владикавказ 2025

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Кануков З.Т. Социально-экономическое развитие Алании: историографический обзор	5
Дзалаева К.Р. Основные направления культурного развития Северной Осетии в период становления советской государственности (1917 – 1925 гг.)	14
Засеев Г.А. Опыт использования лошадей на передовой и в тылу в годы ВОВ (на примере Северной Осетии)	35
Бабаев Т.З. Развитие консервной отрасли пищевой промышленности в Северо-Осетинской АССР	43

II. ЭТНОЛОГИЯ

Туаллагова А.А., Туаллагов А.А. К истории судопроизводства в Осетии	51
Иванов Г.Д. Применение Кабардинским временным судом поручительства в рамках исполнительного производства и его влияние на традиционную систему кабардинцев во второй четверти XIX в.	62
Абазехова Б.М. Кавказовед Екатерина Николаевна Кушева в зеркале переписки с Е.Дж. Налоевой	76
Шульмина А.В. Отражение научных взглядов П.К. Услара в эпистолярном наследии	87

III. ФИЛОЛОГИЯ

Цаллагова И.Н. Позиционные глаголы в осетинском языке: глаголы с семой «стоять»	98
Гутиева Э.Т. Aglæsa: возможности интерпретации через материал восточно-иранских языков	
Клисова З.П. Абруптивный согласный Къ: артикуляция, постановка и автоматизация	108

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирагова Б.М. СВО в медиапространстве Республики Северная Осетия-Алания: основные фреймы	122
Валиева М.Д. О некоторых аспектах языковой ситуации в Южной Осетии (по данным анкетирования 2024-2025 гг.)	142
Дзалаева К.Р., Хапсаева Д.В., Гутиева Э.Ш. «Русский мир» в процессах укрепления межэтнического общения молодежи на постсоветском пространстве.....	155
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	165

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

З. Т. Кануков,
младший научный сотрудник
СОИГСИ им. В.И. Абаева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АЛАНИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В статье представлен краткий историографический очерк, посвященный изучению вопроса социально-экономического развития Алании вплоть до периода татаро-монгольских завоеваний. Данная проблема с давних пор занимала видное место среди приоритетных направлений исследования аланской истории. Конечно, немалое влияние на характер исследований в данном направлении оказывали такие факторы как: ограниченность имеющегося в распоряжении археологического материала, специфика передачи информации в повествовательных письменных источниках, идеологическая политика государства в тот период, когда проводилось исследование. Тем не менее, постепенное накопление новых данных, в том числе в археологии, смена политического режима и т. д. позволили взглянуть по-новому на исследуемую проблему и ответить на многие интересующие нас вопросы.

Ключевые слова: Алания, общественный строй, социально-экономическое развитие, феодализм.

This article presents a brief historiographical essay devoted to the study of the socioeconomic development of Alania up until the period of the Tatar-Mongol conquests. This topic has long been a prominent priority in the study of Alanian history. Certainly, the nature of research in this area was significantly influenced by factors such as the limited availability of archaeological material, the specific nature of information transmission in narrative written sources, and the ideological policies of the state during the period in which the study was conducted. Nevertheless, the gradual accumulation of new data, including in archaeology, changes in political regimes, etc., has allowed us to take a fresh look at the issue under study and answer many of our questions.

Keywords: Alania, social system, socioeconomic development, feudalism.

Проблема социально-экономического развития алан с давних пор привлекает немалый интерес среди исследователей. Тем не менее, данный вопрос остаётся в среде малоизученных, что связано с целым рядом разнообразных факторов. Многие научные работы по данной тематике были написаны еще в советский период, что оказало прямое влияние на их характер и результат, т.е. вопрос общественного строя алан рассматривался через призму марксистской идеологии. Так, например, применительно к классовому обществу, которое, по мнению многих исследователей, существовало в Алании, применялся термин «феодализм». В современных исследованиях вопрос классовообразования рассматривается под другим углом. При этом, нередко, современные исследователи и вовсе избегают использования таких терминов как «феодализм», отвергая при этом концепцию единой схемы развития общественных отношений в различных регионах мира.

В числе первых историков, обративших внимание на проблему общественного строя Алании, был Б.В. Скитский, проанализировавший имеющиеся в свое время археологические материалы, фольклор и повествовательные источники. В.Б. Скитский подверг сомнениям сообщения Аммиана Марцеллина, в которых говорилось, что аланы не были знакомы с земледелием и городской культурой. По мнению данного исследователя, аланы периода I–V вв. находились на стадии общественного развития, часто именуемой как «военная демократия». На разложение родоплеменной системы и дальнейшее социальное развитие, приведшее в X–XI вв. к формированию государственного образования, не последнее влияние оказали политические контакты с соседними царствами [1, 37–38; 56].

Особняком от других работ по данной тематике стоит исследование З.Н. Ванеева. Для того чтобы реконструировать

социальную систему средневековой Алании им был использован ретроспективный метод исследования, где автор частично экстраполировал общественный строй Осетии Нового времени в средневековую Аланию. В X–XII вв., по мнению З.Н. Ванева, в Алании шел постепенный процесс перехода от патриархально-родовой системы к феодальной, который, впрочем, так и не достиг того уровня феодализации, свойственного Западной Европе. По мнению исследователя в Алании существовали такие классы как: *алдары* (родоплеменная аристократия, превратившаяся со временем в феодалов), *фæрссаг лæгтæ* (арендатели земли), *кавдасарды* (дети от *номылус*), рабы (*цагайраг*), духовенство (появляется в X в.) [2, 86–127].

По мнению Т.М. Минаевой феодализационные процессы в Алании начались в VIII–IX вв. К данному выводу автор пришла после изучения средневековых археологических памятников, а именно городищ Адиух и Гиляч, находящихся на территории современной Карачаево-Черкесии. Оба городища имеют внутри себя внутренние укрепленные части (цитадели), где проживали привилегированные слои общества. В процессе развития городских центров, в Алании усиливается роль ремесленного производства [3, 57–64].

Е.П. Алексеевой принадлежит одна из наиболее подробных и комплексных работ советского периода по социально-экономической истории Алании. Согласно ее мнению в V–VII вв. в западной части Алании (современная Карачаево-Черкесия, в данном случае) существовал институт военной демократии. VIII–IX вв. являются для Алании началом периода феодализации, который завершился в X–XIII вв. На это указывают не только данные археологии, но и арабские и византийские письменные источники. В V–VII же вв. в западной части Алании (современная Карачаево-Черкесия в данном случае) существовал институт военной демократии. Наличие церковных институтов в Алании также служит одним из маркеров феодализации аланского общества, которое, тем не менее, протекало неравномерно. В горных областях Аланского царства процессы фео-

дализации проходили замедленными темпами, а родовые связи имели большую силу, чем на равнине [4, 137–157].

Один из видных специалистов по истории алан В.А. Кузнецов считал VIII–IX вв. завершающим этапом образования раннефеодальной системы в Алании. В этот период у аланских городов появляются достаточно мощные укрепления, все больше алан переходят к оседлости. Также на классобразующие процессы в аланском обществе указывают богатые всаднические захоронения. Этому предшествовал достаточно долгий процесс разложения родового строя и образования общей материальной культуры на обширной территории от современных Кубани до Чечни. Ретроспективный метод З.Н. Ванеева он считал в данном случае неприемлемым, ссылаясь на то, что средневековые аланы и осетины Нового времени жили в разных экономических реалиях [5, 197–216].

Интересны по своему содержанию работы Ю.С. Гаглойти, усмотревшего у осетин пережитки трехфункционального деления общества, некогда существовавшие у ираноязычных племен. В Нартовском эпосе осетин присутствует деление нартов на три рода: Ахсартагатае, Боратае и Алагатае. Первым была присуща доблесть, храбрость и прочие воинские качества. Богатством и числом отличались Боратае. Третий же род Алагатае отвечали за духовную сферу жизни у нартов, и также являлись хранителями ритуальной чаши Уацамонгæ [6, 11–35]. Возможно, тухфункциональная система деления социума существовала и у алан. Такое предположение было сделано Г.Е. Афанасьевым на основе анализа погребальных памятников аланского населения Среднего Дона второй половины Раннего Средневековья. К X веку у донских алан салтово-маяцкой культуры существовала «вождеская» система организации власти. Существовали как малые «нуклеарные», так и большие патриархальные семьи. Политическим элитам больше был свойственен второй тип устройства семьи [7, 93, 151–153].

А.А. Сланов отмечает прямую взаимосвязь между структурой аланского социума и организацией их войска. Аланская

политическая элита образуется под влиянием воинских коллективов, участвовавших в войнах (в том числе в качестве наемников) и грабежах, и сформировавшихся в I–III вв. Формируется дружина, членами которой были представлены элитные воинские подразделения тяжелой конницы (катафрактары). Военачальник назывался у алан словом *æлдар* [8, 11–35]. По мнению В.И. Абаева *æлдар* является производной от *arm-dar*, что переводится как «рукодержец» [9, 64].

Весомы вклад в изучение истории социально-экономического развития алан (а также других северокавказских народов) внес Ф.Х. Гутнов. Согласно его мнению, приведенному в работе «Аристократия алан», немаловажное влияние на развитие аланской социальной системы оказали военные предприятия, в которых они принимали активное участие. Конный воин выступал в качестве основы военной организации. Развитое коневодство, а также специфика хозяйствования, безусловно, оказали свое влияние на данную организационную систему. У ираноязычных кочевников древности, для которых война была важным ремеслом, свое развития получил институт «военной демократии». Военная аристократия, возглавляемая вождём-багатаром, к IV в. усиливается и прибирает к своим рукам функции судебной власти, за которые ранее была ответственна родоплеменная знать. Для ранних алан, в целом, было характерно двоевластие, где вождь-багатар изначально выполнял функции военачальника [10, 16–18].

Составной частью воинской аристократии была дружина, члены которой в мирное время мало чем отличались от обычных общинников. В процессе развития общественных отношений дружинники превращались в военно-служилую знать, в то время как вожди-багатары становились главными кандидатами, чтобы возглавить формирующуюся «феодально-монархическую систему». Собственно, термин «багатар», ранее использовавшийся для обозначения военных вождей, со временем стал царским титулом. Родоплеменная знать все сильнее и сильнее утрачивала свои позиции, что со временем привело к сосре-

точению власти в руках вождя – выходца из военной аристократии [11, 183–187]. По мнению Ф.Х. Гутнова в период VIII–X вв. а Алании проходили активные классообразующие процессы, что в конечном итоге привело к образованию раннефеодального государства [12, 255].

Применительно к общественному строю кавказских народностей Ф.Х. Гутнов использовал определение «горский феодализм». Но важно отметить, что данный термин использовался лишь ввиду его историографической традиции. В действительности система социальных отношений Кавказского региона имела достаточно специфические черты, заметно отличающиеся от западноевропейских моделей. Ф.Х. Гутнов, ссылаясь в том числе на труды Г.А. Мелекишвили, отмечал, что на Кавказе в Средние века больше присутствовал управленческий, нежели владельческий (в феодальном смысле) вид феодализма. Собственность на землю оставалась в руках крестьянской общины [13, 6–7].

К числу современных исследователей, уделивших внимание изучению вопроса социальной истории алан, относится Д.С. Коробов. В своей работе «Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв.» автор, проводя анализ погребальных памятников, раскинувшихся на территории от средней Кубани до Прикаспийского Дагестана. Автор указывает на усиление процессов имущественной дифференциации в Кисловодской котловине в конце VII – начале VIII вв., где процент погребений знатных воинов составляет 13%. Несколько выше процент богатых воинских погребений в таких комплексах как Клин-Яр 3, Мокрая Балка I, Замковый и т.д. По утверждению Д.С. Коробова у алан III–IX вв. не наблюдается следов выраженной общественной дифференциации. Большинство погребений исследуемого времени являются парными, что говорит широким распространением нуклеарной (малой) семьи [14, 231–232; 281–289].

Последним исследователем, занимавшимся изучением вопроса социального развития Алании является С.Н. Савенко.

Автором были изучены аланские катакомбные памятники X–XII вв. на обширной территории от Кавказских Минеральных вод до бассейна р. Сунжа. С.Н. Савенко обратил внимание на схожесть обрядового материала на очень большом исследуемом пространстве по линии восток-запад, что говорит о этносоциальных центростремительных тенденциях. Другими словами, проходил процесс образования единого аланского народа. В исследуемый период встречались как большие патриархальные, так и малые семьи. Малые семьи, по мнению С.Н. Савенко были больше свойственны общественным элитам. Среди них же было более распространено христианское вероучение, что также прослеживается на уровне археологии. С.Н. Савенко уверенно выделял «всадническую прослойку» – представителей военной аристократии. По всадническим погребениям автор осуществляет разделение на легкую и тяжелую конницу, где первая явно преобладала. X–XII вв., по мнению С.Н. Савенко, являлись периодом классового образования в аланском обществе и незавершенностью процесса феодализации, на что указывают элитарные воинские погребения, часто располагающиеся с могилами рядовых общинников в пределах одного погребального комплекса. Автор делил аланское общество на три категории: 1) знать (феодализирующаяся общинная верхушка, представленная служилой аристократией); 2) средняя воинская прослойка и общинники; 3) низшая категория общинников [15, 197–203].

Как мы видим из материалов отечественных исследований, Алания в эпоху Средневековья проходила через активные процессы общественного развития. Данные процессы в X–XII вв. привели к появлению раннегосударственного образования. Алания домонгольского периода представляла собой реннефеодальную монархию (хотя в данном вопросе среди исследователей имеются разногласия). Царь Алании, будучи представителем военной аристократии, носил титул *багатар*. На уровне археологии четко выделяется «всадническая прослойка», также делящаяся на разные подгруппы. К сожалению,

на многие вопросы относительно общественного развития Алании у современной науки нет ответов, что связано с ограниченностью материалов, доступных для разработки.

1. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное издательство, 1947. 197 с.
2. Ванеев З.Н. Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959. 184 с.
3. Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь: Книжное издательство Ставрополь, 1965. 111 с.
4. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. 355 с.
5. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1971. 247 с.
6. Гаглойти Ю.С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблему этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИ при СМ СО АССР, 1989. С. 11–35
7. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
8. Сланов А.А. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. 400 с.
9. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л.: АН СССР, 1949. 604 с.
10. Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ: ИР, 1995. 144 с.
11. Гутнов Ф.Х. Генезис и структура верховной власти у ираноязычных племен Северного Кавказа в период военной демократии // Alanica II. Аланы и Кавказ / под ред. М.К. Джигоева, Р.Г. Дзаттиаты, В.А. Кузнецова, А.Г. Кучиева, В.В. Техова, В.Х. Тменова. Владикавказ, Цхинвал: СОИГСИ при СМ СО ССР, ЮОНИИ, 1992. 244 с.

12. Гутнов Ф.Х. Генезис феодализма у алан // Северная Осетия: история и современность / под ред. А.Г. Кучиева, И.А. Сланова, Г.И. Цибирова, Н.Д. Малиева. Орджоникидзе: СОНИИ при СМ СО АССР, 1989. 290 с.

13. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть I. Владикавказ: Ир, 2007. 319 с.

14. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя, 2003. 380 с.

15. Савенко С.Н. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. Пятигорск, Казань: Казанская недвижимость, 2017. 384 с.

К.Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1917–1925 ГГ.)

В статье рассматриваются основные направления культурного развития Северной Осетии в период становления советской государственности в 1917–1925 гг. Анализируется влияние распространяемой советской идеологии на особенности формирования культурной жизни североосетинского социума, трансформацию национального самосознания, определение приоритетных направлений культурного строительства. Акцент делается на деятельности осетинских интеллигентов как ключевых акторов культурного воспроизводства и культурной трансформации общества, принявших активное участие в коренных преобразованиях культурной жизни региона в контексте формирования социалистической культуры.

Ключевые слова: Северная Осетия, советская государственность, социализм, культурное развитие, культурная революция, осетинская интеллигенция, Осетинское историко-филологическое общество, трансформация

This article examines the main directions of cultural development in North Ossetia during the formation of Soviet statehood in 1917–1925. It analyzes the influence of the disseminated Soviet ideology on the formation of cultural life in North Ossetian society, the transformation of national identity, and the identification of priority areas for cultural development. Emphasis is placed on the activities of Ossetian intellectuals as key actors in the cultural reproduction and cultural transformation of society, who actively participated in the fundamental transformation of the region's cultural life in the context of the formation of socialist culture.

Keywords: North Ossetia, Soviet statehood, socialism, cultural development, cultural revolution, Ossetian intelligentsia, Ossetian Historical and Philological Society, transformation

Становление советской государственности в 1917–1925 гг. сопровождалось масштабными социальными, политическими, экономическими и культурными трансформациями россий-

ского общества. Революционные преобразования затронули все народы страны, включая регионы Северного Кавказа.

Важным этапом включения горских народов в советскую систему стало образование в январе 1921 г. Горской АССР с административным центром во Владикавказе. Объединение в автономию создало условия для их национального самоуправления, восстановления хозяйства после Гражданской войны и укрепления межрегиональных связей, решения земельного вопроса и развития образования, межнационального диалога и культурного взаимодействия. Принципы, заложенные в основу Горской АССР, были концептуально обоснованы ещё в ноябре 1920 г. в докладе И. В. Сталина на съезде народов Терской области: автономия означала не отделение, а союз горских народов с остальными народами России, при котором управление должно было осуществляться с учётом местных обычаев и быта в рамках общероссийской Конституции, постепенного вовлечения горцев в государственное строительство через развитие школ и просветительских учреждений, формирование национальных управленческих кадров и подготовку специалистов различного профиля [1, 433–436].

Горская АССР, просуществовавшая до 1924 г., не только закрепила правовой статус горских народов в составе РСФСР, но и запустила механизмы их интеграции в советскую систему управления через создание национальных институтов, кадровую политику и культурно-образовательную работу, нацеленную на формирование самодостаточной региональной элиты.

В выстраивании советской государственности на Северном Кавказе значимую роль сыграла Северная Осетия, которая активно включилась в общероссийские процессы институционализации советской власти и интеграции разнородных этнических групп региона в новую единую административно-политическую систему.

Приход к власти большевиков ознаменовал собой начало строительства социалистического государства, трансформа-

цию прежних, не отвечающих новым вызовам времени традиционных установок и воспитание «нового человека», решительную борьбу с так называемыми «пережитками прошлого». Важнейшим инструментом этой борьбы стала культура, сформированная «с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» [2, 462], усилия которой были направлены на консолидацию общества, формирование новой идентичности, включение автономий в советскую государственность.

В период перехода к социализму первоочередной задачей стало повышение общего культурного уровня населения для обеспечения успешного строительства нового общества. Первые годы утверждения советской власти показали, что для упрочения советской государственности была необходима глубокая культурная модернизация, определяющая успех преобразований. Ключевым условием построения социалистического общества В.И. Ленин называл культурную революцию, направленную на систематическое развитие образования, грамотности и просветительской работы среди широких масс: «... раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести переносится на «культурную» работу... Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это – задача переделки нашего аппарата... Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства... Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности...» [3, 376].

В Северной Осетии процессы культурного развития следовали общим тенденциям формирования духовной сферы советского общества и соответствовали ключевым принципам социалистической идеологии. Меняющиеся социально-экономические условия определили вектор культурного прогресса, ориентированного на удовлетворение запросов ключевых об-

ществленных групп – промышленного пролетариата, крестьян, красноармейцев, детей и молодежи. Под воздействием новых социально-экономических факторов культура приобретала ярко выраженную социальную направленность, что позволило обеспечить массовую доступность культурных ценностей для населения региона.

Культурная модернизация Осетии сопровождалась сложными и противоречивыми процессами, сочетавшими идеологические задачи с практическими мерами по развитию образования и культуры. В 1917–1921 гг. в Северной Осетии, охваченной Гражданской войной и политическими потрясениями, системные преобразования в сфере культуры были затруднены. Полноценная реализация культурной революции развернулась в 1920-х годах, когда начался переход от хаотичных попыток модернизации к целенаправленной культурной политике. На X съезде ВКП(б) в 1921 году были закреплены ее стратегические направления в отношении «невеликорусских народов». Партия поставила перед собой ряд масштабных задач: обеспечить трудовым массам возможность догнать в развитии центральную Россию, способствовать становлению советской государственности с учётом национально-бытовых особенностей народов, укрепить систему местных институтов власти – суда, администрации, хозяйственных органов, работающих на родном языке и укомплектованных кадрами, знающими специфику региона, развивать культурно-просветительную сферу: прессу, школы, театры, клубы и иные учреждения на национальных языках, создать разветвлённую сеть общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведений на родном языке для ускоренной подготовки квалифицированных кадров, как рабочих, так и партийных управленцев, прежде всего в сфере просвещения [4, 222].

Эти стратегические установки находили прямое отражение в официальной риторике советского руководства. В выступлениях партийных и государственных деятелей отчётливо формулировалась линия на культурную интеграцию народов

Северного Кавказа в новое государственное пространство. В русле задачи по развитию культурно-просветительной сферы особое внимание уделялось просвещению отдалённых территорий. Местной интеллигенции отводилась ключевая роль: ей надлежало обеспечить доступ к образованию для жителей труднодоступных горных районов. При этом просвещение трактовалось не просто как распространение грамотности, но как фундаментальная трансформация мировоззрения. Передача знаний и опыта населению Северного Кавказа рассматривалась не только как практическая задача, но и как морально значимая миссия, возложенная на «красных специалистов» – работников культурно-просветительских учреждений и напрямую соотносилась с целью малых народов «догнать в развитии центральную Россию». Идея становления советской государственности с учётом национальных особенностей воплощалась в стратегии формирования установки на гармонизацию этнического и общегражданского компонентов идентичности в рамках новой советской модели государственности, «... чтобы горец помнил и сознавал, что вместе с тем он гражданин Великой Советской федерации» [5, 38].

Задача укрепления местных институтов власти находила отражение в акценте на межэтническом единстве. В качестве одного из центров взаимодействия горских народов, где разворачивались процессы межэтнического диалога и институционального объединения выступил Владикавказ. 1–8 мая 1917 г. (по старому стилю) во Владикавказе в помещении Ольгинской гимназии состоялся первый съезд горцев Кавказа, на котором присутствовали порядка 300 делегатов. Съезд был посвящён обсуждению ключевых вопросов их жизни в условиях революционных изменений. Наряду с вопросами политического устройства и взаимоотношения с центральной властью, безопасности и правопорядка, землепользования, судебной системы, самоуправления и др., большое внимание было уделено вопросам образования и культуры. Выступивший с докладом видный деятель дагестанского и северокавказского освободительного движения, кан-

дидат в члены Центрального комитета Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана С.И. Габиев озвучил концепцию построения целостной системы народного образования, основанной на общедоступности национальной школы как инструмента гуманистического воспитания и формирования самосознания горцев, способного укрепить союз горских народов: подлинное единение горских народов невозможно без внутреннего духовного перелома, который способна обеспечить только общедоступная национальная школа. Большую роль от отвел воспитательному потенциалу новой школы: «... Как ничто другое эта школа, направленная на просвещение и пробуждение личности, может сделать большие достижения прочных всходов на полях нашего союза. Перевоспитание людей в духе искренности и гуманизма возможно лишь в том случае, когда школа будет занимать преобладающее место в обществе. Школа должна служить искренним целям прогресса... воспитывать национально-патриотические чувства» [6, 87–89]. Докладчик особо подчеркнул необходимость создания преемственной школьной системы, когда все школы, начиная от начальных и до университета, должны иметь непосредственную связь, причем каждое учебное заведение должно представлять собой законченную образовательную ступень, готовую к практической жизни. По его мнению, только такая единая, научно обоснованная система образования, сочетающая национальную специфику и прогрессивные образовательные принципы, способна обеспечить подлинный прогресс горских обществ [6, 87–89]. Предложенный проект содержал ряд предложений, согласно которым начальные и высшие школы должны быть исключительно светскими, начальное образование всеобщим, обязательным и бесплатным, вестись на родном языке, занимать по времени 4 года, начинаться с 7 лет, с сохранением преподавания в начальной школе закона Божьего в качестве обязательного предмета, с 3-го года обучения обязательны арабский и русский языки. Неполное среднее образование так же должно быть всеобщим и бесплатным, продолжаться в течение 4 лет, идти на родном языке, с включением в про-

грамму тюркского языка, обучения ремеслам. Была отмечена и необходимость курсов и семинаров по подготовке учителей из среды горцев и горянок в достаточном количестве, необходимость женского образования, введения профессионального обучения, профессиональных школ разного назначения, создания воскресных школ для взрослых, формировать лекторских групп для разъяснения горскому населению идей нового государственного устройства, местной экономики и др. Предложения С. И. Габиева вызвали острые дискуссии, особенно среди представителей духовенства. Тем не менее, съезд вынес отдельную резолюцию по докладу, в которой были обозначены пункты о всеобщем образовании, низшей начальной школе горцев, высшей начальной школе, образовании горянок, профессиональном образовании и управлении учебными заведениями [7, 73–77]. Эти решения стали основой масштабных преобразований в сфере образования, которые развернулись в дальнейшем.

Политика культурного развития Северной Осетии выстраивалась в строгом соответствии с общегосударственными задачами, обозначенными советским руководством. Вопросу образования уделялось большое внимание. Первоочередной задачей стала ликвидация неграмотности. Именно с неё началось формирование североосетинского социума в русле советской государственности: все ресурсы были мобилизованы для повышения образовательного уровня населения. Эта мера имела не только культурное, но и практическое значение – рост промышленного производства и формирование рабочего класса требовали грамотных кадров, способных обслуживать развивающееся производство.

Следует отметить, что на территории Северной Осетии проблеме образования уделялось внимание и в досоветский период. Наиболее активно меры в отношении ее решения стали приниматься еще в эпоху пореформенной модернизации, одним из результатов которой стало формирование общественно-культурной среды в осетинском обществе, возникновение сети учебных заведений разного характера, становление осе-

тинского учительства, появление научной и творческой интеллигенции [8, 96–110].

На момент установления советской власти на территории Северной Осетии действовала разветвлённая сеть учебных заведений, включавшая как светские, так и духовные учреждения – функционировали церковно-приходские и министерские школы, гимназии и реальные училища, мужская прогимназия и Ольгинская женская гимназия, реальное училище, Лорис-Меликовское ремесленное училище, кадетский корпус, Ардонская духовная семинария. Однако образование все еще не было доступно широким слоям населения. В новых политических условиях эта сфера жизни общества стала претерпевать существенные изменения – образование перестало быть привилегией отдельных сословий и превратилось в стратегическую задачу государства. Массовое повышение грамотности населения рассматривалось теперь не только как образовательная цель, но и как необходимое условие формирования нового гражданина, как политико-идеологическое условие интеграции Северной Осетии в советскую систему. Только через всеобщее обучение можно было внедрить идеологию и обеспечить управляемость общества в масштабах страны. Ключевым направлением стала ликвидация неграмотности. Теперь грамотность рассматривалась не как привилегия, а как гражданская обязанность и основа новой идентичности [9, 178–181].

26 декабря 1919 года Совет народных комиссаров выпускает Декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР (26 декабря 1919 г.; СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592), согласно которому все граждане 8–50 лет, не умеющие читать и писать, обязаны были обучаться грамоте с правом выбора родного или русского языка. Обучение организовывалось в действующих и новых государственных школах по планам Наркомпроса; особое внимание уделялось красноармейцам. Сроки ликвидации безграмотности устанавливали губернские и городские Советы депутатов. Для преподавания в порядке

трудовой повинности привлекались грамотные граждане, не призванные в войска, с оплатой по нормам работников просвещения. К кампании подключались профсоюзы, ячейки РКП(б), комсомол, женские комиссии и другие организации трудового населения. Работающим по найму (кроме занятых на милитаризованных предприятиях) рабочий день сокращался на два часа на весь период обучения с сохранением зарплаты. Для занятий разрешалось использовать народные дома, церкви, клубы, частные дома, помещения на фабриках, заводах и в советских учреждениях. Снабжающие органы обязаны были приоритетно обеспечивать нужды образовательных учреждений. За уклонение от обязанностей по декрету и препятствование обучению предусматривалась уголовная ответственность [10]. Для координации усилий была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, которая занималась подготовкой учителей, изданием учебной литературы и контролем за выполнением планов.

Описанные выше идеологические и институциональные предпосылки создали базу для практического развёртывания культурной политики и в Северной Осетии, при которой ключевым направлением также стала ликвидация неграмотности и формирование новой системы образования, отвечавшей задачам советской модернизации.

Уже в первые послереволюционные годы власть предприняла ряд решительных шагов по перестройке сферы просвещения – от национализации учебных заведений до создания сети школ грамоты. В период с 1917 по 1925 гг. деятельность по ликвидации неграмотности и развитию системы образования в Северной Осетии строилась на ряде нормативных документов, регулирующих масштабную культурно-просветительскую работу в регионе. Так, согласно «Обязательному постановлению СНК Горской АССР от 18 июля 1921 г. о ликвидации неграмотности» все граждане Горской АССР в возрасте от 14 до 30 лет обязывались обучаться грамоте на родном и русском языке [11, 45–48]. Обучение должно было длиться два года. Поста-

новлением было предусмотрено открытие пунктов ликвидации безграмотности (ликбезов) и школы для малограмотных. По состоянию на начало 1922 г. в Осетинском округе функционировало 90 пунктов ликвидации безграмотности, из них во Владикавказе находилось 43 пункта, где обучалось в общей сложности 2 155 человек [12, 48]. Курировать вопросы ликвидации неграмотности была призвана Горская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, образованная в 1921 г., деятельность которой распространялась на сельские и городские районы, в том числе и на Владикавказ. Все население в возрасте от 13 до 50 лет, не умеющее читать и писать, было обязано обучаться грамоте во внешкольных организациях. Таким образом, советская власть стремилась решить проблему острого дефицита квалифицированных специалистов. Так, в августе 1924 г. во Владикавказе работали 18 школ грамоты и 4 школы малограмотных, 22 школы ликбеза на предприятиях, а в феврале 1925 г. – 24 школы грамоты и 4 школы малограмотных. Особое внимание уделялось работе с женской аудиторией (к весне 1926 г. пункты ликбеза выпустили 259 женщин) и подготовке рабоче-крестьянской молодёжи к поступлению в вузы (в 1920 г. при Горском политехническом институте открылся Владикавказский рабочий факультет, а в 1924 г. появился рабочий техникум на 150 человек) [13, 199-201].

В апреле 1920 года при Терском областном революционном комитете в целях повседневного руководства делом организации народного образования и культурно-просветительской работы был учреждён Отдел народного образования – ключевой орган управления сферой просвещения в регионе в ранний советский период. Его создание стало частью общероссийской политики по централизации образовательной системы и отходу от дореволюционных моделей управления. В ведении Отдела были учёт и реорганизация существующих учебных заведений (школ, училищ, библиотек), открытие новых школ грамоты (ликбезов), дошкольных учреждений и культурно-просветительских пунктов, назначение и распределение

педагогических кадров, контроль за передачей учебных заведений из религиозных и частных ведомств в государственное ведение, организация изб-читален, клубов, кружков, проведение лекций, бесед, агитационных кампаний по ликбезу, взаимодействие с профсоюзами, комсомолом и женотделами для привлечения населения к обучению. Активная деятельность, развернутая Отделом народного образования, внесла большой вклад в процесс формирования кадров преподавателей.

В 1923 году было организовано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» во главе с М.И. Калининым, а в 1924 г. было образовано Северо-Осетинское общество «Долой неграмотность». Общество активно содействовало проведению мероприятий по ликвидации безграмотности, на его средства содержались ликпункты. К его работе привлекались коммунисты, комсомольцы, студенты [14, 54–59]. На первый план выдвигалась борьба с неграмотностью через развитие культурно-просветительных учреждений, широкую сеть курсов и школ на родном языке, общеобразовательной и профессионально-технической направленности, призванных в короткое время подготовить квалифицированные кадры для всех отраслей управления, способствовать развитию научных учреждений в городской и сельской местности, организации сети воспитательных учреждений для детей. Ячейки Общества «Долой неграмотность!» были организованы на всех предприятиях Северной Осетии. Много внимания уделялось ликвидации неграмотности среди сельского населения: в Ардоне, Христиановском, Салугардане, Эльхотово, Кадгароне других осетинских селах были созданы ликпункты, школы для малограмотных и кружки политграмоты [15, 73–78].

В апреле 1920 года при Терском областном революционном комитете в целях повседневного руководства делом организации народного образования и культурно-просветительской работы был учреждён Отдел народного образования – ключевой орган управления сферой просвещения в регионе в ранний советский период. Его создание стало частью об-

щероссийской политики по централизации образовательной системы и отходу от дореволюционных моделей управления. В ведении Отдела были учёт и реорганизация существующих учебных заведений (школ, училищ, библиотек), открытие новых школ грамоты (ликбезов), дошкольных учреждений и культурно-просветительных пунктов, назначение и распределение педагогических кадров, контроль за передачей учебных заведений из религиозных и частных ведомств в государственное ведение, организация изб-читален, клубов, кружков, проведение лекций, бесед, агитационных кампаний по ликбезу, взаимодействие с профсоюзами, комсомолом и женотделами для привлечения населения к обучению. Активная деятельность, развернутая Отделом народного образования, внесла большой вклад в процесс формирования кадров преподавателей. В мае 1920 г. во Владикавказе начали функционировать Первая Владикавказская политическая школа и Политехнический техникум, в том же году были открыты Терский институт народного образования – первое высшее педагогическое учебное заведение на Северном Кавказе, заложившее основы подготовки местных учительских кадров [16, 70–72].

20 января (2 февраля) 1918 года был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [17 декрет об отделении церкви], который привел к принципиальным изменениям в сфере культурного развития, заложил правовые основы взаимоотношений государства и религиозных организаций в Советской России, кардинально изменив статус церкви в обществе. Согласно документу, церковь юридически отделялась от государственных институтов, что ознаменовало становление светского характера власти. Декрет гарантировал свободу совести: запрещались любые местные нормативные акты, ограничивающие свободу вероисповедания или устанавливающие привилегии по религиозному признаку, при этом каждый гражданин получал право исповедовать любую религию либо оставаться вне религиозных объединений. Из всех официальных актов исклю-

чалось указание на религиозную принадлежность граждан, а официальные мероприятия более не сопровождались религиозными обрядами. Исполнение религиозных обрядов допускалось при условии соблюдения общественного порядка и прав граждан. Декрет устанавливал равенство гражданских обязанностей: никто не мог уклоняться от их исполнения по религиозным мотивам, а возможные исключения допускались исключительно по решению народного суда. Традиционная религиозная присяга упразднялась, заменяясь в необходимых случаях торжественным обещанием. Важнейшим нововведением стало отделение от церкви школы: религиозное обучение исключалось из программ государственных, общественных и частных учебных заведений с общеобразовательным уклоном, хотя сохранялась возможность частного религиозного обучения. Церковные и религиозные объединения приравнивались к частным обществам и союзам, лишались государственных привилегий и субсидий, не могли применять принудительные меры в отношении своих членов, утрачивали право владеть собственностью и статус юридического лица. Всё имущество религиозных обществ объявлялось народным достоянием, однако здания и предметы, предназначенные для богослужений, могли передаваться религиозным объединениям в бесплатное пользование на основании особых решений государственных органов. Этот нормативный акт обозначил секулярный вектор государственной политики.

В рамках проводимой политики церковно-приходские школы, духовные и епархиальные училища Северной Осетии были переданы в ведение Народного комиссариата просвещения. При этом упразднялась Дирекция народных училищ, ранее управлявшая всеми учебными заведениями края. Согласно приказу Терского областного народного совета от 18 июня 1918 года, функции воспитания и образования изымались из ведения духовных ведомств и передавались Комиссариату народного просвещения. В рамках этой реорганизации Комиссариат получал все церковно-приходские школы,

духовные и епархиальные училища Владикавказа вместе с их штатами, финансированием, движимым и недвижимым имуществом, а также библиотеками и учебными пособиями [18, 14–17].

Государственная политика в отношении религии с каждым годом стала приобретать репрессивный характер. Закрывание культовых сооружений и религиозной пропаганды, ограничение подготовки священнослужителей, контроль над обрядовой практикой, фактически исключили религию из публичного пространства. В рамках концепции атеистического государства советская власть институционально ограничивала религиозность, вытесняя религию из общественной жизни и заменяя ее советскими практиками. Формирующаяся законодательная база создавала условия для фактического запрета публичной религиозности в последующие годы. Советская власть целенаправленно выстраивала альтернативную систему ценностей, замещавшую религиозное мировоззрение: на смену культовым практикам пришла идеология научного материализма, а религиозная мораль была подменена этикой коллективизма и пролетарского интернационализма. Учебные программы были переориентированы: в них доминировали материалистическое мировоззрение и нарратив революционного движения. Формирование личности нового типа осуществлялось через призму системы образования, комсомола и культурно-просветительских учреждений – так система образования решала задачу воспитания личности, свободной от религиозных представлений. Активная антирелигиозная борьба государства была направлена на «освобождение трудящихся от духовного порабощения» [19, 150]. Религиозное мировоззрение декларировалось как препятствие на пути к коммунизму, поэтому его замещение идеологией диалектического материализма стало ключевым элементом культурной революции. Важнейшей задачей выступило воспитание все-сторонне развитой личности, ориентированной на коллективные ценности и научный взгляд на мир.

В связи с этим одним из важнейших условий культурной модернизации Северной Осетии выступило развитие науки и искусства. Научная и творческая интеллигенция должна была выполнять посредническую функцию, выступая проводником социалистических ценностей в национальную культурную среду. Осетинское общество оказалось весьма подготовленным к таким вызовам: еще до утверждения власти Советов в Осетии сформировался пласт педагогической, научной и творческой интеллигенции, которая была активно вовлечена в жизнь общества, занималась просветительством, научной, творческой и издательской деятельностью, принимала активное участие в обсуждении различных проблем языка, образования, истории, культуры, социально-экономического развития на страницах периодической печати, взаимодействовала с российскими и зарубежными учеными, объединялась в тематические сообщества. Вступив в новый этап общественного развития, осетинская интеллигенция с готовностью включилась в научно-просветительскую и культурную работу.

Идея консолидации получила реализацию в возникшем в 1919 г. Осетинском историко-филологическом обществе, которое «в годы всеобщей разрухи, благодаря исключительной преданности делу нескольких своих членов, проявило большую энергию, проделало крупную работу в намеченной им области истории и филологии осетинского народа» [20, 1].

Общество стало важным этапом систематизации научно-просветительской работы и развития научного знания: несмотря на сложные условия Гражданской войны, интеллигенция объединила усилия для изучения и популяризации истории, языка, фольклора и культуры осетинского народа [21, 37–41].

Автор идеи организации Осетинского историко-филологического общества профессор Г.А. Дзагуров вспоминал: «Еще в январе 1918 года я поместил в газете «Горская жизнь» статью под названием «О современности образования Общества любителей осетинской народной словесности», а

также Проект Устава Общества любителей осетинской народной словесности... При обсуждении моего предложения на предварительном заседании было признано желательным организовать научное общество с более широкими задачами. Устав такого общества было поручено разработать Б.А. Алборову. При рассмотрении нового Устава было принято по примеру Харьковского, Петроградского и других университетов, при которых существовали подобные научные общества, название «Осетинское историко-филологическое общество». Общество просуществовало около шести лет... С 1 апреля 1925 года на базе Осетинского историко-филологического общества был организован, по моему представлению... Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, в последующем институт стал именоваться просто как Северо-Осетинский научно-исследовательский институт» [22, 2]. Г.А. Дзагуров особенно отмечал, что Осетинское историко-филологическое общество было зарегистрировано как научное общество, подведомственное Главнауке Наркомпроса РСФСР, своим возникновением было обязано революции и стало первым по времени научным обществом среди горских народов Северного Кавказа, а в состав его Правления входили учителя и представители Владокрпарткома, «бывшие учителя по прошлой своей работе» С. Мамсуров, Ш. Абаев, И. Худалов, Д. Такоев, С. Кесаев, А. Уруймагов, Х. Тавитовов, К. Годизов и др. [22, 3].

Согласно сохранившимся протоколам и отчетам [23], Осетинское историко-филологическое общество активно занималось развитием осетиноведения, уделяя особое внимание проблемам осетинского языкознания. В рамках научных заседаний обсуждались ключевые вопросы стандартизации языка: эволюция письменности, разработка единой литературной нормы, переход на латиницу, составление букварей. Эти темы нашли отражение в докладах Б. Алборова («Эволюция осетинских писмен и примерная осетинская графика»), В. Абаева («Ударение в осетинском языке»), А. Тибилова («О графике»,

«Буквари на осетинском языке», «Единый литературный язык для всех трёх ветвей осетинского языка»), Г. Дзагурова («Новая осетинская графика на латинской основе», «О 125-летию осетинской письменности» [24, 143-145]. Существенное внимание общество уделяло сбору полевого фольклорного и этнографического материала, консультациям по работе с информантами, сказителями и исполнителями песен. Кроме того, ставился вопрос о необходимости издания памятников народного творчества и их перевода на русский язык [24, 143–145]. Деятельность общества охватывала и разные сферы гуманитарного знания: осетинское театральное искусство, народная музыка, произведения осетинской художественной литературы и др. Значительный вклад был внесён в развитие научного осетиноведения. Важным направлением работы стало совершенствование осетинской народной школы и преподавание осетиноведения: общество объявляло конкурсы на учебные пособия, разрабатывало образовательные программы и добивалось открытия Горского Института Народного Образования для подготовки квалифицированных кадров [24, 143–145]. Члены Общества так же способствовали развитию научной, образовательной и культурной инфраструктуры национальных школ, институтов, архива, музеев, научной библиотеки, осетинского театра, а также появлению научной периодики, изучению современных методик преподавания языка, подготовке учительских кадров [8, 96–110]. В результате многоплановой научно-исследовательской, просветительской и организационной деятельности интеллигенции в рамках Осетинского историко-филологического общества был заложен фундамент научного осетиноведения, что подтверждается формированием богатых архивных и библиотечных фондов, сохранением ценных сведений об осетинских учёных, писателях и общественных деятелях.

В период 1917–1925 гг. культурное развитие Северной Осетии стало неотъемлемой частью процесса становления советской государственности и было подчинено задачам формирования нового социального порядка. Ключевыми направления-

ми культурного развития выступили: ликвидация неграмотности, секуляризация образования, создание светской системы просвещения, интеграция национальных культурных практик в рамки социалистической идеологии и формирование новой идентичности, сочетавшей этнические традиции с общегражданскими установками советского общества. Важнейшую роль в реализации этих задач сыграла осетинская интеллигенция: ее вовлеченность в культурно-просветительскую работу позволила не только выполнить идеологические установки центра, но и сохранить элементы национального наследия, заложить основы научного осетиноведения, подготовить кадры для развивающейся системы образования и науки.

Результатом преобразований стало формирование в Северной Осетии новой культурной инфраструктуры, отвечавшей задачам советской модернизации. Были созданы условия для массового повышения образовательного уровня населения, развернута сеть школ грамоты и профессионально-технических учебных заведений, учреждены органы управления просвещением, запущены механизмы подготовки национальных педагогических кадров. Принятие декретов об отделении церкви от государства и о ликвидации безграмотности задало правовые и организационные рамки культурной политики, обеспечив переход к светскому образованию и идеологическому воспитанию «нового человека». Несмотря на противоречивость процессов, сочетание просветительских достижений с жесткой идеологизацией и вытеснением религии из публичного пространства эти преобразования заложили фундамент для дальнейшего развития осетинской советской культуры и интеграции региона в общесоюзное культурно-образовательное пространство.

1. Доклад и заключительное слово И.В. Сталина на съезде народов Терской области о принципах организации Горской Советской Автономной республики. // История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник документов и материалов / [составители М.Д. Бетоева, Л.Д. Бирюкова]. Владикавказ: Сев.-Осет. ун-т: Сев.-Осет. объедин. музей истории, архитектуры и лит., 1991 (1992). 1014 с.

2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 41. 696 с.

3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. 729 с.

4. Резолюция X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». 15 марта 1921 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК, ч. 1. М., 1940, изд. 6.

5. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сборник документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе, 1974.

6. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., автор вступительной статьи А.Х. Кармов. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 168 с.

7. Лобанов В.Б., Артемьев А.С. Владикавказский съезд горских народов Северного Кавказа в мае 1917 г. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 73–77.

8. Цибиров Г.И., Гутиева Э.Ш. Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) // KAVKAZ-FORUM Вып. 10 (17) 2022.

9. Швецов А. Ю. Ликвидация безграмотности – фундамент советского образования. // Весенние психолого-педагогические чтения: Сборник материалов VII Всероссийской научно-прак-

тической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения почётного профессора АГУ им. В.Н. Татищева А.В. Буровой, Астрахань, 19 апреля 2023 года / Составитель И.А. Еремицкая. Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный университет», 2023. С. 178–181.

10. Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1919. № 67. Ст. 592.

11. Сборник декретов и постановлений по народному образованию Горской АССР. Владикавказ, 1921.

12. Цибилов Г.И. Ликвидация неграмотности в Северной Осетии / Северная Осетия: история и современность. Вып. 2. Владикавказ, 1991.

13. Царикаева А.Р., Царикаев А.Т. Деятельность Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности населения Владикавказа в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С 199–201.

14. Каймаразов Г.Ш., Каймаразова Л.Г. Ликвидация массовой неграмотности населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в 20-30-е гг. XX века: Проблемы, взаимодействие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 54–59.

15. Сосранова З.В. Народное образование в Северной Осетии в 1920-х гг. // Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов: Выпуск №5. Владикавказ, 2013. С. 77–83.

16. Воронкова Н.Ф. Вопросы развития образования и куль-

туры в национальной политике большевиков на Северном Кавказе: исторический опыт 1920 г. // Наука и школа. 2008. № 2. С. 70–71.

17. Собрание узаконений РСФСР (1918, № 18, ст. 269)

18. Гобети З.В. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе (20-е годы XX века) // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 4. С. 14–17.

19. Хубулова Э.В., Дзебисов А.Т. Государственно-конфессиональные отношения в 1920 – 1930-е гг. (на материалах Северной Осетии): Историко-правовой аспект. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН; ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова», 2017. 220 с.

20. Известия осетинского научно-исследовательского института краеведения / Под ред. Б.А. Алборова, Г.Г. Бекоева, Г.А. Дзагурова и Д.А. Дзагурова. Вып. 1. Владикавказ: Издание Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926.

21. Цориева И.Т. Наследие Коста Хетагурова в деятельности Осетинского историко-филологического общества как опыт становления научной школы осетиноведения // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 3. № 19. С. 37–40.

22. НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Г.А. Оп. 1. Д. 196.

23. НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1, 5

24. Канукова З.В. Осетинское историко-филологическое общество // Известия СОИГСИ. 2007. № 1(40). С. 143–145.

Г.А. Засеев,
кин, мнс отдела истории
СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛОШАДЕЙ НА ПЕРЕДОВОЙ И В ТЫЛУ В ГОДЫ ВОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

В статье рассматривается опыт советского государства в использовании животных в Великой Отечественной войне. На примере Северного Кавказа анализируется использование кавалерии при обороне Южного фронта от немецко-фашистских оккупантов. Рассмотрен опыт Северной Осетии в подготовке лошадей для Красной армии и использовании животного труда в сельском хозяйстве в военный период. Приводятся примеры популяризации коневодства через периодическую печать и выступления ведущих политических лиц республики. Сделан вывод о том, что животные вместе с людьми оказали значительное влияние на приближение победы над нацистской Германией.

Ключевые слова: СССР, ВОВ, Северный Кавказ, Северная Осетия, тыловая работа, лошади РККА, животноводство.

This article examines the Soviet state's experience with animal husbandry during the Great Patriotic War. Using the North Caucasus as an example, it analyzes the use of cavalry in the defense of the Southern Front against Nazi occupiers. North Ossetia's experience in training horses for the Red Army and using animal labor in agriculture during the war is examined. Examples of the popularization of horse breeding through periodicals and speeches by leading political figures in the republic are given. It concludes that animals, along with humans, significantly influenced the victory over Nazi Germany.

Keywords: The Union of Soviet Socialist (USSR), Republics, Great Patriotic War (GPW), North Caucasus, North Ossetia, rear work, Red Army horses, animal husbandry.

Великая Отечественная война до сих пор остается самой разрушительной и масштабной войной в истории Российского государства. Для народов СССР она стала тяжелейшим испытанием, в то же время обнажив самые высокие чувства патри-

отизма и безмерной отваги в борьбе с немецко-фашистским оккупационными армиями. Широко известен и воспет подвиг советского солдата, большое количество воинов разных национальностей были удостоены высших военных и государственных наград. Но, тем не менее, стоит однозначно упомянуть, что не только люди сыграли значительную роль в завоевании победы над фашизмом. Необходимо помнить и подвиг животных, которые наряду с людьми участвовали в боевых действиях, выполняли опасные военные задачи, работали на благо фронта в тылу. Например, в годы войны в различных родах войск служило в общей сложности 70 000 собак [1, 5]. Они выполняли различные роли на поле боя: были санитарями, связистами и разведчиками.

Подвиг собак, лошадей, верблюдов и других служебных животных справедливо увековечен в военной истории России. Говоря об историографии проблемы необходимо отметить, что тема участия животных в Великой Отечественной войне изучена хорошо. Исследования, посвященные данному аспекту войны, проводили К.А. Орлова [2], С.А. Безуглов [3], Е.А. Орловская [4], У.Н. Гринько [5] и другие современные исследователи. Тем не менее, говорить о полном раскрытии данной проблемы все еще невозможно, так как в отечественной историографии остаются значительные пробелы. Так, практически не изучена роль животных в период ВОВ применительно к Северному Кавказу. У региональных историков эта тема не получила практически никакого развития. Не уделяли ей внимания, в частности, и ученые-историки из Северной Осетии.

При этом существуют неоспоримые свидетельства важной роли животных в условиях войны на Северном Кавказе. Например, одну из наиболее значимых ролей здесь играли боевые лошади. В национальной традиции абсолютного большинства северокавказских народов конь имел большое значение. Лошади были не только элементом статуса для горцев, но и выполняли функции транспорта и боевой единицы. Именно по этой причине, в период Великой Отечественной

войны основное количество бойцов кавказского происхождения служили в кавалерийских формированиях, отличаясь высоким умением верховой езды. В составе военного округа Северного Кавказа на начало войны находилось несколько корпусов и дивизий [6]. Среди них было 9 кавалерийских дивизий: 35-я, 40-я, 42-я, 56-я, 66-я, 68-я, 70-я и 72-я. При этом, в начальный период войны была восстановлена практика организации чисто национальных частей. К таким формированиям относились 115-я Кабардино-Балкарская конная дивизия, 114-я Чечено-Ингушская, 225-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк, Дагестанский кавалерийский эскадрон и т.д. [7, 196]. Необходимо рассмотреть постановление Государственного комитета обороны от 13 ноября 1941 года, которым было одобрено создание 20 национальных конных бригад из представителей народов Средней Азии и Кавказа. В одном из пунктов положения оговаривалось, что союзные и автономные республики должны выделить средства на конский состав, конное снаряжение, седла, фураж и т.д. [8].

Областной комитет Кабардино-Балкарской АССР достаточно быстро смог организовать 115-ю кавалерийскую дивизию. Дивизия имела в составе 4 726 коней при небольшом некомплекте верховых лошадей. При этом, в указанной дивизии было зафиксировано практически полное отсутствие грузовых и специальных авто, поэтому они заменялись гужевыми повозками и тачанками на лошадиной тяге [7, 198–200]. Этот факт свидетельствует о все еще важной роли лошади даже в эпоху стремительной механизации.

В период битвы за Кавказ летом 1942 года северокавказские конные войска были частью Крымского фронта. На горскую конницу делалась большая ставка. В частности, на 115-ю кавдивизию возлагалась задача обороны от противника реки Дон, не допущения ее форсирования. Кабардино-Балкарская конная дивизия, в составе которой были и осетины, отважно участвовала в боях. Ей удавалось успешно отражать атаки противника: 27 июля 1942 года из Батлаевской были выбиты нем-

цы, была позднее отражена и их контратака [7, 211]. Позднее, понеся ощутимые потери в боях с превосходящими силами врага, дивизия была все же расформирована.

Упоминания заслуживает и тыловая значимость животных в условиях войны. Так, физические мощи лошадей использовались при организации Красных обозов – караванов, нагруженных собранными для бойцов РККА подарками и продуктами. В августе 1941 года подобный обоз, состоящий из вереницы лошадей и вьючных животных длиной почти в три километра, был направлен из Ардонского района во Владикавказ. Подводы украшались лозунгами и плакатами. Обоз остановился в городе на улице Кирова, где сразу же организовался митинг. Выступая, секретарь Ардонского районного комитета Ревалов сообщил, что в столицу СОАССР прибыло 203 подводы с подарками от трудящихся района. Было доставлено несколько тонн зерна, картошки, овощей, фруктов, мяса, а также привезены подарки на сумму 100 000 рублей [9].

Важное значение имело использование животных в сельском хозяйстве, которое в годы войны играло огромную роль. Так, газета «Социалистическая Осетия» в статье «По-большевистски использовать все резервы» отметила, что руководители районов и колхозов обязаны умело и рационально использовать живое тягло для успешного выполнения сельхоз задач. Здесь же отмечалось, что отдельные колхозы недостаточно используют рабочих животных. Каждый колхоз должен был составить график использования тягловой силы с сентября по декабрь 1941 года и строго следовать ему. Запрещалось использование живого тягла не по назначению. Весь перевозочный инвентарь должен был быть отремонтирован, чтобы избежать простоя рабочего тягла. «Уход и правильное кормление лошадей – основной тягловой силы – должны быть в центре внимания работников колхозов» – суммировала редакция газеты [10].

Работники коневодства действительно проводили большую работу в выращивании коней для нужд Красной армии.

Для выполнения военных задач требовались быстрые, выносливые лошади, способные к долгим переходам в условиях бездорожья, лесистой и заболоченной местности. Успешное развитие коневодства зависело от того, насколько правильно это дело было организовано в колхозах. Практика показывала, что коневодческие товарные фермы являлись лучшей формой организации коневодства в колхозах. Так, конная ферма артели «Партизан» (Дигорский район) дала около 100% молодняка. Колхозная конная ферма в селении Лескен вырастила 52 жеребенка от 52 маток. Многие казаки-колхозники приходили в кавалерию со своими, выращенными в колхозах конями. Старший агроном Наркомзема СОАССР Шапошников в этой связи отмечал, что коневодство являлось важнейшей отраслью сельского хозяйства, имело большое оборонное значение [11]. Поэтому, земельные органы обязаны были помогать колхозам в выращивании лошадей высокого качества. Здесь стоит отметить, что информация о лучших коневодах республики помещалась на страницах газет в качестве примера для подражания в работе. В 1942 году на станицах «Социалистической Осетии» публикуется заметка о конетоварной ферме колхоза имени Буденного, в которой сообщалось как ферма в первые же дни войны дала армии более ста здоровых и быстрых боевых коней. К годовщине Красной армии были подготовлены для фронта еще 50 крепких лошадей. Подобные результаты были достигнуты во многом за счет работы старых, опытных конюхов – Кайтуко Бацазова и Иналыка Кусова [12].

В годы войны проводилось в республике обучение ветеринаров. Учащиеся средней школы Садона под руководством ветеринарного врача Дунько изучали распространенные болезни животных и практиковались в оказании им первой помощи [13]. Это один из многочисленных примеров того, как оказывалось внимание трудящимся и боевым животным в период борьбы с немецкими оккупантами.

В наиболее сложный для Северной Осетии 1942 год значительно возросло стратегическое значение животноводства, о

чем также неоднократно подчеркивалось в периодической печати. Советская страна, а прежде всего Красная армия, предъявляли повышенные требования к колхозно-совхозному животноводству. Колхозы и совхозы призваны были снабжать тыл и фронт животноводческой продукцией во все возрастающих объемах. Кроме того, необходимо было восполнять потери животноводства из-за оккупации части советских земель.

В этом контексте необходимо было и увеличение количества лошадей. К 1 января 1943 года от Северной Осетии требовалось увеличение конного поголовья до 18 тысяч. Был утвержден план по всем районам республики, согласно которому, больше всего лошадей должен был дать Орджоникидзевский район (3030 голов), а меньше всего – Махчешский (650 голов) [14].

Затрагивало проблему развития животноводства и высшее партийное руководство республики. 1 апреля 1942 года на республиканском совещании работников животноводства с докладом выступил секретарь обкома ВКП(б) Н.П. Мазин. Значительную часть своего доклада он посвятил подготовке лошадей. В речи секретарь отметил, что к весне 1942 года колхозы, выполняющие указания обкома ВКП(б), СНК и Наркомзема Северной Осетии добились полного восстановления работоспособности живой тягловой силы, было поставлено на усиленное кормление 2 433 истощенных лошадей. Вместе с тем, отмечались и недостатки. Состояние рабочего скота во многих колхозах республики оставалось неудовлетворительным. По причине неудовлетворительного кормления конского поголовья, отсутствия заботы о животном республиканские колхозы в 1941 году столкнулись с большими потерями в конном составе. Молодняк 1939 года рождения не был готов к сдаче в Красную армию. Недостатки были результатом ослабленного руководства со стороны районных организаций, специалистов и колхозов. Районным земельным отделам, зоотехникам районов и колхозов следовало лично заниматься вопросами коневодства. «Пора решительно покончить с недооценкой

коня, привести в полную работоспособность весь рабочий состав лошадей, привести в должное состояние молодняк и иметь в наших колхозах вполне кондиционных крепких коней для поставки в РККА», – отметил Мазин в своем докладе [15].

Таким образом, необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны важнейшую миссию приближения победы над немецко-фашистскими оккупантами выполняли не только люди, но и животные. Применительно к Северному Кавказу и Северо-Осетинской АССР, в частности, наиболее заметную роль играли лошади. Они вместе со всадниками составляли костяк кавказских кавалерийских дивизий, которые в начале войны в тяжелых сражениях удерживали гитлеровцев на южных направлениях фронта. Помимо службы на фронте лошади часто использовались в тылу в качестве активной рабочей единицы. Исключительно большую роль играли кони в период посевных кампаний, когда требовалось работать быстро и усиленно с целью обеспечения фронта необходимыми продуктами. Активное внимание уделялось животноводству и коневодству, в частности, со стороны высших партийных органов центра и республики. Свою лепту в поднятие и популяризацию разведения лошадей внесла периодическая печать, которая регулярно на страницах публиковала отчеты о работе сельскохозяйственной сферы, приводила статистику, рассказывала о труде коневодов в пользу фронта, а также помещала выступления и призывы ведущих советских функционеров.

1. Васильева О.Н. Верный друг. Памятники животным, помогавшим приближать победу в годы Великой Отечественной войны, локальных войнах и в мирные дни. Химки: Дайджест, 2017. 20 с.

2. Орлова К. А. Вклад животных в победу в великой отечественной войне // Ни шагу назад: исторические и кримина-

листические аспекты: Сборник тезисов докладов курсантов и слушателей, посвященный 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 14 мая 2020 г.). Волгоград: Кубик, 2020. С. 45–48.

3. Безуглов С. А. Неизвестное оружие РККА: собаки и птицы // Техноложос. 2023. № 2. С. 53–66.

4. Орловская Е. А. «Боевые друзья» Великой Отечественной войны (о животных на войне) // Документы Войны и Победы: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 21–22 мая 2024 г.). М.: ООО «Сфера», 2024. С. 101–105.

5. Гринько У. Н. Роль животных в решении военных задач в период Великой Отечественной войны // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2025. № 3(62). С. 24–30.

6. Reitlinger G. The house built on Sand. The conflicts of German Policy in Russia, 1939-1945. London: Weidenfeld & Nicolson, 1960. 459 p.

7. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2012. С.196.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.644.оп.2. д.25.л.103-104.

9. Социалистическая Осетия. 1941. №183.

10. Социалистическая Осетия. 1941. №220.

11. Социалистическая Осетия. 1941. №340.

12. Социалистическая Осетия. 1942. №46.

13. Социалистическая Осетия. 1942. №15.

14. Социалистическая Осетия. 1942. №73.

15. Социалистическая Осетия. 1942. № 79.

Т.З. Бабаев,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

РАЗВИТИЕ КОНСЕРВНОЙ ОТРАСЛИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

В статье рассматривается становление консервной отрасли пищевой промышленности на территории Северо-Осетинской АССР. При помощи полученных данных прослеживаются положительные и отрицательные аспекты развития предприятий, входящих в систему консервной промышленности. Результаты исследования демонстрируют, что за сравнительно короткий временной период консервная промышленность на территории республики претерпела существенные трансформации и заняла лидирующие позиции в структуре пищевой промышленности страны. Несмотря на преимущественно локальный характер как потребления, так и предложения, отрасль активно развивала партнерские отношения как с близлежащими, так и с отдалёнными регионами РСФСР.

Ключевые слова: Северо-Осетинская АССР, Семилетка, промышленность, консервная промышленность

The article examines the development of the canning industry in the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic. The data obtained are used to analyze the positive and negative aspects of the development of enterprises in the canning industry. The study's results demonstrate that, over a relatively short period of time, the canning industry in the republic has undergone significant transformation and taken a leading position in the country's food industry. Despite the predominantly local nature of both consumption and supply, the industry actively developed partnerships with both neighboring and remote regions of the RSFSR.

Keywords: North Ossetian ASSR, Seven-Year Plan, industry, canning industry

В начале Первой мировой войны на станции Беслан при зерносушильном заводе барона Штенгеля был организован кустарный вакуум-сушильный цех, где сушилось мясо для снабжения действующей армии. Позднее там для этих же це-

лей производилась сушка картофеля, помидор, морковки, лука и некоторых других овощей. Цех просуществовал до конца войны.

Все заводы консервной промышленности в Северной Осетии были построены в годы Советской власти. К 1944 г. в республике было два консервных фруктоварочных завода – Ардонский и Эльхотовский. В том же году Северной Осетии были переданы Черменский и Карцинский фруктоварочные заводы.

К 1960 г. консервная промышленность Северо-Осетинской АССР состояла из четырех заводов: Черменского, Ардонского, Эльхотовского, Карцинского; трех консервных цехов: при Орджоникидзевском, Моздокском и Бесланском пищекомбинатах. За исключением Черменского и Ардонского, заводы относились к категории мелких предприятий консервной промышленности и были рассчитаны на переработку местного плодоовощного сырья, а производимая продукция – на удовлетворение потребностей местного рынка [1].

Заводы были размещены в сельских районах республики на больших массивах плодородных земель или рядом с ними. Районы дислокации заводов относились к зонам с благоприятными условиями для возделывания различных овощей, фруктов и ягод. Технической и питьевой водой предприятия обеспечивались из рек, родников и городских водопроводных сетей. Рабочей силой предприятия обеспечивались за счет населения районов их расположения [2].

Основными видами сырья, перерабатываемого заводами, являлись: томаты, огурцы, морковь, зеленый горошек, капуста, свекла, баклажаны, болгарский перец, лук, подсолнечные семена и масло, специи, яблоки, вишня, слива, абрикосы, земляника и некоторые другие сельскохозяйственные продукты.

Сырье заводы заготавливали в колхозах и совхозах республики по ежегодно заключаемым договорам. Часть сырья (плоды, фрукты) скупалась у местного населения через заготовительные организации. Наиболее устойчивыми и перспективными из трех источников местного сырья являлись:

собственная плодоовощная база заводов и местное колхозно-совхозное производство. Заготовки велись каждым предприятием самостоятельно, по зонам, которые закреплялись за ними местными руководящими органами, устанавливавшими и закупочные цены по отдельным периодам заготовительного сезона. Зоны заготовок охватывали большое количество совхозов и колхозов республики. Черменский завод, например, в 1963 г. вел заготовки сырья в 16 колхозах и 2 совхозах, Ардонский – в 8 колхозах и 2 совхозах. Однако наиболее эффективным источником большого количества разнообразного и качественного сырья все годы «семилетки» были совхозы и подсобные хозяйства самих консервных заводов [3].

Действуя как самостоятельные хозрасчетные предприятия, они были непосредственно связаны с заводами, возделывали овощные и другие сельскохозяйственные культуры в соответствии с производственными планами предприятий. Отметим, что плодоовощной совхоз при Черменском консервном заводе был самым большим среди них. Он занимал 1000 га земельных угодий в том числе: 310 га посевных площадей, 340 га сады, имел тепличное хозяйство из 4 тысяч рам. Коллектив совхоза в 1964 г. состоял из 360 человек. Совхоз выращивал томаты, зеленый горошек, морковь, сладкий перец и другие овощные культуры. Урожаи овощей в совхозе превосходили урожай аналогичных культур в колхозах и совхозах республики в 2 раза. В 1964 г. совхоз поставил консервному заводу 36 % общей потребности в овощах, 58,5 % плодов и удовлетворил всю потребность завода в землянике. Это немногим меньше, полученных заводом овощей от 18 колхозов и 2 совхозов республики вместе взятых [4].

Однако даже при проводимой закупке местного сырья консервная промышленность Северной Осетии не обеспечивалась необходимыми объемами для производства. В отдельные годы до 60 % сырья заготавливалось за пределами республики: в краях, областях и республиках Северного Кавказа и Закавказья (Ставропольский и Краснодарский края, Азербайджанская

АССР, Ростовская область). За пределами Северной Осетии заготовка производилась в децентрализованном порядке в колхозах и большей частью у населения [5].

Важнейшими видами консервов, производимых на предприятиях республики являлись: овощные, томатные, мясорастительные, фруктовые и маринады. Некоторые из заводов и цехов также производили халву, кукурузный сироп и некоторые другие продукты. Хотя продукция заводов была рассчитана на местное потребление, большая ее часть вывозилась за пределы республики, чаще в районы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера – Берингов пролив, Уэлен и др. Однако торгующие организации Сибири, Дальнего Востока и других районов иногда отказывались от оплаты, отгружаемой им консервной продукции, ссылаясь на ее плохое качество. Нередко они принимали продукцию на «ответственное хранение», избавлявшее их от немедленной оплаты поставок.

В начальный период предприятия были оснащены отсталым малопроизводительным оборудованием. Преобладала деревянная, медная и изготовленная из черных металлов техника, исключавшая внедрение передовых технологий того времени в производство. В последующие годы заводы постепенно переоборудовались высокопроизводительными линиями из нержавеющей стали и стекла работающими под глубоким вакуумом. Были механизированы и частично автоматизированы процессы закатки консервов, работа накопителей, регулировка термической обработки продукции, а также часть транспортных, погрузочно-разгрузочных и складских операций. В целом оборудование завода не отвечало требованиям и требовалось дальнейшее усовершенствование производственных мощностей. Однако все это не говорит о том, что технологическое оборудование не обновляется. Только за три года, начиная с 1960, все четыре завода сняли с эксплуатации 117 единиц устаревшего оборудования и установили за это же время 156 единиц нового оборудования [6]. Таким образом за указанное время было установлено нового оборудования

на 39 единиц больше, чем было снято. Обновление основных производственных мощностей наиболее интенсивно происходило на Черменском и Ардонском заводах. На долю Черменского завода приходилось более половины установленного оборудования. За годы существования заводов на предприятиях выросли квалифицированные кадры инженерно-технического персонала и рабочих консервной промышленности.

Производственные фонды консервной промышленности увеличивались из года в год. Рост их происходил как за счет обновления устаревшего оборудования, так и за счет увеличения производственных площадей посредством строительства новых цехов, технологических линий, объектов культурно-бытового и хозяйственного назначения. По стоимости производственных фондов, количеству занятых рабочих и перерабатываемого сельскохозяйственного сырья, стоимости выпускаемой продукции консервная промышленность являлась одной из профилирующих отраслей в народном хозяйстве Северной Осетии.

Особенно выросли производственные фонды Черменского и Ардонского заводов, являющихся крупнейшими предприятиями отрасли. Производственные фонды Черменского завода увеличились с 1677 тыс. рублей в 1963 г. до 1790 тыс. рублей в 1964 г.; по Ардонскому соответственно – с 1144 тыс. рублей до 1366 тыс. рублей.

В структуре производственных фондов отрасли удельный вес стоимости занимает их пассивная часть – стоимость производственных мощностей. Так удельный вес стоимости технологического оборудования в основных фондах Ардонского завода составлял 40 %, по Карцинскому заводу 37,1 %.

В годы «семилетки» ежегодная потребность отрасли в плодовоовощном сырье составляла в среднем 30 тыс. тонн, а предприятия получали около 23 тыс. тонн. Недостаток сырья являлся основной причиной сравнительно низких планов по количеству рабочих дней в году. По этой же причине были высоки показатели простоя заводов. Только за три последние

года «семилетки» они составили по отрасли 103 дня, наибольшее количество которых приходилось на Ардонский (39 дней) и Черменский (35 дней) заводы. В тех случаях, когда заводы не выполняли планы как по валовой продукции, так и в натуральных показателях – основной причиной этого почти по всем предприятиям выступал также недостаток сырья [7].

Реализуя часть своей продукции за пределами республики, консервная промышленность Северной Осетии имела право на получение в плановом порядке зон заготовок в других регионах Северо-Кавказского экономического района, на установление прочных и прямых связей колхозами и совхозами этих зон на тех же условиях что и с местными сельскохозяйственными предприятиями.

Одним из важнейших аспектов при выполнении данной возможности для обеспечения сырьем был автотранспорт, оснащенный ремонтной базой и другими службами для чего были нужны финансовые ресурсы.

Расходы на сырье в консервной промышленности республики колебались в пределах 40–75% всех производственных затрат. Поэтому каждый процент удорожания и порчи сырья ложился тяжелым бременем на все экономические показатели отрасли. Отсюда ясно что подъем эффективности консервной промышленности Северной Осетии зависел не только от обновления технологического оборудования, но в такой же мере и от разрешения всего комплекса проблем и вопросов, связанных с обеспечением отрасли необходимым количеством дешевого и доброкачественного сырья в нужном ассортименте и доставкой в необходимые сроки [8].

Несмотря на большое значение производственных фондов и обрабатываемого сырья, главным ведущим элементом всякого производства является рабочая сила. Эффективное использование средств производства находится в прямой зависимости от общей квалификации и трудовой активности рабочих, инженерно-технического персонала и опыта руководителей предприятий. Большая часть рабочих и инженер-

но-теоретического персонала работали на соответствующих предприятиях более трех лет. Так в 1964 г. из 754 рабочих Черменского завода более трех лет работало свыше 500 человек, меньше одного года 73 человека. По другим предприятиям эти показатели были значительно хуже. За три последних года "семилетки" ежегодно увольнялось с заводов в среднем около половины рабочих. Текучесть кадров также отрицательно сказывалась на использовании производственных мощностей и качестве выпускаемой продукции, на всех экономических показателях производственной деятельности предприятий. Это было связано со временем и средствами, затраченными на обучение новых рабочих. В основном текучесть кадров была вызвана невозможностью обеспечения всех нуждающихся жилплощадью и недостатками в оплате труда.

До 75% рабочих и инженерно-технического персонала составляли женщины. В 1964 г. в коллективе Ардонского консервного завода мужчин было всего 25%, из 916 рабочих на Черменском заводе 495 были женщины. Рабочие и работницы в возрасте до тридцати лет составляли преобладающую часть среди трудящихся отрасли. Они имели образование в объеме законченной и неполной начальной, семилетней и средней школы.

Основная часть трудящихся консервной промышленности республики состояла из русских и осетин, представители коренной национальности составляли в коллективах заводов от 50 до 80 % [9].

Таким образом за короткий период времени консервная промышленность на территории республики развилась в один из основных секторов пищевой промышленности. Несмотря на ориентирование на местное население в плане как спроса, так и предложения, по итогу взаимодействовала как с соседними, так и с дальними регионами РСФСР.

1. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ) Ф. Экономики. Папка 30. Д. 70. Л. 97.
2. Растзинад. 1960. № 209.
3. Молодой коммунист. 1964. № 139.
4. НА СОИГСИ Ф. Экономики. Оп. 2. Д. 405 Л. 19.
5. Социалистическая Осетия. 1961. № 52.
6. НА СОИГСИ Ф. Экономики. Оп. 2. Д. 415. Л. 29.
7. НА СОИГСИ Ф. Экономики. Оп. 2 Д. 417. Л. 47.
8. НА СОИГСИ Ф. Экономики. Оп. 2. Д. 419. Л. 38.
9. НА СОИГСИ Ф. Экономики. Оп. 2. Д. 420. Л. 23

II. ЭТНОЛОГИЯ

А. А. Туаллагов,
дин, снс Центра скифо-аланских исследований
им. В. И. Абаева ВНЦ РАН
(г. Владикавказ)

А. А. Туаллагова,
магистрант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

К ИСТОРИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОСЕТИИ

Целью исследования является анализ практики судебных разбирательств в традиционном суде Осетии. В его задачи входят выявление архаичных элементов данной практики по данным осетинской этнографии и их соотнесение с соответствующими данными письменных и фольклорных источников. Научная актуальность заявленной тематики статьи определяется повышением внимания к проблемам этнической истории в исследовательских кругах, стимулирующим объективный анализ культурного наследия современных народов региона. Научная новизна определяется привлечением данных издания оригинальных текстов осетинского эпоса. В исследовании использовались методы сравнительно-исторического анализа, текстологического изучения источников. В ходе исследования устанавливается, что элементы судебной клятвы осетин составляют один из архаических компонентов традиционного осетинского суда. Его истоки могут быть связаны с древними представлениями о божественном определении правды и справедливости, выражаться в задействовании символа оружия как наследием воинского культа бога-меча. Фольклорно-этнографические материалы также позволяют говорить о живой связи в осетинских представлениях посмертного суда с образами реальных и эпических предков народа.

Ключевые слова: традиционный суд, Нартовский эпос, образы богов, оружие.

The aim of the study is to analyze the practice of judicial proceedings in the traditional court of Ossetia. Its objectives include identifying archaic elements of this practice based on data from Ossetian ethnography and correlating them with relevant data from written and folklore sources. The scientific relevance of the stated topic of the article is determined by the increased attention to issues of ethnic history in research circles, which stimulates an objective analysis of the cultural heritage of the modern peoples of the region. The scientific novelty is determined using data from the publication of original texts of the Ossetian epic. The study used methods of comparative-historical analysis and textual study of sources. The study establishes that elements of the Ossetian judicial oath constitute one of the archaic components of traditional Ossetian law. Its origins may be linked to ancient beliefs about the divine determination of truth and justice, expressed in the use of the symbol of weapons as a legacy of the warrior cult of the sword god. Folklore and ethnographic materials also suggest a living connection in Ossetian beliefs about the posthumous court with images of real and epic ancestors of the people.

Keywords: *traditional court, Nart epic, images of gods, weapons.*

Особую роль в судебных разбирательствах у осетин играла клятва – осет. «ард/арт». В итоге, когда суд не мог установить истину, единственным решением оставалось принесение клятвы. За обвиняемого или подозреваемого ее давал в святилище его родственник, пользовавшийся в народе славой честного и правдивого человека [1, 119–134; 2, 74, 76–78; 3, 90–91].

Известен также особый судебный обряд испытания. У южных осетин истец брал палку, очищал ее от коры и передавал ее своему противнику. Тот должен был внести ее в святилище и воткнуть в землю, чтобы оказаться оправданным по суду [4, 281]. У северных осетин также зафиксирован подобный обряд, но происходивший возле святилища. Клявшийся держал в руке палку, а по ее окончании бросал ее перед собой [1, 128–129]. Сведения о таком обряде сохранялись практически вплоть до нашего времени [5, 32].

Клятвы перед святилищами и в них происходили именем мужского божества, которому оно было посвящено. Еще по

одному свидетельству, перед рассмотрением дела суд вбивал в землю шест в знак того, что стороны должны держаться договора о выполнении его решения и произносилось проклятие тому, кто уклонится от него [6, 107]. При клятве умершими родственниками на кладбище также вбивался в землю шест, к верхнему концу которого привязывали животных, угрожая их посвящением покойным в случае ложной клятвы [7, 216]. Данный обряд указывает на «подключение» к судебному разбирательству покойных, в то же время, напоминая о скифских жертвоприношениях животных Аресу.

Палка постоянно фигурировала в процессе судебных разбирательств. Так, истец и ответчик должны были говорить, обязательно опираясь на палку. Палка со специально наносимой меткой фигурировала и вне судебных процедур. Например, заключая клятву взаимопомощи между соседними селами, старейшины сел помещали ее в общее для этих сел святилище [8, 99, 107]. Правда, бросание палки перед собой в указанном выше обряде клятвы перед святилищем объяснялось стремлением отвести от себя и своих близких страшные последствия такой клятвы [8, 108]. Однако те же варианты помещения палки в святилище не позволяют однозначно согласиться с такой трактовкой. Но речь может идти об особом символизме самой палки, через которую мыслилось наступление наказания за принесение ложной клятвы.

Действие с втыканием предварительно очищенной от коры палки, которая символизировала оружие и которую осетинские мужчины использовали и на ныхасе при голосовании, является глухим отголоском культа меча, отмечаемого источниками у скифов и алан [9, 346]. В его лице аланы поклонялись богу – покровителю земель, в которых они обитали [10, 72, 74, сн. 55]. Но покровительство неразрывно связано с соблюдением определенных законов и порядка. Современные исследователи, обращаясь к соответствующей осетинской практике, отмечают, что во многих архаических культурах воткнутая в землю палка служила символом «оси мира», соединяющей три

уровня мироздания, и выступает в качестве средства организации религиозно-мифологического пространства [11, 327, 329]. Данный вывод не противоречит ранее предлагавшемуся решению, в котором конкретизирован данный образ для формирования собственно осетинской практики – меч, в образе которого воплощался соответствующий бог аланского пантеона.

Видимо, следует обратить внимание и на некоторые другие наблюдения исследователей в оценке истоков указанного выше обряда бросания палки перед святилищем. В Южной Осетии фиксируется пять святилищ, в которых было принято оставлять или бросать хворост, палки, щепки и т. п. Святилище у с. Чъех было конкретно посвящено покровителю грозы и урожая Уацилле. На краю леса у с. Стур-Дигора в Северной Осетии фиксируется священный камень Къуала дор – «Веток камень», на который каждый идущий в лес бросал веточки и просили направить по счастливому пути. Таким образом, отмечается некогда наличие общеосетинского ритуала. Поиск покровительства в пути у осетин связан с Уастырджи, но справедливо указывалось, что исследования установили типологическое сходство и генетическое родство образов Уацилла и Уастырджи, имеющих преемственную связь с указанными богами скифов и алан, фольклорным восприемником которых служит нартowski Батраз – герой-меч, который, мстя за смерть отца, велит соорудить из хвороста или дров огромный костер [12, 358–361].

В Нартовском эпосе осетин у отца Питухи, судьи, отличавшегося несправедливыми действиями как при жизни, так и после смерти, была отрублена рука. Ей вменялась охрана двери в Страну мертвых, которую она должна была открывать и закрывать [13, 631, 633]. Одни исследователи заключили [14, 144–148], что образ охраняющей двери в Страну мертвых отрубленной руки соотносится с обрядом жертвоприношения скифов пленников Аресу-мечу, воспринимавшимся как позорный. Другие указали на сведения «Токсариды, или дружбы.

10» Лукиана Самосатского, что отрубание правой руки служило у скифов наказанием в своей среде, причем, под скифами данного литературного диалога предлагается подразумевать сарматов [15, 133]. Учитывая литературный характер произведения, появление в нем соответствующей информации не исключает ее восхождения именно к давним сведениям о культе Ареса у скифов.

В других вариантах эпических сказаний ворота охранял уәйыг, что соответствует положению об изображении глаз у оснований наверший скифских мечей. Они отражали представления о том, что живые не видят мертвых, как мертвые не видят живых (открытый глаз – мотив смерти, закрытый глаз – мотив жизни). Зрение также было связано с железом. Меч и воплощал железные ворота смерти, которые охранял уәйыг, т. е. одноглазый персонаж [16, 91–92]. В целом, мотив отрубания руки несправедливого судьи, которая становится стражем ворот в Страну мертвых, осетинского Нартовского эпоса включается, согласно приведенным наблюдениям, в древний мифологический круг представлений о загробном мире.

Приведенные материалы позволяют полагать, что в древности судебные функции могли быть связаны с мужским божеством. Следует учитывать сообщение Аммиана Марцеллина, что бог-меч у алан выступал покровителем страны, где они жили, т. е. покровителем закона и порядка [10, 72, 74, сн. 55]. Его божественным восприемником у осетин частью выступал Уастырджи, нередко призываемый в судебных и иных клятвах и связанный с образом палки как оружия. Здесь, например, следует упомянуть нартковский сюжет о случайном убийстве Оразмагом своего сына в подводном царстве, который, по мнению исследователей, заключает в себе очевидную связь между смертью ребенка и жертвоприношением [17, 113; 18, 240–241]. Причем, само жертвоприношение обусловлено идеей преодоления наступившего хаоса и восстановления миропорядка [18, 235–241]. С другой стороны, сюжет сопоставим с обрядом поклонения богу-мечу у скифов и алан [18, 243–244; 19, 299].

Как справедливо отметили исследователи [20, 251–252], анализируя осетинские представления об Уастырджи, образ данного бога именно в осетинских судебных разбирательствах выявляет свою связь с понятием *ard/art* – «клятва», восходящим к **rta-*, означающем понятие правды, порядка. Сама процедура принятия присяги в судебном разбирательстве именем Уастырджи означала установление истины. Исследователи также объективно отмечали, что для «клятвы» в осетинском языке имеется два понятия: «сомы кæнын/соми-гæнæн» – «клясться», «делать клятву», подразумевающее словесную клятву, и «ард хæрын/ард хуæрун» – «клясться», «есть клятву». Второе понятие наглядно подразумевает ритуальное действие [21, 143], которое может быть подкреплено как данными осетинской этнографии, так и некоторыми древними сообщениями [22, 162–162; 23, 159]. Но, справедливости ради, следует указать, что подобные действия известны и соседним осетинам народам.

Воинственный культ бога-меча заставляет обратить внимание еще на одно нартовское сказание, хотя позднее время его записи вызывает к себе настороженное отношение. В данном сказании Уархаг, обычно выступающий в роли родоначальника нартов, отправляется нартами на охрану яблони. Причем, нарты угрожают ему тем, что, в случае плохо исполнения охраны, сдерут с него кожу и сделают из нее подушку для сидения старшего на ныхасе [24, 22, 23]. Исследователи единогласно возводят само имя Уæрхæг к **wærh* – «волк». Его название было табуировано, но сохранилось в охотничьем языке осетин для обозначения волка, и, возможно, в «уæргæфтыд, уæргъæфтыд» – «внезапное нападение» [25, 93]. В свою очередь, культ волка считают одним из характерных признаков мужских союзов, которые могли существовать у скифов и сарматов [26]. Таким образом, приведенный сюжет можно толковать как отголосок помещения шкуры волка на месте старшего на ныхасе как символа воинского мужского союза.

Не исключено, что у алан могли существовать два божества

– в мужской и женской ипостасях, – покровительствовавших закону и порядку, возможно, в разных сферах жизнедеятельности общества. Примечательно, что по давним осетинским представлениям [27, 479], когда наступал для человека смертный день, если должен был умереть мужчина, то на небе над ним творили суд шестеро мужчин, если женщина – четверо женщин. Такой дуализм напоминает о двух других стражах Царства мертвых у осетин – женского в лице Аминон и мужского в лице отца Питухи. Интересно, что оба образа несут на себе печать прижизненной «греховности». Возможно, так отмечен процесс их вытеснения в определенный период аланской истории под влиянием христианства, который не был завершен, позволив им сохраниться.

Исследователи уже справедливо обратили внимание на сопоставимость картины посмертного суда человеческой души некими мужчинами и женщинами с указанной картиной М.С. Туганова необычного для патриархального мира состава суда, включающего женщин, одна из которых демонстрирует свое главенство. Предполагают, что «... мотив о четырёх женщинах-судьях имеет отношение к существовавшим в погребальном обряде осетин «гендерным» ограничениям и предписаниям», одно из которых отражалось в таком правиле, как вынос покойного мужчины во двор мужчинами, а женщины – женщинами [28, 58].

Представления о посмертном пути души умершего позволили обратить внимание на дополнительные сведения [9, 346–348]. По материалам осетинской Нартиады, представители рода воинов Ахсартаггата находились во главе ныхаса, который в реальной жизни у осетин мог осуществлять и судебные функции. Те же Ахсартаггата в образе «нарти кæнтæ» – «нартовских кантов» судили души умерших, находясь рядом с Барастуром – хозяином Царства мертвых или Рая.

Особое значение для женщин имела клятва именем «нарти кæнтæ», т. е. клятва покойниками («кæнтæ» < иран. *kan – «копать»; «кæнтæ» – «закопанные/покойники»), что соотносится с

осетинскими представлениями о нартах как непосредственных предках. Отсюда и понимание того, что «отправиться на тот свет» значило «отправиться к нартам». Было известно и локальное поминальное празднование на кладбище – Нарти кæнти хист [29, 195; 30, 165]. Другие идентификации и трактовки [31, 22] следует отклонить, учитывая и некоторые современные изыскания [32, 92–95]. Исследователи сопоставляют «нарти кæнтæ» с образами упоминавшихся небесных судей над душами умерших – мужчин и женщин [28, 58]. Образ воинского рода Ахсартаггата, возглавлявших ныхас, также напоминает о сведениях Аммиана Марцеллина, что у алан судьями становились те, кто долго был испытан в воинском деле.

В связи с указанными наблюдениями отмечался образ индийских «Отцов», которые изначально могли мыслиться как более или менее отдаленные предки, находящиеся в загробном мире и составляющие разряд почитавшихся в семьях духов, присоединяющихся ко Всем-Богам. Сопоставление образов осетинских нартов как эпических предков с «Отцами» находит себе параллель в образе нартовского Батраза – эпического преемника бога войны, как главы Рая. В то же время Батраз много времени проводит среди небожителей, в том числе непосредственно в суде небесных божеств – зæдтæ.

-
1. Шанаев Дж.Т. Присяга по обычному праву осетин // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 119–135.
 2. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. Ч. III. С. 1–83.
 3. Чиковани Г.Д. Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1979. Т. V, 2. С. 29–107.
 4. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон.

Обычное право осетин в историко-сравнительном изучении. М.: Типография В. Гатцук, 1886. Т. 2. 410+II с.

5. Устные рассказы о святилищах Осетии // Информационный бюллетень отдела фольклора. Владикавказ: СОИГСИ, 2005. Сентябрь. № 1. 42 с.

6. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб.: в Типографии Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным Заведениям, 1857. Ч. II. IV+215 с.

7. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I. С. 177–220.

8. Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Т. 1. Общественный быт осетин в XIX в. 160 с.

9. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.

10. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Издательство «Менеджер», 2003. 608 с.

11. Багаев А.Б. Ритуалы в традиционном судопроизводстве осетин в XIX в. // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 326–329.

12. Дзиццойты Ю.А. Об одном скифском реликте в традиционных верованиях осетин // Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. 1. С. 335–362.

13. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004. Ч. 2. 896 ф.

14. Таказов Ф.М. Обычай отрубания руки: скифо-нартвовские параллели // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сборник научных трудов. Владикавказ, 2015. Вып. 3. С. 142–151 с.

15. Яценко С.А. «Скифы» Лукиана: этнос и эпоха // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-ле-

тию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918). СПб., 2024. С. 133–135.

16. Кокорина Ю. Г. Изображение глаз на скифских мечах VI–IV вв. до н. э. // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. Февраль 1994 года. СПб., 1994. С. 91–92.

17. Джанаева Н.А. Некоторые мифологические мотивы в нартском эпосе осетин // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1984. С. 103–119.

18. Дзиццойты Ю.А. Нарт Урузмаг и его сыновья // Дзиццойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I. С. 233–244.

19. Гаглойти Ю.С. Осетино-абхазские нартские параллели // Гаглойти Ю.С. Нарты и аланы. Цхинвал, 2017. С. 296–320.

20. Газданова В.С. Образ Уастырджи в религиозно-мифологических представлениях осетин // Дарьял. Владикавказ, 1998. № 3. С. 240–259.

21. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 432 с.

22. Миллер В.Ф. Иранское выражение клятвы // Этнографическое Обозрение. Издание Этнографического Отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1901. № 1. С. 162–163.

23. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. 228 с.

24. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Ч. 7. 617 ф.

25. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 325 с.

26. Гуцалов С.Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сборник статей. М., 2005. С. 437–447.

27. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 713 с.

28. Дарчиев А.В. Эсхатологический мотив суда над умирающим человеком в осетинской легенде о Руймоне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12 (74). Ч. 1. С. 55–59.

29. Хамицаева Т.А. Календарные обряды и обрядовая поэзия осетин весенне-летнего цикла // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988. С. 182–197.

30. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнографические названия в нарттовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. 279 с.

31. Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 232 с.

32. Илиади А. И. Забытый персонаж восточнославянской демонологии: *Кантысар (реконструкция формы мифонима и семантики образа) // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения. Материалы конференции / Глав. ред. А. В. Петров. Симферополь, 2019. С. 91–96.

Г.Д. Иванов,
аспирант КБНЦ РАН
(г. Нальчик)

**ПРИМЕНЕНИЕ КАБАРДИНСКИМ ВРЕМЕННЫМ
СУДОМ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННУЮ СИСТЕМУ
КАБАРДИНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

Цель исследования – анализ применения института поручительства Кабардинским временным судом и его влияния на трансформацию традиционной системы кабардинцев во второй четверти XIX в. Исследование поручительства позволит проанализировать аспекты применения данного института на региональном уровне, а также разобрать трансформацию системы исполнения наказаний с выделением роли регулятивных институтов. Это расширит представления об исполнительном производстве в регионе во второй четверти XIX в. Методология исследования включает историко-системный, проблемно-хронологический методы и институциональный подход. Поручительство применялось в деятельности Кабардинского временного суда и заключалось в отборе подписок с поручителей с набором обязательств в отношении действий обвиняемого и применялось в трех аспектах. Как мера пресечения поручительство являлось дополнительным нововведением к лишению свободы, и включало обязательство поручителей в предоставлении обвиняемого для дальнейших следственных и судебных действий и обеспечении его благонадежного поведения. Как средство борьбы с абречеством поручительство также было преобразованием в части криминализации данного явления, и включало обязательство в обеспечении законопослушного поведения обвиняемого, отсутствия связей обвиняемого с абреками, недопущения его побега и членов его семьи. Поручительство в уплате штрафа и взыскания было результатом трансформации элементов обычного права под исполнительное производство российских региональных судебных учреждений. Это выражалось в переходе применения поручительства к данным учреждениям, в индивидуализации поручителей и в возможности применять поручительство в отношении воров и должников, содержащихся в заключении. Несмотря на разделение аспектов применения поручительства, обязательства, выделенные в них, могли сочетать-

ся, а поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер. Основным наказанием за нарушение поручительства являлось взыскание или штраф. Если поручительство предполагало материальное взыскание, то в случае смерти обвиняемого или поручителя, выполнение обязательств могло полностью переходить к одному из них.

Ключевые слова: поручительство, гаунтвахта, абречество, Кабардинский временный суд, Центр Кавказской линии, исполнительное производство

The aim of the study is to analyze the application of the institution of surety by the Kabardian temporary court and its impact on the transformation of the traditional Kabardian system in the second quarter of the 19th century. The study of surety will allow us to analyze aspects of the application of this institution at the regional level, as well as to examine the transformation of the system of punishment enforcement, highlighting the role of regulatory institutions. This will broaden our understanding of enforcement proceedings in the region in the second quarter of the 19th century. The research methodology includes historical-systemic, problem-chronological methods and an institutional approach. Bail was used in the activities of the Kabardian temporary court and consisted of collecting signatures from guarantors with a set of obligations regarding the actions of the accused and was applied in three aspects. As a preventive measure, surety was an additional innovation to deprivation of liberty and included the obligation of guarantors to provide the accused for further investigative and judicial actions and to ensure his good behavior. As a means of combating Abrekship, surety was also a transformation in terms of the criminalization of this phenomenon and included an obligation to ensure the lawful behavior of the accused, the absence of links between the accused and bandits, and the prevention of his escape and that of his family members. Guarantees for the payment of fines and penalties were the result of the transformation of elements of customary law into the enforcement proceedings of Russian regional judicial institutions. This was reflected in the transfer of the application of guarantees to these institutions, the individualization of guarantors, and the possibility of applying guarantees to thieves and debtors in custody. Despite the division of aspects of the application of suretyship, the obligations identified in them could be combined, and suretyship for good behavior was universal in nature. The main punishment for breach of suretyship was recovery or a fine. If the surety involved a material penalty, then in the event of the death of the accused or the guarantor, the fulfilment of the obligations could be transferred in full to one of them.

Keywords: surety, guardhouse, bail, Kabardian temporary court, Centre of the Caucasian Line, enforcement proceedings

В первой половине XIX в. Кабарда находилась в процессе интеграции в правовое пространство Российской империи. Учреждение в 1822 г. Кабардинского временного суда (далее – КВС), как учреждения нового типа с элементами народного правосудия, стало одним из механизмов данного процесса. В сложившихся условиях началась трансформация традиционных институтов общественной саморегуляции кабардинцев [1], в том и числе и преобразование системы исполнения наказаний. Частью данных преобразований стало применение института поручительства имперскими органами судебно-административного контроля в исполнительном производстве.

Поручительство и его применение затрагивались в работах А.Ф. Кистяковского [2], И.Д. Гайнова [3], Е.С. Зиновьевой [4] и др. Проблема применения данного института в регионе частично затрагивалась в работах Ф.И. Леонтовича [5], А.Х. Абазова [6] и Р.С. Кардановой [7].

Исследование поручительства дает возможность: 1) проанализировать аспекты применения данного института на региональном уровне; 2) детальнее разобрать трансформацию системы исполнения наказаний на региональном уровне вплоть до выделения роли определенных регулятивных институтов. Такое исследование даст возможность углубить представление об исполнительном производстве на территории региона во второй половине XIX в.

Источниковая база исследования выстраивалась с опорой на материалы, извлеченные из фондов Управления Центрального Государственного архива Архивной службы КБР. Также были извлечены материалы из архивного сборника Б.А. Гарданова [8], сборника архивных документов «Из истории Кабардинского временного суда 1822 – 1858 г.» [9].

На территории Кабарды поручительство производилось в рамках деятельности региональных судебно-администра-

тивных органов Российской империи, а конкретнее КВС, в рамках предписаний начальника Центра Кавказской линии (далее – начальник Центра). Поручители давали свои подписки в обеспечении обязательств, связанных с действиями и поведением обвиняемого как КВС [10, 155–155 об.], так и экзекутору [11, 8], основному исполнителю решений административно-судебного характера, исходящих от КВС и начальника Центра. В функции экзекутора также входил поиск поручителей, что доказывает предписание начальника Кабарды экзекутору майору Анзорову №1392 от 14 декабря 1857 г., где ему предписывалось поспешить «приискать» поручителя кабардинскому узденю Х-ву, содержащемуся под арестом на гауптвахте [12, 19].

Если говорить об условном формуляре подписки, то, как правило, подписки начинались с датировки (год, месяц, число), а далее указывалось, что «нижеподписавшиеся» поручители или поручитель давали подписку с указанием органа или должностного лица, кому они давали подписку (КВС или экзекутор). Далее излагался предмет поручительства. В конце указывались данные поручителей, а в случае их неграмотности они прилагали чернильные знаки или печати [13, 93], или за них расписывались иные лица по их просьбе, как это было в подписке поручителей за холопа Бекира Шанукова жителей аула Шарданова – Хажи Карданова и Жембека Шанукова от 5 июня 1845 г., где за поручителей, ввиду их неграмотности, расписался нахичеванский мещанин Мосей Томанцов [8, 138].

Можно констатировать, что во второй четверти XIX в. в Кабарде институт поручительства применялся российскими судебно-административными учреждениями и заключался в отборе формализованных подписок, содержащих набор обязательств в отношении действий и поведения обвиняемого, которые должен обеспечить поручитель.

В связи с широким использованием поручительства со стороны КВС, мы рассмотрим применение данного института в части исполнительного производства в трех аспектах: 1) как меры

пресечения; 2) как средства противодействия абречеству; 3) как обязательства в уплате штрафа или взыскания.

Отдача на поруки как мера пресечения была связана с содержанием под стражей. Согласно А.Х. Абазову, кабардинское обычное право не знало меры наказания как лишение свободы до введения ее российскими властями [6, 126]. В Кабарде основным местом содержания под стражей являлась гауптвахта, выполнявшая роль как предварительного места заключения [14, 11], так и основного места наказания [15, 67–68]. В отличие от российских гауптвахт, где содержались военные, в местных учреждениях содержался разный в социальном плане состав арестантов.

Отдача на поруки при освобождении с гауптвахты включало в себя набор обязательств для поручителей. Это обязательство о предоставлении поручителем обвиняемого для дальнейших следственных и судебных действий или об обеспечении данных действий в отношении него. Например, согласно отношению следователя есаула Коконова №464 в КВС от 10 декабря 1847 г., следователь просил выслать к нему для спроса и очных ставок холопа А-хова, который был освобожден из-под караула и отдан на поруки подпоручику князю Казиеву [16, 10–10 об.]. В еще одном отношении следователя есаула Коконова в КВС №379 от 24 сентября 1847 г. уздень Эльбуздуко Жамбиев был освобожден под поручительство и по просьбе князя Алхаса Мисостова и народного эфендия Шогенова для разбирательства шариатом его преступлений, и следователь хотел узнать, исполнено ли поручителями обязательство в части проведения ими шариатского разбирательства [17, 2–3].

Следующим обязательством при отдаче на поруки являлось обязательство в благонадежном поведении обвиняемого. Согласно подписке от 24 мая 1842 г., уздень А-в брал на поручительство своего холопа Ш-ва по освобождении его с гауптвахты, и ручался, что после этого наказания будет он будет жить в спокойствии [13, 93].

Как уже было обозначено, заключение на гауптвахте как наказание, связанное с лишением свободы, являлось нововведением в Кабарде. И в отношении данного наказания поручительство при освобождении из заключения играло роль дополнительного преобразования. Поручительство здесь предусматривало обязательство в благонадежном поведении обвиняемого и предоставлении его для дальнейших следственных и судебных действий.

Поручительство использовалось в целях противодействия абречеству. Абречество являлось традиционным институтом кабардинцев, который был криминализован российскими властями и воспринимался с точки зрения российских законов как преступление. Самовольно переселившиеся за Кубань или в Чечню жители Кабарды обозначались в документах как «абреки» и подвергались уголовному преследованию, связи с абреками были также наказуемы. Согласно «Наставлению Временному Суду, учреждаемому в Кабарде для разбора дел между кабардинцами, впредь до издания особенных правил», дополняющему прокламацию главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова от 29 августа 1822 г., побег за пределы Линии «со злым умыслом, подвод хищников к злодействам и сношение с ними, а также нападения на границы линии» являлись преступлениями и подлежали разбирательству по нормам военного законодательства Российской империи [5, 266].

Согласно Р.С. Кардановой институт поручительства активно использовался в отношении вернувшихся абреков, склонных к «злонамеренным поступкам». После принятия российского подданства, данных субъектов отдавали на поручительство представителям привилегированных сословий или авторитетным местным жителям. Им вменялось в обязанность следить за их поведением, и в случае побега поручители отвечали по законам. Автор приводит в пример дело КВС, в рамках которого кабардинец Мазан Березгов по возвращении из Чечни был отдан на поруки узденю Али-Мирзе Хостову. По истечении

определенного времени Березгов снова сбежал. В связи с этим суду вменялось взыскать с Хостова штраф [7, 133–134].

Поручители могли ручаться за выполнение и более широкого спектра обязательств со стороны обвиняемых в абречестве. В предписании начальника Центра КВС №1814 от 11 декабря 1846 г. по просьбе кабардинских князей полковника Мисоста Атажукина и корнета Джамбота Атажукина, а также народного эфендия Шогенова, начальник Центра согласился отдать на поручительство узденя Эльмурзу Докшукина, содержащегося на гауптвахте. Ему вменялось сношение с немирными частями, непозволительные отлучки, вредные действия при вторжении Шамиля в Кабарду, отдача сына в Чечню и дурное поведение. Поручители должны дать подписку, что он в течение двух месяцев возвратит сына из Чечни, не отправляясь сам туда, переселится в нужный аул, будет вести себя честно, не иметь связей с непокорными и абреками, будет являться в крепость и куда приказано. Если поручители давали такую расписку, то Эльмурза Докшукин освобождался от содержания на гауптвахте [18, 1–2 об.]. В рамках данного документа видно, что широкий спектр обязательств охватывал как стандартное обязательство, такое как отсутствие связей с абреками, так и обязательства, непосредственно связанные с обвиняемым.

КВС мог применять поручительство в отношении членов семей бежавших абреков. Согласно предписанию начальника Центра в КВС №1014 от 8 июня 1851 г. закубанский уздень К-в, во время своего пребывания в Кабарде оставил своего сына у Д-ва, а сам, во время смут за Кубанью, бежал к непокорным. Суду предлагалось поручить сына К-ва под надзор надежным людям из здешних узденей, которые в случае его побега, отвечали штрафом в 1500 руб. сер. в рамках поручительства [19, 192–192 об.]. Также на получение такого поручительства уполномочивали экзекутора. В предписании КВС прапорщику Анзорову №469 от 25 июля 1853 г., экзекутору предписывалось арестовать семейство прапорщика О-ва, отправившегося за Кубань к непокорным горцам, и в случае если его семейство не

имело за себя поручительства, то представить его в Нальчик [20, 93-93 об.]. Далее согласно надписи прапорщика Анзорова №170 от 28 июля 1853 г. исполнитель взял поручительство за данное семейство от узденя Д-ва в том, что если данное семейство будет кем-либо увлечено к непокорным, то он поручался выставить 1500 руб. сер [20, 94]. В данном случае основным обязательством со стороны поручителя, являлось недопущение побега членов семей абреков к непокорным.

Поручительство в отношении обвиняемых в преступлениях, связанных с абречеством, также является нововведением, в силу криминализации данного традиционного института. Поручители ручались за поведение обвиняемого, отсутствие связей обвиняемого с абреками и недопущение его побега и членов его семьи.

Теперь рассмотрим применение поручительства как средства обеспечения уплаты штрафов и взысканий. Здесь можно утверждать, что данный аспект применения поручительства имел аналог в кабардинском обычном праве. Согласно Ф.И. Леонтовичу, по черкесским обрядам штрафы по преступлениям уплачивались не одним виновным, но и его родом, и выплачивались целиком или по частям – князьям, роду и семье обиженного, а в случае обиды, нанесенной подвластному, платили его владельцу [5, 398]. В результате ограничения власти кабардинских князей во второй четверти XIX в. со стороны российских властей, взыскание и штрафование проводились КВС, а также исполнителем [21, 5 об.].

Рассмотрим следующие ситуации применения поручительства в данном аспекте. Согласно рапорту КВС начальнику Центра №9 от 20 января 1848 г. народный эфендий Шогенов взял на поруки своего племянника и обязывался удовлетворить казака Лисичкина за украденных лошадей [22, 3 об.].

Поручительство в уплате штрафа или взыскания могло осуществляться как условие освобождения с гауптвахты, что могло происходить в случае, если лицо обвинялось в воровстве или являлось должником. В прошении узденя Мамбета Килева от

10 октября 1853 г. сын Килева и его товарищ по подозрению в отнятии двух лошадей были арестованы и содержались в нальчикском укреплении. Во избежание взыскания с них за это преступление, Килев просил освободить их под его поручительство, вместе с тем, что он заплатит за две отбитые лошади [23, 2]. Здесь основным обязательством освобождения из-под ареста является выплата штрафа поручителем, обязательства, присущие поручительству как мере пресечения, в данном случае отсутствуют.

Из обоих примеров видно, что, несмотря на индивидуализацию поручителей, в их роли все еще могли выступать родственники обвиняемых, хотя это уже не являлось обязательным. Например, в прошении начальнику Центра от 20 марта 1842 г., где Ибрагим Кумалов, житель аула князя Тамбиева, был заключен на гауптвахте по просьбе просителя в связи с долгом ему в 521 руб. В уплате долга поручился князь Наурузов, а Кумалов был освобожден [13, 8–8 об.].

Поручительство в данном аспекте являлось результатом интеграции и адаптации элементов обычного права в исполнительное производство российских региональных судебно-административных учреждений, что выражается: 1) в переходе контроля за процессом взыскания и поручительства к данным учреждениям; 2) в индивидуализации поручителей, при сохранении возможности родственникам брать это обязательство; 3) в возможности применять поручительство в уплате взысканий в отношении воров и должников, содержащихся в местах заключения.

Разделение на аспекты применения поручительства является условным. Это можно увидеть в предписании исполняющего должность начальника Центра в КВС №1991 от 19 ноября 1848 г., где суду предлагалось при штрафовании виновных в воровстве или других преступлениях брать от них поруку из добросовестных людей, в том, что они ручались за их поведение на будущее время. В случае вторичного обвинения взыскивалось уже с поручителей [9, 101]. В документе видно, что

поручителей предлагалось обязать не в обеспечении уплаты штрафа, а в обеспечении благонадежного поведении обвиняемого.

Обратим внимание на поручительные подписки. Согласно подписке от 10 декабря 1851 г. Тагир Битов и Жантемир Штимов ручались КВС за поведение кабардинца Гафара Битова, посаженного на гауптвахту за намерение бежать к непокорным, в том, что: 1) побега он больше не совершит, в противном случае они отвечали штрафом 500 руб. сер.; 2) они доставят Битова для разбирательства за убитую им у узденя Албаксида Хапачева лошадь [24, 172]. Еще одним примером сочетания обязательств является подписка от 12 февраля 1842 г., где уздени Т-ов и К-ов давали поручительство за содержащегося на гауптвахте вольного кабардинца К-ева: 1) они отвечали в случае совершения им противозаконных поступков; 2) в случае подозрения К-ева в краже лошадей и появления хозяина этих лошадей, они их возвращали [10, 155-155 об.]. Документы показывают, что выделенные нами обязательства в данной работе могли сочетаться в рамках одной подписки. Также упоминаемые нами выше документы дают основания утверждать, что поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер.

Условность разделения применения поручительства доказывают наказания, которым подвергались поручители в случае нарушения обязательств. Анализ документов показал, что основным наказанием являлось взыскание или штраф. Также представляется уместным затронуть вопрос о наказании, в случае исключения из тандема поручитель-обвиняемый одного из субъектов в силу смерти одного из них.

В качестве примера можно выделить предписание начальника Центра в КВС №11 от 11 января 1842 г. После смерти узденя Исупа Шетова было предписано, что за его преступления, а именно за воровство ценных вещей и 21 лошади на сумму 1720 руб. ассиг. взыскать из имения подсудимого, а в случае недобора суммы взыскать с поручителей, которыми являлись

прапорщик князь Иналов и брат подсудимого мулла Магомет Шетов. Они обязались отвечать за доброе поведение подсудимого и дали ему возможность бежать к непокорным [25, 5–6]. Если вернуться к упоминаемому прошению к начальнику Центра от 20 марта 1842 г., то после того, как Ибрагим Кумалов был освобожден с гауптвахты, в уплате его долга просителю поручился князь Наурузов. Но Наурузов умер, а проситель остался не удовлетворенным и просил взыскать с Кумалова деньги, а если он не состоятелен, то назначить его в работники просителю [13, 8–8 об.]. Данные примеры показывают, что в случае смерти обвиняемого или поручителя, выполнение обязательств, предполагавших материальные взыскания, могло сохраняться с переходом полного исполнения на поручителя или обвиняемого.

Таким образом, во второй четверти XIX в. институт поручительства заключался в отборе КВС с поручителей формализованных подписок, содержавших набор обязательств в отношении действий и поведения обвиняемого, которые должен обеспечивать поручитель. Анализ использования института поручительства в рамках исполнительного производства позволил выделить три аспекта его применения. Поручительство в качестве меры пресечения при освобождении обвиняемого из заключения представляло собой дополнительное нововведение к наказанию в виде лишения свободы, и включало обязательство поручителей в обеспечении благонадежного поведения обвиняемого и предоставлении его для дальнейших следственных и судебных действий. Поручительство как средство борьбы с абречеством выступало одним из преобразований в части криминализации данного традиционного института кабардинцев, и включало обязательство со стороны поручителей в обеспечении законопослушного поведения обвиняемого, отсутствия у обвиняемого связей с абреками, недопущения его побега и членов его семьи. Поручительство в уплате штрафа и взыскания представляло собой результат трансформации обычного права под исполнительное производство

региональных судебно-административных учреждений. Это выразалось в переходе права взыскания и применения поручительства к данным учреждениям, в индивидуализации поручителей с сохранением возможности родственников обвиняемого брать это обязательство, а также в возможности применять поручительство в уплате взысканий в отношении воров и должников, содержащихся в местах заключения. Несмотря на условное разделение аспектов применения поручительства, выделенные в них обязательства сочетались в рамках одной подписки, а поручительство в благонадежном поведении имело универсальный характер. Основным наказанием за нарушение поручительства являлось взыскание или штраф. Если поручительство предполагало материальное взыскание, то в случае смерти обвиняемого или поручителя, выполнение обязательств могло полностью переходить к одному из них.

1. Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. к.и.н. А. Х. Абазов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 899 с.

2. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб.: «Судебный вестник», 1868. 194 с.

3. Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012, № 4 (10), С. 107–112.

4. Зиновьева Е.С. Эволюция института поручительства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020, № 4 (52), С. 128–133.

5. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы

по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882. 448 с.

6. Абазов А.Х. Трансформация системы композиций кабардинцев в конце XVIII – первой половине XIX в.: Дис. ...канд. ист. наук. Москва, 2008. 196 л.

7. Карданова Р.С. Институт абречества у кабардинцев в XVIII – первой половине XIX века: Дис. ...канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 180 л.

8. Гарданов В.К. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 427 с.

9. Из истории Кабардинского временного суда 1822–1858 гг. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 225 с.

10. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т.2.

11. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 160.

12. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 269.

13. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3.

14. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 261.

15. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 274.

16. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 101.

17. Управление Центрального государственного архива Ар-

хивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 108.

18. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. хр. 51.

19. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 159 т.2.

20. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 211.

21. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 111.

22. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 130.

23. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 222.

24. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республик (УЦГА АС КБР). Ф.И-23 Оп.1 Ед. Хр. 159 т.1.

25. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф.И-16 Оп.1 Ед. Хр. 87.

Б. М. Абазехова
КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

КАВКАЗОВЕД ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА КУШЕВА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСКИ С Е.ДЖ. НАЛОЕВОЙ

Статья посвящена изучению научной биографии известного кавказоведа и археографа Екатерины Николаевны Кушевой (1899–1990). На основе ее личной переписки с преподавателем Кабардино-Балкарского государственного университета Е.Дж. Налоевой реконструированы отдельные факты ее жизнедеятельности и проанализированы научные взгляды по актуальным вопросам истории Северного Кавказа. Показана роль эпистолярных источников в изучении научной биографии и исследовательской лаборатории выдающегося историка.

Ключевые слова: Екатерина Николаевна Кушева; исследовательская работа; сборник документов; Евгения Джамурзовна Налоева; переписка; научная библиография.

The article is devoted to the study of the scientific biography of the famous Caucasian scholar and archaeographer Ekaterina Nikolaevna Kusheva (1899-1990). Based on her personal correspondence with E.J. Naloeva, a teacher at Kabardino-Balkarian State University, individual facts of her life are reconstructed and scientific views on topical issues of the history of the North Caucasus are analyzed. The role of epistolary sources in the study of scientific biography and the research laboratory of an outstanding historian is shown.

Keywords: Ekaterina Nikolaevna Kusheva; research paper; collection of documents; Evgeniya Dzhamurzovna Naloeva; correspondence; scientific bibliography.

Имя Екатерины Николаевны Кушевой стоит в ряду выдающихся отечественных кавказоведов XX в. Ее труды неоднократно становились предметом историографического анализа [1; 2; 3; 4; 5; 6]. За долгую творческую жизнь она оставила и огромное археографическое наследие, составившее прочный источниковедческий фундамент советской исторической науки [7; 8].

Как значительное достижение кавказоведения в академическом сообществе была оценена монография Е.Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века» [9], в которой представлены основные этапы складывания российско-северокавказских отношений во взаимосвязи с динамикой международной ситуации в силовом треугольнике кавказско-переднеазиатского региона, где столкнулись интересы Османской империи, шахского Ирана и царской России.

Научная биография Е.Н. Кушевой достаточно полно представлена в статье Ю.Д. Анчабадзе, помещенной в последний археографический сборник, подготовленный к публикации Екатериной Николаевной [1]. Попытка представить жизненный и научный путь Е.Н. Кушевой, обратившись к источникам эпистолярного жанра, уже предпринимались в историографии. Так, В.Б. Виноградов на основе ее 74 писем, переданных в архивный отдел администрации г. Армавира, составил библиографический очерк жизни Е.Н. Кушевой [10]. Н.Н. Мининкова на основе опыта прочтения переписки Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова показала роль археографии в научной лаборатории историка [11].

Цель данной статьи – представить научную биографию Е.Н. Кушевой на основе анализа ее личной переписки с Е.Дж. Налоевой.

Екатерина Николаевна Кушева имела широкий круг общения, состояла в обширной переписке с отечественными кавказоведами, в том числе и с северокавказскими учеными, благодаря чему осталось её богатое эпистолярное наследие. Особое место среди эпистолярных источников занимают ее письма к преподавателю Кабардино-Балкарского государственного университета – Евгении Джамурзовне Налоевой. Их знакомство произошло еще в начале 1960-х гг. и вылилось в многолетнюю дружескую переписку.

Эти письма благодаря трудам А.С. Мирзоева были опубликованы в книге «Евгения Джамурзова Налоева. Наука быть че-

ловеком. Воспоминания, переписка, документы» [12, 443–533]. Глубокая и всесторонняя рецензия на это издание дана Ю.Д. Анчабадзе [13]. Всего в этом труде опубликовано 179 писем Е.Н. Кушевой, адресованных Е.Дж. Налоевой. Их изучение показывает, что не все письма были датированы, менялся адрес отправителя и корреспондента. Первое письмо датируется 6 февраля 1969 г., а последнее – 8 января 1988 года. Представленная переписка носит «односторонний» характер, поскольку ответные письма Е.Д. Налоевой не опубликованы. Но несмотря на это, из писем Екатерины Николаевны можно понять суть ответов Налоевой. Подлинность источников не вызывает сомнения.

Первоначально большое внимание в письмах уделялось перипетиям, связанным с подготовкой диссертации Е.Дж. Налоевой. На первый план вышли обсуждение темы и текста работы, подготовка ее к защите. Е.Н. Кушева, с которой у Евгении Джамурзовны сложились особенно доверительные отношения, выступила ее неофициальным научным консультантом по многим вопросам, а в последствии и официальным оппонентом кандидатской диссертации. Также активно обсуждалось предполагаемое издание монографии Е.Дж. Налоевой по теме «Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII века». Но постепенно круг обсуждаемых в письмах вопросов расширялся, точки соприкосновения интересов историков множились, и переписка из деловой превратилась в жизненную потребность постоянного общения с другом и коллегой. «С нетерпением жду Вашего ответного письма» [12, 444] – таков был частый завершающий рефрен в посланиях Е.Н. Кушевой. По письмам можно проследить динамику развития взаимоотношений Кушевой и Налоевой: в начале их общения Екатерина Николаевна, обращаясь к Налоевой, пишет: «Дорогая Евгения Джамурзовна!», а уже с 1981 г. в ее письмах употребляется выражение «Дорогая Женя!», что позволяет судить о существовании глубокой привязанности и дружбы. Об этом свидетельствуют также письма с

взаимными поздравлениями на праздники, рассказы о состоянии здоровья, личных переживаниях и заботе об общих знакомых и близких. Корреспонденты посвящают друг друга в свои дела, обмениваются информацией, высказывают суждения о злободневных событиях, посылают друг другу тексты своих работ, ждут откликов, спорят, полемизируют, не соглашаются, высказывают полное одобрение и т.д.

При публикации письма Е.Н. Кушевой были откомментированы, что позволяет лучше понять автора. Екатерина Николаевна неизменно извещала своего адресата о том, как протекает увлекавшая ее работа над сборником документов по истории Чечено-Ингушетии. Так же мы узнаем, с какими проблемами Кушева сталкивалась при работе над этим изданием. В частности, она пишет: «...по просьбе Чечено-Инг. н.-и. ин-та уже несколько лет работаю над сборником документов по истории вайнахских народов конца XVI-XIX вв. Поиски документов можно было бы и продолжить, но надо кончать и постараться продвинуть сборник в печать. Условия работы над сборником «Кабардино-русские отношения» были иные. Тогда в выявлении документов принимала участие группа сотрудников ЦГА-ДА. А эти годы над выявлением работала я одна» [12, 457]. Эти проблемы находились в русле исследовательских интересов Е.Д. Налоевой, вызвали ее профессиональный отклик. В одном из писем Екатерина Николаевна благодарит Налоеву за то, что прочитала со вниманием ее статью, написала «весьма хорошие слова» [12, 523]. Впрочем, женщин увлекали не только научные темы. Так, в дни праздновавшегося в конце 1980 г. столетнего юбилея А.А. Блока, в переписке всплывает имя великого русского поэта. «Я вспоминала наш с Вами разговор о нем» [12, 517], – писала Е.Н. Кушева.

Е.Н. Кушева являлась одновременно и авторитетным советником для Налоевой, и её строгим оппонентом на защите диссертации. Однако из писем Екатерины Николаевы видно, что они вышли за рамки рабочих отношений. Наряду с официальным научным руководителем, проф. Т.Х. Кумыковым, Е.Н. Ку-

шева работала над текстом диссертации Налоевой. Особенно ярко прослеживается помощь Кушевой в письме от 7 апреля 1973 г., где даются как важные общие замечания к тексту, так и детальные советы: «Далее я пишу и более частные замечания. Вы сами решите, что принять, что отклонить. На всех страницах проверьте и уточните ссылки. При ссылке на дела АВПР везде надо сначала ставить год, а затем № дела, т.к. там нет сплошной нумерации дел. Проверьте ссылки на классиков м.-л. (марксизма-ленинизма) и цитаты. Внесите там, где сочтете нужным, ссылки на те труды, которые в автореферате Вы использовали дополнительно. Далее замечания по страницам...» [12, 468]. Сама Кушева признается в этом письме, что «...превысила свои обязанности оппонента» [12, 469] и в дальнейшем будет следовать общим академическим правилам.

Много информации из писем можно узнать относительно мнения Кушевой по диссертации Налоевой, обнаружить существенные расхождения их научных взглядов. «Считаю, что Вы завышаете и уровень развития государственности в Кабарде», – отмечала Екатерина Николаевна, – «Вы пишете, что в XVIII в. здесь шел процесс централизации. Напоминаю, что уже в. источники говорят о «старших князьях» в Кабарде, о народных собраниях. О том же для раннего времени говорит по преданиям Ногмов. Сравнивая те явления, которые можно по источникам проследить в Кабарде XVI–XVII вв., с 1-й пол. XVIII в., я не вижу прогресса в развитии централизации. В частности, не уверена в том, что в это время был один «старший князь» и для Большой, и для Малой Кабарды. В государственности Кабарды XVIII в. очень много примитивных черт» [12, 468]. Екатерина Николаевна не раз давала советы своей младшей коллеге не забывать особенности феодализма в Кабарде, так как сравнение с феодализмом в Европе и на Руси не совсем корректно.

Из писем известно, что Е.Н. Кушева и после ухода на пенсию продолжала научную деятельность, о чем сообщила: «Первый год моего пенсионного положения оказался очень загруженным. С 28/VII смогу несколько отдохнуть, а с 16/VIII начнется в

М(оскве) международный конгресс историков. Хочется побывать на заседаниях» [12, 447]. Исследования Е.Н. Кушевой затрагивали не только изучение Северного Кавказа. «Вот другая моя тема совсем не связана с Северным Кавказом – «Холопство в России во 2-й пол. XVII и в начале XVIII в.». Архивный материал огромный, двигается она у меня медленно. От Ин-та не отрываюсь, бываю на заседаниях, пишу отзывы. Работа товарищей живо меня интересует», – информировала она Налоеву [12, 449]. Интенсивная научная деятельность Екатерины Николаевны была расписана по дням. Так, она сообщает Е.Дж. Налоевой об этом: «24–25 апреля годичная сессия ин-тов археологии и этнографии (вероятно, приедут на нее и из Кабардино-Балкарии). Я дала заявку на доклад или вернее сообщение, подготовкой которого и занята. После сессии мне надо несколько деньков отдохнуть. Весь май буду целиком занята подготовкой к докторской защите С. М. Троицкого, которая должна состояться 1-го или 8 июня (скорее 8-го) Я один из 3-х оппонентов. К оппонированию я всегда отношусь с полной ответственностью и не смогу в мае читать Вашу работу несмотря на интерес к ней» [12, 447]. В 1974 г. в честь юбилея Л.В. Черепнина предполагалось издать сборник в его честь, о чем Екатерина Николаевна сообщает: «В январе 1975 г. исполняется 70 лет Льву Влад. Черепнину. Предполагается сборник в его честь. Мне очень хочется дать туда статью, т.к. в предшествующем сборнике я не участвовала» [12, 479].

Как авторитетного и знающего историка Е.Н. Кушеву привлекали к работе над практически всеми обобщающими изданиями по истории народов Кавказа. Среди них была и история Калмыкии, о чем она поделилась с Налоевой: «На днях здесь будет обширный проспект трехтомной истории Калмыкии. Меня просили посмотреть проспект I тома» [12, 487].

Археографическая деятельность Екатерины Николаевны не ограничивалась только выявлением, археографической подготовкой и публикацией источников по истории северокавказских народов. Например, по истории вайнахских народов

она писала глубокие и хорошо фундированные статьи. «... Занята интересными делами. Готовлю к обсуждению сборник документов XVII в. по Чечено-Ингушетии и, в связи с этим, статью для «Советской этнографии». Касаюсь в ней вопроса соц.-экон. отношений у вайнахов в XVI–XVIII вв.» [12, 498].

Также из писем к Е.ДЖ. Налоевой становится известно о других научных занятиях Е.Н. Кушевой. Так, Екатерина Николаевна писала отзыв о монографии сотрудницы сектора феодализма Н.А. Горской о монастырский крестьянах. «Тема мне очень интересна. Вообще соглашаюсь дать отзыв в том случае, если работа мне интересна» [12, 482] – пишет она об этом. В 1975 г. Кушева была занята статьей для сборника в честь 90-летия Николая Михайловича Дружинина. Об этой своей деятельности она сообщала: «Статья в сб. в честь Н. М-ча (Н. М. Дружинина – Б. А.) написана на материалах, которые я собирала еще в 1920-е годы, когда работала при Саратовском ун-те. Я выбрала эту тему, т.к. Н. М. в 1905–1906 гг. был в ссылке в Саратове. Сегодня получили от Н. М. письмо, из которого поняла, что статья его заинтересовала – тем контрастом, который для него, побывавшего в Саратове в начале XX в., особенно ясен» [12, 452]. «Статьей я не довольна. Не знаю, как отнесется к ней редакция» [12, 483], – критично отзывалась об этой работе Екатерина Николаевна. Позднее она напишет, что в сборнике будут напечатаны ее «источниковедческие статьи, которые в какой-то степени интересны и для историков народов Северного Кавказа» [12, 486]. В этом же году она сдала в «Археографический ежегодник» еще одну статью [12, 490]. Приходится только восхищаться такой продуктивной деятельностью Екатерины Николаевны.

В сферу научных интересов Е.Н. Кушевой также входила проблема появления казаков на Северном Кавказе. Одна из ее работ по этой теме встретила резкую критику. «Я послала ксерокопию статьи в Грозный ряду лиц и получила ряд откликов. Мнение местных историков о терско-гребенском казачестве расходятся. Я, как и одна группа местных ученых, считаю,

что их происхождение то же, что и других казачьих общин – на Дону, на Яике, т.е. бегство с Руси. Другие – в наиболее острой форме это мнение высказала Таус Исаева – связывают появление казаков на Тереке с политикой царского правительства, с продвижением русских крепостей на Сев. Кавказе, с поселением служилых казаков в стратегически важных пунктах. У Таус напечатана на эту тему статья на чеченском языке. Я знаю этот текст в переводе на русский, но уклонилась от полемики с нею. Это потребовало бы большой работы и большого листажа моей статьи» [12, 523] – делилась Кушева с Налоевой по этому поводу.

В 1980-е гг. Е.Н. Кушева продолжала интенсивную научную деятельность, о чем известно из ее личной переписки с Налоевой. «Болезнь прервала работу над двумя статьями, связанными с тем, что в 1982 году исполняется 100 лет со дня рождения Бориса Дм. Грекова. Около 15 лет он был директором ин-та истории, и все эти годы я работала сотрудницей ин-та. Сейчас возвращаюсь к работе уже над текстом статей (материал собран в марте-апреле)» [12, 520–521]. В этом же году была издана ее статья, «которая напечатана во 2-й части сборника «Историческая география России в XVIII в.» М., 1981 (Ин-т истории» [12, 521].

Письма Е.Н. Кушевой весьма информативны, они содержат сведения о научной работе и жизненных обстоятельствах многих известных историков: Н.М. Дружинина, Л.В. Черепнина, Б.М. Бокова, Б.М. Мокова, Т.Х. Кумыкова, Е.И. Дружининой, Е.М. Бычковой, Л.И. Лаврова, А.П. Новосильцева, Н.Б. Голиковой, В.К. Гарданова и других. Например, работа последнего была высоко оценена Кушевой: «Статью Гарданова я считаю важной, т.к. он показывает, как в условиях развития феодальных отношений трансформировались нормы обычного права. Ведь в этом существо его статьи» [12, 465].

Екатерина Николаевна делится своим мнением и о научной деятельности исследователей из регионов. В частности, о В.Н. Сокурове она сообщает своему адресату: «Читал у нас в сек-

торе доклад по одной из глав будущей своей диссертации. Он много работает, у него интересные архивные находки. Доклад его был посвящен последним десятилетиям XVII в» [12, 486]. «Хронологические рамки диссертационной темы Сокурова – последняя четверть XVII и первая XVIII века, т. е. широкие. При обсуждении темы в секторе раздавались голоса о необходимости сузить тему. Статья же небольшая, Валерию Нануевичу дали небольшой листаж. По нему же он выбрал тему, по которой смог привлечь новый материал. В его работе по диссертации привлекает стремление использовать турецкие источники. Он с большой настойчивостью изучает турецкий язык» [12, 490–491].

Е.Н. Кушева всегда была в курсе последних достижений кавказоведческой науки, обо всех дискуссиях и новинках информировала тех, с кем состояла в переписке. Налоевой она рекомендовала работы Е.Н. Дружининой: «Вы знаете монографию Е.И. Дружининой о Кучук-Кайнарджийском мире. Недавно Е. И. написала статью в связи с 200-летием этого мира. Статья опубликована не один раз, Вам проще всего найти её в сборнике: «Вопросы истории Дагестана» [12, 495].

Таким образом, изучение эпистолярного наследия Екатерины Николаевны Кушевой, в частности ее писем к преподавателю Кабардино-Балкарского государственного университета Е.Дж. Налоевой, позволило еще раз прикоснуться к богатому научному наследию выдающегося историка-медиевиста, оставившего заметный след в исследовании истории народов Северного Кавказа. В зеркале личной переписки отразились научные искания Е.Н. Кушевой, методы ее работы, подходы к исследовательской и археографической практикам. Эпистолярные источники со всей полнотой выявили как профессиональные, так и личные аспекты жизни историка, что позволяет увидеть её вклад более осмысленно и многогранно.

Взаимодействие между учеными посредством личной переписки также указывает на важность сотрудничества в научной сфере и показывает, как обмен идеями и мнениями может

влиять на разработку актуальных проблем. В целом можно констатировать, что личная переписка имеет большое значение для изучения истории исторической науки, отражая во всех деталях процесс исследовательской работы и роль историка в нем.

1. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н. Кушева и русское кавказоведение XX века // Русско-чеченские отношения второй половины XVI–XVII вв.: сборник документов. М.: Изд. фирма Восточная литература, 1997. С. 400–415.

2. Дзамихов, К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.

3. Зубов, В. Н. Формирование концепции Е.Н. Кушевой о русско-северокавказских отношениях в середине XVI в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4(19). С. 130–135.

4. Муратова, Е. Г. История становления архивного дела на Северном Кавказе. XVII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 10–22.

5. Журтова А.А., Максимчик А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 440 с.

6. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.

7. Кабардино-русские отношения в XVI – XVII вв. Документы и материалы. В 2-х томах. Т.1 / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 478 с.

8. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сборник документов / выявление, составление, введение,

комментарии Е. Н. Кушевой. М.: Изд-во Восточная литература РАН, 1997. 415 с.

9. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-30-е гг. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.

10. Виноградов В.Б. Кушева Екатерина Николаевна (1899-1990). Армавир, 1999. 41 с.

11. Мининкова Н.Н. О роли археографии в научной лаборатории ученого: опыт прочтения переписки Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова // Methodi et praxis: историк и источник. 2022. №1. С. 41–52.

12. Евгения Джамурзовна Налоева. Наука быть Человеком. Воспоминания, переписка, документы / Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 720 с.

13. Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на книгу «Евгения Джамурзовна Налоева. Наука быть Человеком (Воспоминания, переписка, документы) / Составитель А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 720 с.» // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 3. С. 205–212.

А. В. Шульмина,
студент КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ П.К. УСЛАРА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ

Статья посвящена изучению научных взглядов Петра Карловича Услара в области кавказской лингвистики и этнографии, нашедших свое отражение в его личной переписке с такими известными учеными, как А.П. Берже, А.А. Шифнер, В.А. Франкини, К. Кесслер. В статье проанализированы письма П.К. Услара, содержащие не только личные размышления, но и значимые научные идеи, отражающие эволюцию подходов к изучению языка и культуры народов Кавказа. Особое внимание уделяется взаимодействию П.К. Услара с другими учеными. В статье подчеркивается, что в эпистолярном наследии ученого содержатся сведения о его деятельности по исследованию кавказских языков, созданию алфавитов и этнографических карт, книгопечатанию, открытию школ, о сотрудничестве с горскими просветителями.

Ключевые слова: П.К. Услар, эпистолярное наследие, переписка, кавказоведение, этнография Кавказа.

The article is devoted to the study of Peter Karlovich Uslar scientific views in the field of Caucasian linguistics and ethnography, reflected in his personal correspondence with such famous scientists as A.P. Berger, A.A. Shifner, V.A. Frankini, K. Kessler. The article analyzes P.K. Uslar's letters, which contain not only personal reflections, but also significant scientific ideas reflecting the evolution of approaches to the study of the language and culture of the peoples of the Caucasus. Special attention is paid to the interaction of P.K. Uslar with other scientists. The article emphasizes that the epistolary legacy of the scientist contains information about his activities in the study of Caucasian languages, the creation of alphabets and ethnographic maps, book printing, the opening of schools, and cooperation with mountain educators.

Keywords: Peter Uslar, epistolary heritage, correspondence, Caucasian Studies, ethnography of the Caucasus.

Петр Карлович Услар (1816–1875 гг.) – русский военный инженер (генерал-майор), лингвист и этнограф, один из основоположников научного изучения кавказских языков и кавказской этнографии, с 1868 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук. Изучение его трудов и взглядов насчитывает уже более 150 лет, однако интерес к его научному наследию не затихает до сих пор. Уже современники П.К. Услара определили его место в кавказоведении. Так, правитель дел Кавказского отдела Императорского Географического Общества Л.П. Загурский в двух кратких очерках жизни П.К. Услара указал на самые выдающиеся моменты его научной деятельности [1; 2], а в некрологе отметил, что «великие заслуги усопшего, пролившего своими капитальными трудами яркий свет на этнографию Кавказа, оценены уже наукою» [2, 38]. Также в дореволюционной историографии специальное внимание заслужили усилия П.К. Услара по сбору, систематизации, анализу и публикации кавказского фольклора. В частности, редактор «Сборника сведений о кавказских горцах» Н.И. Воронов, указывая на важность распространения среди кавказских народов грамотности на родных языках как «меры, которая послужит для горцев посредствующим звеном при восприятии ими начал русской цивилизации», рекомендовал обратить внимание на труды П.К. Услара [3, VI]. Именно Петр Карлович предложил Н.И. Воронову включить в данное периодическое издание специальный раздел «Народные сказания» для публикации горского фольклора и активно сотрудничал с ним в этом направлении [4].

В советский период изучением научного наследия П.К. Услара ученые занимались в контексте русского просветительства XIX в. среди кавказских народов [5; 6; 7]. Эта исследовательская линия была продолжена и в постсоветское время в работах С.А. Айларовой [8] и Н.О. Блейх [9]. Также в новейшей историографии следует назвать работы Т.А. Бековой [10; 11; 12] и Ю.В. Буньковой [13; 14], в которых последовательно изучены основные направления научной деятельности П.К. Услара.

Помимо собственно научных трудов П.К. Услара обширный источник сведений о системе его взглядов по различным вопросам кавказоведения составляет его личная переписка с академическими учеными, горскими просветителями и представителями кавказской администрации. По мнению исследователей, эпистолярному наследию П.К. Услара не уделялось в историографии должного внимания [14, 151]. Между тем его письма представляют собой важный исторический источник по интересующему нас вопросу.

Являясь уникальным по своей природе, эпистолярное наследие относится к группе источников личного происхождения. Личные письма заметно выигрывают по сравнению с другими видами источников, так как позволяют изучать не только отражение каких-либо аспектов политической, социальной и экономической истории, но также являются незаменимыми в области интеллектуальной истории и исторической повседневности.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе эпистолярных источников проанализировать научные воззрения П.К. Услара по наиболее важным направлениям его деятельности в области кавказоведения.

С 1837 года П.К. Услар начал свою службу на Кавказе, участвовал в военных экспедициях, создал семью, которую трагически потерял. Пожалуй, это обстоятельство и явилось главным толчком для занятия научной деятельностью. В 1849 году П.К. Услар стал действительным членом Императорского Русского Географического общества (Санкт-Петербург) и подал прошение о переводе на Кавказ для дальнейших научных изысканий. В 1850 году его просьба была исполнена. С этого времени начинается новый период в жизни П.К. Услара. Он в течение двадцати пяти лет находился на Кавказе и занимался напряженной научной работой по исследованию этого края.

Все это время Петр Карлович вел активную переписку с такими известными учеными, как А.П. Берже, А.А. Шифнер, В.А. Франкини, К. Кесслер. В 1887–1889 годах личные письма

впервые войдут в состав лингвистических трудов П.К. Услара «Этнография Кавказа. Языкознание», изданных в Тифлисе [15; 16]. В своих посланиях Петр Карлович стремился к обсуждению различных аспектов кавказоведения и обмену опытом в области изучения языков и фольклора кавказских горцев, приводя сформулированные им самим принципы фиксации и публикации текстов, заложив тем самым основы текстологии на Кавказе. Можно проследить, что в письмах он не только делился своими открытиями, но и просил о помощи в решении насущных вопросов, например, связанных с распространением грамотности и образования среди горских народов. Тем самым письма П.К. Услара к академикам демонстрируют, с какими трудностями сталкивался ученый, как их преодолевал и как это отражалось на его научных взглядах. Для того, чтобы собрать необходимый материал для дальнейших исследований П.К. Услар в 1856–1857 гг. отправился за границу. Позже, в письме к известному зоологу, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук К. Кесслеру он напишет: «В прошлом году, уехал я за границу, объехал Германию, Бельгию, Францию, Швейцарию, а нынешней весной через Константинополь возвратился в Закавказье. Теперь живу в классической Колхиде» [15, 4]. Военное начальство обратило внимание на деятельность кавказоведа и высоко оценило его знания в области истории и этнографии Кавказа. Таким образом, в 1858 году П.К. Услару было поручено составить историю Кавказа с уклоном на утверждение русского владычества в этом регионе. Данный запрос не соответствовал интересам ученого, тем не менее он начал сбор архивного материала в Кизляре, Моздоке, Георгиевске. В письме от 25 марта 1859 года к историку-востоковеду А.П. Берже П.К. Услар поделился своими размышлениями относительно этой работы и пришел к выводу, что летописи и предания весьма сомнительны для изучения истории целого народа, важны лишь коренные этнические свойства, так как «ни языка, ни местности подделывать нельзя.

Таковыми летописями обладают все Кавказские народы. Из этих летописей можно создать настоящую народную историю» [17, 7]. В письме к В.А. Франкини, заведовавшему тогда военно-горским управлением на Кавказе, П.К. Услар отмечает, что «без расследования языков немыслима этнография Кавказа, без этнографии немыслима история. Сравнительное языкознание приобретает все большее и большее значение в исторических науках» [18, 96]. Все сводится к тому, что интересы ученого в большей степени акцентированы на лингвистическом изучении кавказских народов.

В 1862 году Петру Карловичу дали новое поручение, и он приступил к исследованию иберийско-кавказских языков. О материалах, собранных по этнической истории Кавказа, П.К. Услар также не забывает и продолжает работать над ними в свободное время. Так был создан труд «Древнейшие сказания о Кавказе», вышедший в печать лишь в 1881 году, уже после смерти ученого.

Летом 1862 года П.К. Услара командировали в Грозный, где он принялся за работу над чеченским языком. В письме к А.П. Берже он поделился своими достижениями, рассказал о том, что в июне открыл временную школу, в которой проходили обучение 25 молодых чеченцев, все они были обучены новой чеченской грамоте в течение 7 недель. Через год П.К. Услар отправил большому знатоку кавказских языков, экстраординарному академику Императорской Академии наук А. Шифнеру свои монографии «Абхазский язык» и «Чеченский язык», которые впоследствии были представлены в Академии наук и удостоены престижной Демидовской премии.

Приблизительно в это же время Вильгельм Гумбольдт предпринимает попытку типологической классификации языков, считая санскритский язык флекторным по превосходству, а китайский – изолирующим по превосходству. Все остальные языки в его представлении образуют переходную гамму от санскритского к китайскому. Чеченский и убыхский языки близки к флекторным языкам, а абхазский от них уда-

лен. П.К. Услар не оставил без внимания это утверждение, по его мнению, «не должно спешить подводить разобранное под русскую грамматическую номенклатуру; при том, большая часть кавказских языков вовсе под нее не подходят» [17, 17].

В 1863 году П.К. Услар приехал в Темир-Хан-Шуру и принялся за изучение дагестанских языков, притом начать он решил с самого распространенного языка в Дагестане – аварского. 2 декабря 1863 года в письме к А.П. Берже исследователь сообщил: «Теперь Аварский язык с вариантами мною уже исследован. На шее у меня языки: Андийский, Казыкумухский, Арчинский, Акушинский (Кайтакский), Табасаранский, Дидо и Инуко. Дела много, но когда я его кончу, то для меня только останется возвратиться к языкам Сванетскому, Кабардинскому и Адыгскому» [17, 32].

Нельзя не согласиться с выводами исследователей, что «образ научного мышления П.К. Услара был таков, что ему недостаточно было заниматься только составлением азбук и грамматик неисследованных языков горцев, он считал, что в лингвистические исследования следует включать песни, пословицы, поговорки, которые затем могут войти в учебные книги для горцев [10, 213]. Петр Карлович считал, что бессмысленно составлять азбуку из 50, а то и 70 букв, которые не будут иметь практического применения. Лучше создавать азбуку на основе тех звуков, которые чаще всего используются в повседневной речи народов Кавказа, а также для каждой буквы приводить несколько слов, в которых она встречается. Помимо этого, азбука родного языка должна была составляться при непосредственном контакте с туземцами, которые «могут быть компетентными судьями при изображении звуков, свойственным их языкам» [11, 35]. Еще одной важной особенностью являлся тот факт, что невозможно создать ни один алфавит для кавказского языка, ограничиваясь лишь русскими буквами. В любом случае требуются дополнения.

При воссоздании этнической истории Кавказа П.К. Услар предложил использовать еще и материалы о языческих божествах, поскольку эти данные передаются из поколения в поколение и не утрачивают своего значения и силы. В письме к А.А. Шифнеру Петр Карлович писал: «Весьма интересно исследовать бы демонологию горцев, но это не совсем легко. Они стыдятся своих прежних верований или напуганы Шамилем, и всегда уклоняются от подобных расспросов» [16, 26].

Большое значение П.К. Услар придавал памятникам материальной культуры. К нему обращался и А.П. Берже в надежде найти ответ на свой вопрос относительно археологических памятников, находящихся на Северном Кавказе. П.К. Услар в своем ответе акцентировал внимание на множестве курганов, которые разбросаны по территории Кубани, кратко описал их, а также перечислил памятники Дагестана, имеющие отношение к археологии. В заключение своего описания он отметил, что много «сокровищ найдется и в нынешнем Черноморском округе, где некогда процветало множество греческих городов» [17, 50–51].

С 1863 по 1865 год Петр Карлович Услар занимался составлением этнографических карт Дагестана, этот факт его научной биографии находит отражение в письмах к А.П. Берже и А.А. Шифнеру. В 1863 году он просит А.П. Берже передать в Топографический отдел, чтобы ему как можно быстрее выслали «две наклеенные карты Дагестана: одну желал бы иметь неокрашенную для того, чтобы изготовить по ней этнографическую карту» [17, 50–51]. В письме к А.А. Шифнеру в 1864 году П.К. Услар пишет: «Теперь, между прочим, занимаюсь я составлением лингвистической карты Дагестана. Узнаю о языке каждого аула и условной краской обозначаю, каким языком говорят жители» [16, 14]. В 1865 году П.К. Услар сообщает А.П. Берже о составленной карте Дагестана, подчеркивая ее особенность: «надписи впервые будут выполнены на основании исследования местных языков, чего до сих пор нельзя было сделать» [17, 47]. Это является свидетельством того, что кавказовед присту-

пил к работе над исправлением географической номенклатуры Кавказа.

Особое внимание П.К. Услар уделяет народным сказаниям, в последствии Н.И. Воронов откроет одноименный раздел в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Здесь ученый привлекает к работе своих помощников – лакца А. Омарова, аварца А. Чиркеевского и кабардинца К. Атажукина. Собранные ими образцы фольклора были переведены на русский язык и опубликованы. По мнению П.К. Услара, вместе с переводом обязательно надо печатать оригинальные тексты на местных языках. Так, «отсылая образцы фольклорного материала в Академию наук А.А. Шифнеру, П.К. Услар просит его сберечь подлинные тексты. Как видим, его постоянно волновал вопрос о том, как сохранить аутентичные образцы устного народного творчества. В письме к В.А. Франкини он пишет: «Позволю себе посоветовать печатать подлинники сказаний о Нартах, переводы которых появляются в «Сборниках». Этим достигается двоякая цель: во-первых, таковые статьи приобретают научное значение, во-вторых, горцам доставляются материалы для чтения» [14, 155].

Волновал П.К. Услара и вопрос создания типографии. В своем письме к В.А. Франкини он отмечает, что «дело горского книгопечатания может идти успешно только в Тифлисе, куда должны быть вызываемы горские авторы для печатания своих трудов» [18, 97]. Действительно, Тифлис уже на протяжении многих лет оставался центром кавказского книгопечатания.

Таким образом, имя Петра Карловича Услара навсегда вписано в историю отечественного академического кавказоведения XIX в. Его труды в области лингвистики, педагогики, истории и этнографии, бесспорно, могут быть отнесены к лучшим образцам научной литературы. Не менее важным представляется обращение к эпистолярному наследию Петра Карловича Услара для изучения его общественных взглядов и творческой лаборатории. В своих письмах ученый со-

общает о ходе работы над изучаемыми языками, возникающих при этом трудностях, а также последовательности своих действий. В письмах П.К. Услара представлены его взгляды на изучение этнической истории, исследование фольклора, составление этнографических карт. В них он сообщает о своих научных выводах по разным вопросам. Кроме того, в письмах ученого нашли отражение его взгляды на проблему интеграции народов Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство.

В целом, можно констатировать, что в этот период частная переписка выступала как важное средство общения и информации. Нельзя не согласиться со специалистами, которые совершенно справедливо отмечают ее особое значение для XIX в., когда письмо служило не только средством личного общения, но и средством ознакомления с современной общественной и научной жизнью, заменяющим регулярную прессу и научные публикации. Письма становятся в этом случае одним из важнейших источников для изучения истории научной мысли и общественных настроений.

1. Загурский Л. П. Петр Карлович Услар // Известия КОИРГО. Тифлис, 1875. Т. IV. С. 38–49.

2. Загурский Л. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. Тифлис: Тип. Меликова, 1881. С. 1–83.

3. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1868. 426 с.

4. Услар П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Тифлис: Тип.

Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1868. Отд. V. С. 1–42.

5. Магометов А.А. Петр Карлович Услар как крупнейший языковед и лингвист // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 5. С. 56–60.

6. Гриценко Н.П. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 158–164.

7. Хатаев Э.Е. Просветители горских народов (XIX в.). Орджоникидзе, 1985. 354 с.

8. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003. 326 с.

9. Блейх Н.О. Исторические и педагогические взгляды П.К. Услара (К 200-летию со Дня рождения) // История и историки в контексте времени. 2017. № 15(1). С. 37–48.

10. Бекоева Т. А. Академик П. К. Услар – видный просветитель Северного Кавказа второй половины XIX столетия // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 6. С. 208–220.

11. Бекоева Т. А. П.К. Услар и горские просветители // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2009. № 1. С. 34–39.

12. Бекоева Т. А. Проект создания горских школ, определение содержания образования, принципов и методов обучения российского академика П.К. Услара // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2009. № 4. С. 49–57.

13. Бунькова Ю. В. Культурологический синтез в кавказской политике П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4(23). С. 112–115.

14. Бунькова Ю. В. Вклад П. К. Услара в кавказскую фольклористику // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2013. № 2. С. 151–156.

15. Письма П.К. Услара // Услар П.К. Этнография Кавказа.

Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1888. С. 1–52.

16. Письма П.К. Услара к А.А. Шифнеру // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис: Тип. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. С. 1–42.

17. Услар П.К. Письма к А.П. Берже // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 5–52.

18. Магомедов А.А. П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 100 с.

III. ФИЛОЛОГИЯ

И.Н. Цаллагова,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(Владикавказ)

ПОЗИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ГЛАГОЛЫ С СЕМОЙ «СТОЯТЬ»

В статье рассматриваются глаголы осетинского языка (иронского и дигорского диалектов), в семантическую структуру которых входит сема «стоять». Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что изучение глаголов с точки зрения расположения в пространстве, которую они обозначают, позволяет выявить закрепленные в языке особенности пространственного моделирования. В исследовании были использованы следующие методы: дефиниционно-семантический, компонентный, сопоставительный, опрос информантов. В ходе исследования выявлено, что ядерным позиционным глаголом с семой «стоять» как в иронском, так и дигорском диалекте осетинского языка является глагол læwwyn / læwwun.

Ключевые слова: осетинский язык, иронский диалект, дигорский диалект, глаголы позиции, лексико-семантическая группа

The article examines verbs in the Ossetian language (Iron and Digor dialects) whose semantic structure includes the seme «to stand.» The relevance of our research is due to the fact that studying verbs from the point of view of the location in space that they denote allows us to identify the features of spatial modelling that are fixed in the language. The following methods were used in the study: definitional-semantic, component, comparative, and informant survey. The study revealed that the core positional verb with the seme «to stand» in both the Iron and Digor dialects of the Ossetian language is the verb læwwyn / læwwun.

Keywords: Ossetian language, Iron dialect, Digor dialect, position verbs, lexical-semantic group.

На сегодняшний день в лингвистике особенно актуальны вопросы, связанные с различными аспектами глагольной семантики [1; 2; 3; 4; 5]. Семантическая классификация глагольной лексики включает в себя такие лексико-семантические группы (далее ЛСГ), как «глаголы бытия», «глаголы положения в пространстве», «глаголы с базовым значением – находиться в каком-либо отношении к кому-либо / чему-либо или в каких-либо отношениях с кем-либо / чем-либо», «глаголы деятельности», «глаголы действия», «глаголы движения и перемещения», «глаголы обладания и проявления свойств», «глаголов состояния», «глаголы ощущения» и т.д. [3, 2593-2599]. Одна из значимых ЛСГ любого языка – «глаголы положения в пространстве», иначе «глаголы позиции», что обусловлено тем, что «пространство и время – важнейшие концепты культуры, интерпретируемые как «система координат», при помощи которых люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его. Пространственные отношения, отражая координацию объектов относительно друг друга, являются фундаментальными отношениями, с которыми имеет дело человек, воспринимающий реальность» [6, 49].

В современном осетинском языке позиционные глаголы условно можно объединить в несколько групп: 1) глаголы вертикальной позиции с опорой снизу (ир. *læwwun* / диг. *læwwun*; ир. *ræmyn* / диг. *ræmun*; ир. *styn* / диг. *istun*); 2) глаголы горизонтальной позиции (ир. *hwyssyn* / диг. *hussun* (*qanæj læwwun*)); 3) глаголы вертикально-горизонтальной позиции (ир. *badyn* / диг. *badun*); 4) глаголы вертикальной позиции с опорой сверху или без опоры (ир. *awyǵdæj læwwun* / диг. *awiǵdæj læwwun*).

Данная статья посвящена структурно-семантическому анализу глаголов позиции с семой «стоять» в осетинском языке, с учетом диалектного варьирования значений.

Семантическая структура глагола ир. *læwwun* / диг. *læwwun*

1. Быть в вертикальной позиции, не двигаясь с места (о людях и животных):

(1) Ир. *Wynðy næ syhægtæ læwwync //*

На улице стоять – PRS 3 PL наши соседи;

Диг. *Kindzæ k'umi læwwuj*

Невеста стоять – PRS 3 SG в углу

2. Нахождение или расположение какого-либо предмета в определенном месте:

(2) Ир. *Dune mašinætæ dzy læwwy*

Много машин там стоять – PRS 3 SG

Диг. *Hwærgænæsti k'ibila turġi astæw læwwuj*

Ведро огурцов стоять – PRS 3 SG посредине двора

3. Остановиться или находиться в состоянии простоя:

(3) Ир. *Kwyst ær-læwwyd*

Работа PREF-стоять – PST 3 SG (остановилась, встала)

Диг. *Warun ær-læwdtæj*

Дождь PREF – стоять – PST 3 SG (остановился, прекратился)

4. Находиться в ожидании, ждать чего-либо или кого-либо:

(4) Ир. *Mænæ lærputæt læwwyn*

Вот парней стоять – PRS 1 SG (жду)

В дигорском в значении «ждать» предпочтительнее такие глаголы, как *ængælmæ kæsun*, *hezun* реже – *gac kænun*, *ræmun*:

(5) Диг. *Ængælmæ kæsun izærmæ*

Жду до вечера

(6) Диг. *Mænæ avtobus hezun*

Вот жду автобус

5. Сохраняться, не изнашиваться (об одежде, обуви), не портиться (о продуктах):

(7) Ир. *Wусу p'alto myn biræ læwwy*

То пальто у меня долго стоять – PRS 3 SG (не изнашивается, сохраняется)

Диг. *K'æruji mesin wazali beræ læwwuj*

Кефир из грибков долго стоять – PRS 3 SG в холоде (не портится)

6. Поступать (на работу, на должность), наниматься:

(8) Ир. *Mæskuyjy horz kwysty s-læwwydtæn*

В Москве PREF – стоять – PST 1 SG на хорошей работе (устроился на хорошую работу)

Диг. *Ġæwi hecæwæj ni-(l)læwdtæj*

(Он) PREF – стоять – PST 3 SG председателем села

7) Наступление чего-либо (о времени, о погоде, о временах года):

(9) Ир. *Zymæg ra-læwwyd*

Зима стоять – PST 3 SG (наступила)

Диг. *Fæzzigon waruntæ ra-læwdtæncæ*

Осенние дожди PREF-стоять – PST 3 PL (наступили)

8) *перен.* Сохранять уверенность и решительность в спорных или сложных ситуациях, несмотря на возникающие препятствия:

(10) Ир. *Fidar læwwyn qæwy*

Крепко нужно стоять-INF (нужно быть стойким)

Диг. *Fedar sæmæ fæ-(l) læwwaj*

Крепко к ним PREF – стоять – PRS 2 SG IMP (не уступай, стой на своем)

9) *перен.* Быть самостоятельным, независимым, жизнеспособным, уверенным в себе:

(11) Ир. *Fidar læwwy jæ k'æhtyl*

Крепко стоять – PRS 3 SG на ногах

Диг. *Læg æ k'æhtæbæl is-læwdtæj*

Мужчина PREF – стоять – PST 3 SG на ноги

10) *перен.* Противостоять, оказывать сопротивление:

(12) Ир. *Znađy nyhmæ læwwync næ fæsiwæd*

Против врага стоять – PRS 3 PL наша молодежь (противостоят врагу)

Диг. *Nihmæ læwwun færazun ġæuj*

Против стоять – INF нужно мочь (нужно быть способным дать отпор)

11) *перен.* Невозможность сдержаться:

(13) Ир. *Nal fæ-(l)læwwydtæn æmæ syn zağton*

Больше не PREF – стоять – PST 1 SG и сказал им (больше не мог сдерживаться)

Диг. *Næ fæ-(l)læwdtæn æma fezonægæj rahwardton dzæbæh*

Больше не PREF – стоять – PST 1 SG и поел шашлык вдоволь (хорошо)

12) *перен.* Оказать поддержку, помощь:

(14) Ир. *Hiwættæ je'vvaħs ærba-læwwydysty*

Родственники возле него PREF – стоять – PST 3 PL (оказали поддержку)

Диг. *Ziangini razi ba-læwwun ġæuj*

Возле похоронившего близкого нужно PREF – стоять – INF (оказать поддержку, помощь)

13) *перен.* Оказаться, появиться где-то или у кого-то, прийти:

(15) Ир. *Sihor afon je'fsymæry hædzary ba-læwwyd*

В обеденное время (он) в доме брата PREF-стоять-PST 3 SG (появился)

Диг. *Izærigon næmæ iwazgutæ ærba-læwdtæncæ*

Вечером к нам гости PREF – стоять – PST 3 PL (пришли)

14) *перен.* Бить, колотить:

(16) Ир. *Læppu eħsæj bæhyl ær-læwwyd*

Парень плетью PREF – стоять – PST 3 SG лошадь (стал бить)

Диг. *Lædzægæj ibæl ra-læudtæj*

Палкой его PREF – стоять – PST 3 SG (стал колотить)

Семантическая структура глагола ир. *rætun* / диг. *rætun*

Глагол ир. *rætun* / диг. *rætun* (основа прошедшего времени *ræd*) в современном осетинском языке малоупотребителен. Имеет сходие с глаголом *læwwun* значения (стоять, держаться на месте, ждать). Сравните дигорское *Ba-ræn* «постой, подожди» и иронское *Fæ-læw* с тем же значением. В настоящее время встречается, хоть и редко, но только в дигорском диалекте. Однако, по мнению В.И. Абаева, каузативный вариант глагола легко распознается в осетинском ир. *uromun* / диг. *oratum* «останавливать». Так же сравните ир. *rætun* «сдержанный», *næætun* «несдержанный» [7, 375].

Опрос информантов показал, что на сегодняшний день данный глагол чаще используется в значении «ждать, терпеть, сдерживаться» (17) и «оставаться, удержаться» (18):

(17) Диг. *Womi rætmun næ ġudæj*

Нам нужно было там ждать

(18) *Ami nirrætæn min næjjes*

Мне нельзя здесь оставаться

Наиболее активно используется императивная усеченная форма глагола, которая имеет несколько произносительных вариантов: *baræn* | *barænæ* | *barænaj* «подожди, обожди»; *barænæ-ba* | *baræn-ba* «Постой! Постой-ка! (угроза)».

В последнем примере мы наблюдаем «редупликацию преверба», свойственной дигорскому. «Преверб повторно вставляется после глагольной основы, или же после следующих за ним энклитических местоимений или частиц. Чаще всего это происходит для смягчения императива, или же наоборот, для его интенсификации» [8, 139].

Семантическая структура глагола ир. *styn* / диг. *istun*

Глагол ир. *styn* (основа прошедшего времени *stad*) / диг. *istun* (основа прошедшего времени *istad*) имеет такие значения, как «стоять (только в дигорском)» (19), «вставать» (20), «превратиться, обратиться (в кого, во что)» (21), «выступить, восстать» (22); «оказаться» (23):

(19) Диг. *Kæstærtæ istuncæ*

Младшие стоять – PRS 3 PL

(20) Ир. *Wazdzytæ fyngtæj s-ystadysty*

Гости PREF – вставать – PST 3 PL из-за столов

Диг. *Is min istæ wælætæ!*

Наверх PREF – PRN DAT 1SG – стоять – IMP для меня

В данном примере мы наблюдаем отделение преверба от глагольной основы, характерное дигорскому. «В дигорском диалекте все без исключения превербы могут отделяться от глагольной основы. Между превербом и глаголом возможно

вклинивание энклитических местоимений, а также различных частиц» [9, 421; 10, 83; 8, 139].

(21) Ир. *Æz kæsag festdzynæn...*

Я PREF – статья – FUT 1 SG (превращусь)

Диг. *Ĝæungæ cæwgædon festadæj*

Улица PREF – статья – PST 3 SG река (превратилось)

(22) Ир. *Adæm systadysty*

Люди PREF – статья – PST 3 SG (восстали)

Диг. *Znagi nihmæ festadæncæ...*

Против врага PREF – стоять – PST 3 PL (восстали)

(23) Ир. *Dæ bynaty festyn mæ fændid*

Хотелось бы мне PREF – стоять – INF на твоём месте (оказаться)

Диг. *Mæ razi ku festisæ*

Возле меня бы (ты) PREF – стоять – OPT 2 SG

Таким образом, дефиниционно-семантический анализ показал, что в современном осетинском языке существует три глагола с семой «стоять»: ир. *læwwyn* / диг. *læwwun*; ир. *ræmyn* / диг. *ræmun*; ир. *styn* / диг. *istun*. Наиболее широкую сферу употребления имеет глагол ир. *læwwyn* / диг. *læwwun*. Данный глагол имеет расширенную семантическую структуру с большим количеством переносных значений. Кроме этого, расширение семантики происходит на горизонтально-ориентированные объекты (Ср. диг. *qanæj læwwun* «лежать») и на объекты вертикальной позиции с опорой сверху или без опоры (ир. *awuġdæj læwwyn* / диг. *awiġdæj læwwun*). Представленные глаголы имеют аналитический характер, что предполагает наличие именной части и вспомогательного глагола. Как правило «...в осетинском языке в качестве глагольной основы выступают, в основном, *кæнын* «делать», *уын* «быть». Глаголы «дарын» «держать», *кæсын* «смотреть», *марын* «убивать», *мæлын* «умирать», *ласын* «влечь», «тащить», и некоторые другие образуют ограниченный круг сложных глаголов» [11, 71]. Именно в этот ограниченный круг входят несколько составных глаголов, в

которых в качестве глагольной компоненты выступает глагол ир. *læwwun* / диг. *læwwun*.

Глагол ир. *ræmun* / диг. *ræmun* можно отнести к архаичным, так как большинству информантов, в особенности носителям иронского диалекта, он незнаком. В дигорском же на сегодняшний день данный глагол чаще используется в значении «ждать, терпеть, сдерживаться» и «оставаться, удержаться». Исходя из этого, можно утверждать, что сема «стоять» в речи носителей как иронского, так и дигорского диалекта, данным глаголом утеряна, и сохраняется только в словарных дефинициях.

Семантическая структура глагола ир. *styn* / диг. *istun* в обоих диалектах схожа «встать», «вставать», «превратиться», «выступить», «восстать». Однако, исходя из словарных дефиниций в дигорском данный глагол имеет значение «стоять» как основное и считается синонимом *læwwun* [12, 157], или же имеет в качестве первого значения «вставать», а второго – «стоять» [13].

На современном этапе мы наблюдаем, что и в дигорском сема «стоять» данным глаголом частично утеряна (оно знакомо только лицам старшей возрастной группы), и заменена на глагол *læwwun*. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что ир. *læwwun* / диг. *læwwun* представляет собой современный синоним архаичных глаголов и является ядерным позиционным глаголом как в иронском, так и дигорском диалекте.

Принятые сокращения:

1 – 1 лицо

2 – 2 лицо

3 – 3 лицо

Ир. – иронский диалект осетинского языка

Диг. – дигорский диалект осетинского языка

DAT – дательный падеж

FUT – будущее время

IMP – императив

INF – инфинитив
 OPT – оптатив
 PL – множественное число
 PRS – настоящее время
 PRN – местоимение
 PREF – преверб
 PST – прошедшее время
 SG – singular

1. Братусь. И. Б. Об одной конструкции с нидерландскими позиционными глаголами // Скандинавская филология, (9), 2008. С. 38–42.

2. Кашкин Е.В. Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Родной язык, №1 (4), 2016. С. 54–76.

3. Костицина Р.В. Новый проект семантической классификации глагольной лексики русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Выпуск 8. С. 2593–2599.

4. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

5. Рахилина Е.Б., Лемменс М. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском // Russian Linguistics, 2003, № 27 (3). С. 313–328.

6. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и Бытие. М.: Республика, 1993. 296 с.

7. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II (L-R). Ленинград: Издательство «Наука» Ленинградское отделение. 1973. 448 с.

8. Цаллагова И. Н. Превербь в иронском и дигорском диалектах осетинского языка: семантика и морфосинтаксис / И. Н. Цаллагова, Е. С. Качмазова, Ф. А. Царикаева // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 9. С. 125–142. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-125-142.

9. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 597 с.

10. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология / М.И. Исаев. Москва: «Наука», 1966. 221 с.

11. Кудзоева А.Ф. Сложные глаголы в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41(80). С. 67–80.

12. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III (S–T'). Ленинград: Издательство «Наука» Ленинградское отделение. 1979. 358 с.

13. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Составитель Таказов Ф.М. 2015. 872 с.

Э.Т. Гутиева,
снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

AGLÆSA: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЕРЕЗ МАТЕРИАЛ ВОСТОЧНО-ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

*Исследование выполнено в рамках авторской гипотезы об индоевропейском характере осетинской лексики лæг|læg «мужчина, муж, супруг, человек», традиционно трактуемой в осетиноведении и кавказской компаративистике как субстратный элемент неиндоевропейского происхождения. Несмотря на принадлежность осетинского языка к восточно-иранской подгруппе, в нём отсутствует общеиранская базовая номинация «мужчина», что способствовало закреплению точки зрения о кавказском субстрате данной лексики. Вместе с тем ряд исследователей допускали возможность индоевропейских этимонов для этого корня. В статье обосновывается тезис о не-субстратности *лæг – на основании выявления фонетически и семантически сопоставимых экспонентов в ряде индоевропейских языков, которые могут рассматриваться как полные или частичные когнаты. Особое внимание уделяется архаическому характеру осетинского языка и его развитию в условиях длительных и многоуровневых контактов с различными языками. Привлечение древнеанглийского материала мотивировано как консервативностью осетинского языка, так и исторической сопоставимостью путей формирования осетинского и английского в условиях миграций и языковой гетерогенности. В этом контексте анализируется древнеанглийская лексема *æglæsa* из поэмы «Беовульф», отличающаяся семантической амбивалентностью. Предлагается рассматривать её как элемент системы кеннингов. Выдвигается гипотеза, согласно которой постпозитивный компонент *-læsa* может восходить к древнему индоевропейскому корню со значением «человек, воин», типологически и этимологически сопоставимому с осетинским *лæг*. Это позволяет по-новому интерпретировать как древнеанглийский поэтический материал, так и происхождение ключевой осетинской номинации.*

The study was conducted within the framework of the author's hypothesis about the Indo-European nature of the Ossetian lexeme лæг|læg 'man, husband, spouse, person', traditionally interpreted in Ossetian studies and Caucasian comparative linguistics as a substratum

*element of non-Indo-European origin. Despite the Ossetian language belonging to the Eastern Iranian subgroup, it lacks the common Iranian basic nomination «man», which contributed to the consolidation of the view of the Caucasian substrate of this lexeme. At the same time, several researchers allowed for the possibility of Indo-European etymons for this root. The article substantiates the thesis of the non-substratum nature of *лæг – on the basis of the identification of phonetically and semantically comparable exponents in a number of Indo-European languages, which can be considered as complete or partial cognates. Particular attention is paid to the archaic nature of the Ossetian language and its development in conditions of prolonged and multi-level contact with various languages. The use of Old English material is motivated both by the conservatism of the Ossetian language and by the historical comparability of the formation of Ossetian and English in conditions of migration and linguistic heterogeneity. In this context, the Old English lexeme *æglæca* from the poem Beowulf, which is distinguished by its semantic ambivalence, is analysed. It is proposed to consider it as an element of the kennings system. A hypothesis has been put forward that the postpositive component *-læca* may derive from an ancient Indo-European root meaning 'man, warrior', typologically and etymologically comparable to the Ossetian *лæг*. This allows for a new interpretation of both Old English poetic material and the origin of the key Ossetian nomination.*

Keywords: *Ossetian language, substrate, Beowulf, etymology*

Данное исследование предпринято в рамках авторской гипотезы об индоевропейском характере осетинской лексемы лæг|æг «мужчина, муж, супруг, человек» [1, 190], для развития которой последовательно рассматриваются материалы различных языков.

В каждой группе и.е. языков роль доминанты «мужчина, человек» выполняют различные исконные лексемы. В контексте этой общегрупповой регулярности специфическая ситуация складывается в осетинском языке, в котором не отмечена общеиранская основная номинация. Вследствие чего несмотря на то, что осетинский относится к восточно-иранской подгруппе иранской группы, слово лæг, являющееся основной номинацией «мужчина», принято рассматривать как пример субстратного элемента из автохтонных (неиндоевропейских) языков

народов Кавказа. Эту точку зрения разделяли многие исследователи, изучавшие осетинский язык и его историю (В.И.Абаев, Э. Бенвенист, О.Н. Трубачев, А. Кристольт и др.) [2,3,4]. Ввиду ассерторической модальности сторонников субстратного происхождения слова, менее категоричны не менее именитые исследователи, предлагающие индоевропейские этимоны для данного корня (Х. Школьд, Ж. Дюмезиль, Г. Бейли) [5,6,7].

Основанием для презумпции о не-субстратности и не-кавказности этого столь обсуждаемого слова является тот факт, что в различных языках можно найти экспоненты, демонстрирующие достаточные для сопоставления с корнем *læg* – основания. Соответственно, сопоставимые фонетически и семантически эти экспоненты можно классифицировать как полные или частичные когнаты, не исключаем и то, что в отдельных случаях допустимо считать это мнимым сходством между ложными когнатами.

Об особенностях осетинского языка, о его обособленном положении среди иранских языков, о следах древних контактов со славянами, балтами и германцами, о схождениях в лексике, фонетике и даже грамматике, которые невозможно объяснить только индоевропейским родством рассматриваемых языков, писал В. И. Абаев, называя эти черты скифо-европейскими изоглоссами [8].

Архаизм форм осетинского языка делает правомерным рассмотрение параллелей и с другими древними языками, плодотворной для лингвистической разработки представляется привлечение древнеанглийского материала. Даже если не принимать во внимание роль иранских народов в этногенезе тевтонцев, и иранских языков в глоттогенезе будущих германских языков, контакты между носителями иранских и германских языков в период античности и раннего Средневековья должны были приводить к многоуровневому взаимовлиянию языков.

Развитие осетинского и английского языков сопоставимо в следующем ключе: непосредственные предшественники обо-

их языков развивались в условиях конфедеративных миграций племён разной степени генетического и языкового родства, обусловивший их гетерогенный характер, вбирали в себя и синтезировали в себе элементы разных языков.

Хронологические рамки контактов, как нам представляется, возможно раздвинуть с учетом сложных, ввиду не до конца исследованного характера, скифо-аланских связей с германскими языками. С одной стороны, такие контакты могли восходить к периоду, когда *Magna Germania* на востоке соседствовала с *Sarmatia*. С другой стороны, разработки требуют вопросы развития и формирования собственно английского, т.е. в островной период формирования этого западногерманского языка.

Иррадиация сармато-аланских элементов на английский могла происходить через северогерманские языки, подвергшиеся адстратной иранизации. Количество изоглосс сармато-аланских с северогерманскими наибольшее, что соответствует археологическим, генетическим, мифологическим данным о присутствии аланов-асов на территориях обитания северогерманских племен. Известно, что аланы-асы на определенном этапе составили слой политической элиты среди скандинавов [9, 1987], что объясняет создание сложной синтезированной системы космогонических представлений, обусловленной ирано-скандинавским дуализмом, а ассимилируясь в иноязычной среде, аланы-асы могли сыграть роль адстрата, чье влияние на язык сказалось, преимущественно, в сфере лексики.

Опосредованное северогерманскими языками влияние на англо-саксонский позволяет объяснить, что из всех западногерманских наибольшее количество иранских изоглосс именно у английского языка в отсутствие исторически зафиксированных прямых контактов между англо-саксами и сармато-аланами с периода формирования английского языка с середины V в.

Древнеанглийская лексика, менее романская, чем на со-

временном этапе, в V–XI вв. была собственно германской, и сравнение современного осетинского и древнего английского – это не столько соположение старого с новым, сколько сравнение консервативного осетинского языка с прасостоянием другого на этапе, когда последний (английский) был ближе к первому.

Для изучения английско-осетинских лексических сходжений особенное внимание, как нам представляется, следует уделить и контактам носителей протоосетинского с северогерманскими племенами.

Согласно художественному сравнению Т.Шора, как река, истоки которой можно проследить по впадающим в неё притокам, так и англосаксы – это более позднее инклюзивное обозначение переселенцев, не только тевтонских народов, но и различных венедов и других [10, 17]. Кроме того, в различных формах волны миграционных процессов могли накатывать на север Европы уже после Великого переселения народов.

На роль «энергичных кочевников» выдвигались разные кандидатуры: «энергичный кочевой народ с его уникальным искусством изображения животных и любовью к лошадям – необыкновенная раса, от которой цивилизованный мир перенял штаны и научился верховой езде» («vigorous nomad people with their unique animal art and love of the horse – an extraordinary race from whom the civilized world learned to wear trousers and riding horses»). По всей вероятности, их этнический состав был неоднородным, однако присутствие в этой «смеси, состоящей из аланов, гуннов и готов» («a melange, composed of Alans, Huns, and Goths») ираноязычных племен бесспорно [11].

В тексте древнейшей и самой известной англосаксонской эпической поэмы «Беовульф» возможно выделить несколько слов, в составе которых экспонент *lac-|lag|+g-*.

Важность и сложность данного памятника, его не-британский характер обуславливают непреходящий интерес к его изучению. Не исключено интерпретировать языковые явления с позиций осетинского, как наследника сармато-аланского язы-

кового континуума, в свете приведенных выше особенностей исторического контактирования носителей иранских и германских языков.

Этимологически «темные» слова ставят перед исследователями трудные задачи, порождают множественные интерпретации, несогласие с которыми стимулирует поиски новых путей решения загадок языка.

Одной из таких лингвистических головоломок является д.а. *æglæca* \ *aglæca*, возможно, наиболее обсуждаемое из всех слов, подвергшихся ранней архаизации в процессе развития английского языка. Единственным его рефлексом в среднеанглийский период является прилагательное *egleche* «воинственный, отважный» («warlike, brave»).

Наиболее распространенное толкование данного слова приведено в *Anglo-Saxon Dictionary*, где *aglæca* дефинируется как «*a miserable being, wretch, monster; miser, perditus, monstrum* [12].

Такое лексикографическое описание базируется на контекстных реализациях слова, в оригинальном тексте эпической поэмы «Беовульф» оно атрибутирует самого известного эпического злодея Гренделя 36 раз (строки 159, 425, 433, 592, 646, 732, 739, 816, 989, 1000, 1269). Его высокая конденсация в тексте позволяет считать его составным эпитетом отрицательного героя.

Меньшее по числу атрибутирование персонажей, позиционируемых как положительные герои (строка про Зигмунда – 893 и Беовульфа – 1512, 2592), не позволяет, тем не менее, игнорировать данный факт, закономерно вызывая вопрос о возможной энантиосемии слова, либо об исключительно широкой его семантике, не ограничивающей его валентности.

Суть семантических противоречий вынесена А.Николлсом в название его работы, посвященной анализу данного слова: ‘Awe-Inspiring’, not ‘Monstrous’ (‘Внушающий ужас’, а не ‘Чудовище’) и отражает дискуссионность семантики *aglæca* [13].

Энантиосемичный набор значений приводится в глоссарии

Клабера: *wretch, monster, fiend, demon, warrior, hero*, отражающий гибкость комментатора при рассмотрении контекстных реализаций слова.

Противопоставление или сопоставление\сравнение Гренделя и Беовульфа. «linked contrasts between the world of monsters and men which run throughout a poem and manuscript». При всей непримиримости между силами зла и силами им противостоящими, «человеками» и не-людьми, на наш взгляд, их может объединять воинственность, способность вести бой, и те, и другие являются опасными противниками.

– awesome opponent, ferocious fighter 732, 739, 816, 893

– (poetic) one who inspires awe; wretch, monster en.wiktionary.org

– (poetic) combatant, warrior

(poetic) an awesome or formidable opponent, ferocious fighter

Возникающую в таком случае энантиосемию пытаются преодолевать\обусловить по-разному, тем, что *aglæca* может обозначать «как дьявольскую, так и человеческую сущность», и что этот термин используется для обозначения «сверхъестественных», «неестественных» или даже «нечеловеческих» характеристик, а также враждебности по отношению к другим существам. Такая интерпретация очеловечивает Гренделя, но демонизирует Беовульфа и Зигмунда, превращая их в чудовища «среди людей, которые бросают вызов традиционному воплощению зла, дракону; *aglæca* встречает *æglæcan*». Сопоставимо со значением *vīru* в синдхи – «hero, demon».

В качестве существительного слово может считаться принадлежностью поэтического языка, в прозаическом тексте зафиксировано лишь однажды в качестве прилагательного слабого склонения в Byrhtferth's *Enchiridion*, где Беда Достопочтенный назван *se æglæca lareow* [13]. Тем больше оснований рассматривать его как кеннинг.

1. Кеннинг (kenning) – разновидность метафоры, характерная для скальдической, англосаксонской и кельтской поэзии. Это описательное поэтическое выражение, состоящее как

минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны. Пример: «сын Одина» – Тор, «вепрь волн» – корабль, «волк пчёл» (то есть Беовульф) – медведь. Наибольшее количество оборотов-кеннингов приходится на описание темы «воин / герой» (13 единиц): beadorinc «человек сражения», dryhtguma «человек короля», dryht-scype «героическое деяние», ellen-weorc «мужественная работа», fe[^]e-cempa «человек из отряда», gu[^]-rinc «человек битвы», gu[^]-beorn «человек сражения», hea[^]orinc «человек-кольчуга», heo-rowulf «кровавый волк», lind-hsbbende «имеющий щит», sige-cempa «человек победы», rondwiggend «щит-воин», heorowulf «кровавый волк» [14, 142].

Кеннинги в «Беовульфе» являются центральными нитями, пронизывающими всю художественную ткань поэмы, используются для украшения речи, создания ярких образов воинов, подчёркивания героического кодекса чести и могущества, а также для описания воинских подвигов и создания эпического, возвышенного тона поэмы, характерного для германского эпоса. Они служат для усиления героического пафоса, передачи ценностей общества и создания рифмы и ритма в устной традиции.

Система кеннингов – это еще и аксиологическая шкала, по их частотности можно судить о ценностях общества, создававшего их в своей устной традиции. Точное число назвать сложно, в том числе, и потому что, возможно не все кеннинги еще выявлены. Так, нам кажется, что и данное сложное слово можно причислять к ним.

То, что слово используется для атрибутирования и монстров, и героев (монстр и герой – это энантиосемия, или синкретизм?), и даже ученого мужа говорить в пользу его широкой семантики и большой коннотативной емкости\гибкости, если оно способно характеризовать референтов столь разного статуса и характеристик.

Гипотезы о заимствованном характере данного слова не пользуются популярностью, данная лексема представляется

составленной из германских элементов, однако следует отметить, что в качестве языков доноров указывается арабский *'alāġ*, имеющий значение «a miserable being, wretch, miscreant, monster, fierce combatant», либо древнеирландский Óclach\ óclaeach «fighter, warrior».

В ряде случаев герой описывается при помощи одних и тех же слов, что неслучайно, учитывая богатство словаря поэмы и разнообразие стилистических возможностей древнегерманского стихосложения. Но среди них нет слов отрицательной семантики, если не считать таковой «одиноким» «earm». Автор наделяет монстров, силы зла качествами людей.

Исследование этимологии этого слова представляется чрезвычайно важным для установления его смысла. Но можно констатировать, что этимологические теории ввиду своей необедительности и, как следствие, множественности не подвигают к установлению этого смысла. Этимологический подход не снял семантических противоречий.

Препозитивный компонент *awe* – возводится к д.а. *ege* от о.г. **agaz*, на с.а. формы которого могли оказать влияние скандинавские формы *agi*. Либо первый элемент возводится к *ese* «ache, pain» [12, 1882], также неясному в этимологическом отношении слову и названному А.Либерманом «an etymological headache».

Кроме того, есть возведение к германскому *Ekel* «nausea; disgust,» в д.а. *acol* «frightened», *ekla* «lack», либо от др.исл. *uggr* «fear» (от которого английское *ugly*); сканд. *agg* «anger», в исландском значение *agg* «squabble, quarrel».

Дискуссия относительно постпозитивного элемента также не привела исследователей к единодушию. В компоненте *lāc* усматривается значение «ritual, performance, demonstration» [12], в альтернативной этимологии он возводится к *lac* > от протог. **laikq* от **laiko* – (play).

Д.а. *-cg* в с.а. передавалось как *-gg*, его аффрикатизация нашла отражение в написании *-dge*.

Против вышеприведенных интерпретаций, в первую оче-

редь, значение рефлекса в с.а. прилагательное *egleche* «warlike, brave», т.о., наиболее близкое хронологически д.а.значению в с.а. не имеет отрицательной коннотации, а, напротив, высоко-позитивно, и может считаться отправным пунктом для его реконструкции.

Коннотации, которыми обросло слово *æglæca*, могли появиться на стадии герменевтической. Омерзительность чудовищ и врагов человека обычно не живописуется сказителями, и может быть заключена в имени (у матери Гренделя как и у остальных женских персонажей имени нет), либо в зрительском осуждении, проецируемом автором\рассказчиком. Грендель – существо, несомненно, человеческого облика, гуманоид, следовательно, сказителям нет необходимости называть его монстром, чем\кем он не является. То обстоятельство, что он живет под водой, не означает, что он автоматически выводится за круг людей. Известно о проницаемости в мифо-сказочных текстах границ между двумя стихиями, обитатели которых, обладая одинаковыми физиологическими параметрами и поведенческими стереотипами, могут навещать и подолгу гостить друг у друга (былинный Садко у Морского Царя), вступать в брак между собой (Ахсар и Дзерасса нартвовского эпоса), и иметь общее потомство (скандинавский Велунд, сын морехода и морской нимфы).

Избыточная метафоричность, не свойственная эпической сказительской традиции, не отмечена и при идеосемантическом развитии, т.к. у других сил зла тоже абсолютно прозаическая, «незлодейская» этимология их имен.

Изначально достаточно нейтральные этимоны приобретали отрицательные коннотации в процессе эволюции представлений о злодействе и злодеях (известные интернационализм **демон, дракон, дьявол, монстр**).

Возможно, самыми отрицательными следует считать *cama-na*, буквально от «противостоящий» («oppose») и **hel-\hal* от этимона со значением «скрывать», «прятать» («to conceal, to cover»).

Ключ к разгадке природы Гренделя, который сочетает в себе чудовищность кровожадного каннибала, сверхъестественную силу эпического злодея, кроется в том, как он определяется. Как бы ни демонизировали Гренделя, у него, безусловно, человеческие черты. Он из рода людей, потомок братоубийцы Канина. Грендель последовательно называется *guma* (973, 1682), *wer* (105), *rinc* (720) и *haeleða* (2072). Все эти слова отмечены У. Скитом среди 36 д.а. слов в словарной статье *warrior* [13, 142]. У всех отмечена амбивалентность «мужчина/man», «воин/warrior».

Первые два *guma*, *wer* среди трех наиболее частотных лексем, предиктирующих человека в д.а., из которых только *man* употребляется в современном английском языке. Они развивали данное значение вследствие естественного синкретизма других и.е. лексем, номинирующих «мужчину», «человека», а *wer*, как известно, было предшественником заимствованного в позднее д.а. *husband*, и которое скандинавский композит в значении «муж» вытеснил к XIII веку. Т.о., в тексте поэмы Грендель неоднократно называется воином, и, возможно, имплицитруется то, что он был человеком, мужчиной.

Частое употребление при атрибутировании Гренделя могло способствовать тому, что *æglæca*, изначально нейтральное, стало составным эпитетом этого героя (Соловей Разбойник, Ясно Солнышко), начало ассоциироваться с этим персонажем поэмы «Беовульф» и, как следствие, разделило его негативность, подобно тому, как эпитет Бессмертный, заряжаясь отрицательностью восточнославянского чародея, имплицитрует долговечность и труднопреодолимость зла. А само имя Кощей, происходит ли оно от этимона «худой человек» или от «невольник», «пленник», можно считать условно нейтральным. Собственно, как и личное имя Гренделя, до того, как стать эпонимом (эпонимным для) зла, оно должно было нести определенную информацию, и могло стать и именем героя.

Т.о. коннотация слова является вариативной\переменной величиной, и программируется микроконтекстом.

По нашему мнению, данное слово *æglæca* имеет смысл рассматривать именно как принадлежность поэтического языка, точнее в системе кеннингов [13, 142], столь характерных для англосаксонской поэзии. В таком случае *æglæca* следует рассматривать как описательное поэтическое выражение, состоящее из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какой-либо персоны.

Степень метафоричности данного кеннинга зависит от решения вопроса об этимологии каждого из элементов.

Помимо выдвигаемых в этимоны первого элемент *æg* – корней *ache* и *awe*, хотелось бы обратить внимание на слово, которое больше подходит на роль элемента кеннинга: *ecg* – «меч» («sword»). OE. *eg, egge*, AS. *ecg*,; akin to OHG. *ekka*, G. *ecke*, Icel. & Sw. *egg*, Dan. *eg*, and to L. *acies*, Gr. *‘akh`* point, Skr. *açri*, edge [15]. Корень отмечен и в иранских языках: **aka* – «острый предмет, острие, меч». В пользу подобной трактовки особая роль мечей в поэме. То, что и Грендель, и его мать, Беовульф и Зигмунд сражались мечами – бесспорно. У Беовульфа их 4 – два с личными именами – Хрунтинг, Нэглинг, и 2 безымянных.

Этот корень неоднократно встречается в тексте поэмы, зафиксированный и в качестве нарицательного существительного, и в качестве элемента антропонима. Известно, что Беовульф – сын Эхтеов (16 упоминаний), Эгвела, датский король (1 раз), Датчанин Эглаф, отец Унферта – 5 раз. Все эти имена королевских особ и благородных воинов достаточно надежно этимологизируются, *Ecgbæow* как *Ecg* – «sword» и *bæow* – «servant» *слуга меча, т.е. «искусный воин»; *Ecgwela* – «swordwealth» *богатство меча, *Ecglaf* – «sword remnant». Т.о. помимо особенной роли, которую мечи играют в действии поэмы, «меч» в составе антропонима также заслуживает особенного внимания.

Можно ли считать непреодолимой проблемой, что в качестве словообразовательного элемента личного имени и названия оружия оно спеллингуется по-другому, а в данном слове передается как *æg*-? Едва ли, с такой же ситуацией столкнулись те, кто возводил данный комплекс от д.а. *ache*, не сочтя этой

проблемой. Вследствие фонетической близости характеристик *æ* и *e* их следует считать аллофонами. Кроме того два рефlekса этого же корня в современном английском различаются именно написанием инициального гласного – *edge* – *acrid*. В современном английском языке правописание *edge* – *dge* отражает фонетическое развитие качества согласного в исходе слова. В д.а. согласный графически передавался как *-cg* в с.а. *-gg*.

Относительно второго элемента следует отметить, что элемент, встречающийся и в других д.а. словах, в пресуппозиции которых человек, каждый раз по-новому интерпретируется.

Если полагать его рефлексом и.е. корня со значением «человек», то суммарное значение кеннинга «sword-man», воин меча, т.е. искусный воин, сопоставимое с именем *Ecgbrow* – слуга меча. Сюда же скандинавское *lag*– воины, группа. Кроме того, можно поставить под сомнение интерпретацию подобного звукового комплекса и в других контекстах поэмы. В частности, знаменитый эпизод, описывающий злодеяния Гренделя:

liculac. (ll. 1580-1584a) (hateful *gift*.)

Допустимо интерпретировать *la(dh) licu lac* как hateful *man* вместо hateful *gift*.

1. Гуриев Т.А. Гутиева Э.Т. Осетино-русский словарь. Т. 3. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А. 2018. 738 с.

2. Абаев В.И. О языковом субстрате. / В.И. Абаев. // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, № 9. М., 1956. С. 57–69.

3. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965. 168 с.

4. Skold, H. The Nirukta: its place in old Indian literature, its etymologies. Lund: C. W. K. Gleerup; London: H. Milford, 1926, pp. 357–360.

5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
6. Bailey H.W Dictionary of Khotan Saka. Cambridge University Press. 2010. 580 p.
7. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1965. 168 с.
8. *Elegaard A. Jesus: One Hundred Years Before Christ; A Study in Creative Mythology*, London: Century, 1999. 320 p.
9. Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon race: a study of the settlement of England and the tribal origin of the Old English people. London: E. Stock, 1906. 416 p.
10. Tejral, J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques //Des royaumes barbares au Regnum Francorum. 1997, pp. 137–166.
11. An Anglo-Saxon Dictionary. Bosworth J., Toller T. Oxford: Clarendon Press. 1898. 768 p.
12. Nicholls A. "Bede 'Awe-inspiring' Not 'Monstrous': Some Problems with Old English Aglæca." Notes and Queries 38.2 (1991), pp. 147–48.
13. Песина С.А., Карамышев Е.А. Система кеннингов в древнеанглийском языке // Фундаментальные и прикладные исследования. 2014. № 12. С. 140–144.
14. Webster's New Universal Unabridged Dictionary (2nd ed.). New York: Simon & Schuster. 1983. 2308 p.

З.П. Клисова,
магистрант, СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

АБРУПТИВНЫЙ СОГЛАСНЫЙ КЪ: АРТИКУЛЯЦИЯ, ПОСТАНОВКА И АВТОМАТИЗАЦИЯ

Фонема определяется как минимальная, далее неделимая единица в языковой системе, лишённая собственного значения, но служащая для формирования и дифференциации звуковых форм значимых компонентов языка – слов и морфем.

В основе фонетического анализа языка лежат артикуляторные особенности, то есть артикуляционный аспект, который является важной частью фонетики как лингвистической дисциплины. Артикуляционная сторона речи изучает органы, участвующие в образовании звуков, и их роль в процессе формирования речевых звуков. Другими словами, этот аспект фонетики занимается изучением того, как различные части тела человека, такие как язык, губы и голосовые связки, взаимодействуют для создания членораздельной речи. Обсуждая сложности, возникающие при изучении осетинского языка в образовательных учреждениях, мы считаем важным акцентировать внимание на произношении согласных звуков. Мы уверены, что правильная артикуляция является решающим фактором для верного понимания и выражения мыслей.

В настоящей работе мы изучим специфику артикуляции заднеязычной фонемы Къ и опишем комплекс артикуляционных упражнений, направленных на приведение артикуляционных органов ребенка в такое положение, при котором он сможет правильно произносить звук «Къ».

Ключевые слова: осетинский язык, фонема, заднеязычный согласный, артикуляция, постановка, автоматизация.

A phoneme is defined as the smallest, indivisible unit in a language system, which has no meaning of its own but serves to form and differentiate the sound forms of meaningful components of language – words and morphemes.

Phonetic analysis of language is based on articulatory features, i.e. the articulatory aspect, which is an important part of phonetics as a linguistic discipline. The articulatory side of speech studies the organs involved in sound production and their role in the process of speech sound formation.

In other words, this aspect of phonetics is concerned with studying how different parts of the human body, such as the tongue, lips and vocal cords, interact to produce articulate speech. When discussing the difficulties that arise when studying the Ossetian language in educational institutions, we believe it is important to focus on the pronunciation of consonant sounds. We are confident that correct articulation is a decisive factor for accurate understanding and expression of thoughts.

In this paper, we will study the specifics of the articulation of the back-of-the-tongue phoneme K' and describe a set of articulation exercises aimed at bringing the child's articulatory organs into a position where they can correctly pronounce the sound «K'».

Keywords: *Ossetian language, phoneme, back-of-the-tongue consonant, articulation, pronunciation, automation.*

1. Фонетика (греч. φωνή 'звук', φωνήτικός 'звуковой') изучает звуковую сторону языка. В общественном восприятии носителей языка письменная речь зачастую затмевает живую, разговорную речь. Но тем не менее она является вторичной по отношению к устной форме. Следовательно, устное и письменное выражение языка не обладают равной значимостью.

В отличие от письменности, звуковая форма языка не является каким-то внешним компонентом по отношению к говорящему, она непреднамеренно добавлена человеку природой, что связано с индивидуальными характеристиками психики и физиологии человека.

Фонема представляет собой наименьший, неразложимый элемент лингвистической структуры, «которая сама по себе не обладая значением, используется для образования и различения звуковых оболочек значимых языковых единиц-слов и морфем» [1, 16].

В основу фонетического описания языка кладут артикуляционные характеристики, т.е. артикуляционный аспект (рис.1), что является одним из аспектов фонетики как области лингвистики. В процессе обучения правильного произношения на иностранном языке, как преподаватели, так и обучающиеся концентрируются на артикуляции – движениях органов речи,

необходимых для достижения нормативного звучания литературной речи. Считаем необходимым, чтобы аналогичный подход применялся и в процессе изучения родного языка.

Артикуляционный аспект: как фонемы «произносятся»?	Фонологический аспект: Как фонемы выполняют функцию образования/опознания и различения звуковых оболочек значимых единиц языка?
Акустический аспект: как фонемы «звучат»?	
Перцептивный аспект: как речевой сигнал воспринимается носителем языка?	

Рис.1 [1, 16]

Артикуляционная сторона речи рассматривает систему органов, участвующих в создании звуков, а также их функции в процессе формирования речевых звуков. Иными словами, данный аспект фонетики занимается исследованием того, как различные части тела человека, такие как язык, губы и голосовые связки, взаимодействуют для производства членораздельной речи.

Механизм речеобразования включает в себя два ключевых компонента: систему дыхания и систему артикуляции. Обе эти системы работают в тандеме для создания звуковой речи.

Дыхательный аппарат использует легкие, бронхи и трахею. Его функция заключается в обеспечении воздушного потока, который создает звуки речи.

Произносительный аппарат состоит из четырех взаимосвязанных полостей: гортани, глотки, ротовой полости и носовой полости (речевой тракт). Эти четыре области функционируют как единая система для формирования звуков речи. Гортань является начальным звеном, затем следует глотка, которая переходит в ротовую и носовую полости.

В процессе артикуляции органы речи подразделяются на две основные категории: те, которые обладают собственной мускулатурой и способны к активным движениям, и те, которые лишены мышц и играют пассивную роль.

Активными органами являются губы, передняя, средняя и задняя части спинки языка, корень языка, кончик языка, мягкое нёбо, или нёбная занавеска, с маленьким язычком, голосовые связки – два мускула, покрытые слизистой оболочкой и присоединенные к гортани.

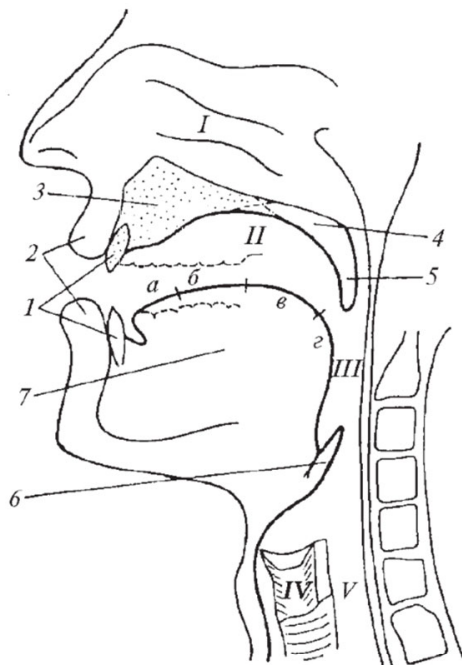

Рис. 2 Произносительный аппарат человека:

I – полость носа; II – полость рта; III – полость глотки; IV – гортань; V – пищевод; 1 – зубы, 2 – губы, 3 – твердое нёбо, 4 – мягкое нёбо, 5 – маленький язычок (увула), 6 – надгортанник, 7 – язык (а – передняя часть спинки, б – средняя, в – задняя, г – корень языка)

Пассивными – твердое нёбо, альвеолы, зубы, носовая полость.

2. Говоря о проблемах, возникающие при освоении осетинского языка в образовательных учреждениях, мы полагаем важным уделить особое внимание произношению согласных звуков. Мы исходим из того, что корректная артикуляция является ключевым фактором для адекватного восприятия и формулирования мыслей.

В данной работы мы рассмотрим особенности артикуляции заднеязычной фонемы Къ и с помощью какого комплекса артикуляционных упражнений поставить артикуляционные органы ребенка в правильное положение, при котором он сможет выговаривать звук «Къ».

Итак, Къ – велярный (или заднеязычный) абруптивный согласный звук.

Велярные согласные – это согласные, возникающие в результате соприкосновения задней области языка с мягким нёбом или задним участком твёрдого нёба. Абруптивные согласные, также известные как эйективные, представляют собой непультмональные звуки, чаще всего взрывные. Их формирование обусловлено резким подъемом гортани при сомкнутых голосовых связках, за которым следует раскрытие смычки в ротовой полости. Эти согласные отличаются от обычных тем, что не используют поток воздуха из легких для своего произношения. Вместо этого, движение гортани создает разряжение во рту, которое затем используется для создания взрывного звука.

Велярные согласные «значительно развиты в осетинском в обоих наречиях» [2, 16–19]. Общеизвестно, что осетинский язык входит в состав иранской ветви индоевропейской языковой семьи. Будучи долгое время в интенсивном взаимодействии с «языками иберийско-кавказского круга» [3, 28], он, разумеется, не мог избежать заимствования определенных особенностей из их структуры. По мнению профессора Г.С. Ахвледиани, осетинский язык в значительной степени адаптировал фонетическую систему, характерную для кавказских языков. И это означает, что он подвергся «фонетической ассимиляции» [4, 112]. Что не удивительно, т.к. любой живой язык – это динамически развивающаяся структура, где перемены происходят непрерывно и касаются всех ее составляющих, включая фонетический аспект.

По описанию Эдуарда Зиверса, известного немецкого лингвиста и создателя «произносительно-слуховой фоно-

логии» (Phonetik.1893), Всеволод Миллер пишет так: «Послѣ обыкновеннаго смыканія (**Verschluss**) въ полости рта, необходимаго при артикуляціи мгновеннаго **tenuis**, сообщеніе полости рта съ легкими прерывается, посредствомъ закрытія голосовой щели. Это достигается энергичнымъ поднятіемъ гортани – иногда на $\frac{5}{4}$ дюйма – частью при посредствѣ ея мускулатуры, частью также благодаря давленію, производимому на нее сжатымъ въ грудной полости воздухомъ. Такимъ образомъ при эксплозіи (взрывѣ) выдыхается только то незначительное количество воздуха, которое находилось въ данный моментъ въ полости рта. Поэтому эти *tenuis* звучатъ очень коротко, рѣзко, сухо, безъ малѣйшаго придыханія» [2, 16–19]. И тут же он признается, что лишь приложив немало стараний, получилось добиться правильного произношения. Иными словами, способ артикуляции фонемы Къ – окклюзионный. Окклюзия представляет собой звук, возникающий при полной блокаде (окклюзии) воздушной струи в речевом аппарате. При этом назальный тракт не всегда оказывается перекрытым. Другими словами, взрывные звуки формируются путем временной остановки воздушного потока в ротовой полости.

Обычно заднеязычные звуки, кроме увулярного, т.е. глубоко-заднеязычного хъ, формируются на начальных этапах развития речи. В процессе сосания язык приобретает форму, напоминающую горку, что позволяет ребенку артикулировать некоторые звуки.

Проблемы с произношением могут быть связаны с особенностями строения ротовой полости, например, высоким или узким нёбом, которое препятствует правильному смыканию органов речи. При дизартрии наблюдается недостаточная сила или избыточное напряжение определенных мышц языка, что также затрудняет артикуляцию. В некоторых случаях у детей отмечается недостаточное развитие фонематического слуха, который играет важную роль в распознавании и различении звуков, составляющих речь. Именно благодаря фонематиче-

скому слуху мы можем отличать одни звуки от других в потоке речи.

Скорее всего по этой причине языковед Шёгрен Андрей Михайлович не заметил отличие осетинского къ от русского к. (рис. 3)

— 252 —

Перстень и. с. *кухтарæн* Д. *кохтарен*.
 Песокъ и. с. *змїс* Д. *азмїессе*.
 Пестрый ая ое и. пр. *алгүзон* Д. *алехүзон*.
 Курятникъ и. с. *қарктон* Д. *қарктоне*.
 Кусокъ и. с. *кабæр*, *қомдæг* Д. *кабар*, *қомідаг*.
 Куча и. с. *корд* Д. *коар*.
 Кушаніе и. с. *харінаг* Д. *хорујнаге*.

Рис. 3

Для постановки звука необходимо научиться поднимать заднюю часть языка, чтобы она упиралась в мягкое небо. Начать можно с упражнения, именуемое «Силач». Начинается оно с того, что ребенок широко раскрывает рот, демонстрируя улыбку. Педагог обертывает свой палец стерильной тканью, например бинтом, и помещает его на кончик языка, который спокойно лежит за нижними зубами. Специалист осторожно начинает продвигать палец вглубь ротовой полости. В этот момент ребенок оказывает сопротивление, стараясь вытолкнуть палец обратно.

Далее, педагог палец размещает на середине языка и повторяют процедуру отодвигания вглубь рта. Постепенно у ребенка формируется новое ощущение, и он обретает способность самостоятельно контролировать положение языка.

В наборе логопедических наборов есть зонд похожий на широкий шпатель. Ребенок произносит безостановочно слог «КА», в это время педагог зондом задвигает язык вглубь рта. (рис. 4)

Рис. 4

Когда язык максимально отодвинут вглубь ротовой полости, педагог просит ребенка задержать дыхание и напрячь мышцы гортани, добиваясь ее подъема. После этого необходимо резко вытолкнуть воздух, произнося звук «К», что должно привести к характерному щелчку.

Взрослому человеку предлагается подготовиться к артикуляции звука «К». Дается указание на усиление напряжения в области гортани с целью более плотного прилегания задней части языка к мягкому небу. Это необходимо для формирования более четкого и интенсивного смыкания. Когда воздух прорывается, то получается резкий щелкающий звук.

Для автоматизации звука мы начинаем с упражнений:

Къ – къ – къ – къ – къ

Къа – къæ – къо – къы – къу – къи – къе

Акъ – æкъ – окъ – ыкъ – укъ – икъ – екъ

Переходим к словам:

Къах, къæм, къогъо, къаппа-къуппа, къамбец, къæлæу, къæбæлдзыг и т.д.

Далее переходим к рифмовкам:

Къаппа-къуппа – къæбæлдзыг,

Къаппа-къуппа – хætæлдзыд.

Къаппа-къуппа – уæлвæзы,

Къаппа-къуппа – дæлвæзы. (Царукаев В.)

Даргъ – йъ хъустæ,

Даргъ – йæ рихи.
Къуыпп – йæ рустæ,
Къуырды йæ къæдзил. (Заяц)

В заключение своего доклада, хотелось бы подчеркнуть несколько ключевых моментов важности обучения правильному произношению фонем в осетинском языке.

Во-первых, точное и отчетливое произношение фонем является фундаментом для эффективной коммуникации и сохранения лингвистического богатства осетинского языка.

Во-вторых, правильное произношение способствует предотвращению возможных недоразумений и коммуникативных барьеров. Особенно это актуально в условиях распространения глобализации и влияния других языков, когда сохранение чистоты языка становится приоритетной задачей.

В-третьих, обучение фонетически правильному произношению играет важную роль в формировании грамотной речи и повышении языковой компетенции. Это не только облегчает общение, но и способствует развитию критического мышления и улучшению когнитивных способностей.

В-четвертых, поддержание правильного произношения фонем способствует сохранению культурной идентичности и языкового наследия осетинского народа. Язык является неотъемлемой частью культуры, и его сохранение – это сохранение истории, традиций и ценностей.

Таким образом, инвестиции в обучение правильному произношению фонем в осетинском языке являются инвестициями в будущее языка, культуры и общества в целом. Необходимо разработать и внедрить эффективные методики обучения фонетике начиная с дошкольного этапа обучения осетинскому языку.

1. Попов М.Б. Фонетика современного русского языка: Учебник. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 303 с.
2. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ. 1992. 716 с.
3. Гуриев Т.А. Сборник избранных статей. Владикавказ: издательство СОГУ, 2010. 295 с.
4. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета им. Сталина, 1960. 247 с.

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

**Б.М. Бирагова,
к.полит.н., снс
СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

СВО В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ФРЕЙМЫ

В статье представлен политологический анализ особенностей освещения темы Специальной военной операции России на Украине (СВО) в региональном медиапространстве Республики Северная Осетия-Алания, обозначены основные формирующиеся медийные фреймы и их влияние на общественное восприятие конфликта, дана оценка мобилизационной роли СМИ и социальных сетей региона в стабилизации общественных настроений и консолидации общества. Анализ специфики медийного сопровождения СВО в регионе основан на теории и практике информационных войн, концепции фрейминга и концепции медиатизации политики, широко известных в социальных науках, с опорой на эмпирические данные, полученные методом фронтального контент-анализа материалов региональных СМИ и социальных сетей.

Ключевые слова: специальная военная операция, средства массовой информации, Республика Северная Осетия-Алания, региональное информационное пространство, фрейминг, информационная война, средства массовой информации, социальные сети.

The article presents a political analysis of the coverage of Russia's Special Military Operation in Ukraine (SMO) in the regional media space of the Republic of North Ossetia-Alania, identifies the main emerging media frames and their impact on public perception of the conflict, and assesses the mobilizing role of the region's media and social networks in stabilizing public sentiment and consolidating society. The analysis of the specifics of media coverage of the special military operation in the

region is based on the theory and practice of information warfare, the concept of framing, and the concept of mediatization of politics, which are widely known in the social sciences, and is supported by empirical data obtained through frontal content analysis of regional media and social network materials.

Keywords: *special military operation, mass media, Republic of North Ossetia-Alania, regional information space, framing, information warfare, mass media, social networks.*

Специальная военная операция РФ по демилитаризации и денацификации Украины (СВО) с первых дней проявила себя как разновидность «гибридной» войны, в которой существенная роль отводится «информационной войне», включая информационно-пропагандистское воздействие на противника путем «вбросов», «инсайдов», мультиплицирования фейков, дезинформации, активизации кибератак, «телефонного терроризма», поджогов военкоматов и т.д.

По мнению крупнейшего российского исследователя информационных войн А.В. Манойло, Россия в начальную фазу СВО не была готова увидеть «перед собой очень серьезного и очень системно организованного противника с собственной системой центров психологических операций, организованной в подвижной сетевой структурой и системой подготовки кадров» [1], в то время как Украина «в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров психологических операций, укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США» [2].

Информационный и социетальный шок от внезапно начавшейся СВО требовал от российских СМИ грамотной и своевременной мобилизационной и информационно-разъяснительной работы контрпропагандистских мер, так как вопросы войны и мира являются основополагающими в жизнедеятельности любого государства.

Анализируя информационный фон начальной фазы СВО,

можно сказать, что медиаполитическая система страны была застигнута врасплох (кейс Овсянниковой на Первом канале и т.д.). Первоначально информационный фон составляли ежедневные сводки официальных представителей Министерства обороны РФ о ходе боевых действий, заявления высшего политического и военного руководства страны и т.д. Однако вскоре официальная повестка дня стала «разбавляться» информационной деятельностью волонтеров, «военных корреспондентов», осуществляющих свою информационно-коммуникационную деятельность непосредственно с мест событий и оперативно отражающих их в Телеграм-каналах, что носило стихийный, неконтролируемый, а нередко дискредитирующий российскую сторону и вредоносный для военно-политических целей страны характер.

Ответом на эту новую информационную реальность стал целый ряд мер: от блокирования западных СМК как рупоров украинской и западной контрпропаганды до строгой регламентации освещения СВО в средствах массовой информации (см: Федеральный закон от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в СМИ известен как «Закон о фейках» или «Закон о дискредитации») – федеральный закон, устанавливающий уголовную ответственность за «распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ» и дискредитацию ВС РФ; Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 04.11.2022 № 547 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации»).

С 24 февраля 2022 года Роскомнадзор выявил более 270 тыс. единиц социально опасного контента, включая фейки, распространители которых ставят своей целью дестабилизировать российское общество [3]. С начала 2025 года Роском-

надзор ограничил доступ более чем к 3,5 тыс. ресурсов и материалов, в которых усмотрели дискредитацию вооруженных сил России, а также к более чем 80 каналам и материалам, содержащим призывы и инструкции к диверсионно-террористической деятельности на объектах инфраструктуры [4]. Также надзорное ведомство запретило российским средствам массовой информации ссылаться на иностранные источники при освещении СВО на Украине и использовать информацию и данные только из российских официальных источников, а также предупредило, что публикация недостоверных данных в интернете приведет к блокировке СМИ, за распространение заведомо ложной информации может грозить штраф в размере до пяти миллионов рублей [5].

В условиях напряженного внешнеполитического фона, связанного с нарастающим информационным, политическим и санкционным давлением Запада, ключевой задачей было сохранение внутривнутриполитической стабильности. «Про деятельность ЦИПСО и курирующих их зарубежных центров уже только что в прогнозах погоды не говорят. Понятно почему, они заваливают информационное пространство своими креативами. Только вот они не оказывают должного воздействия на российскую аудиторию. Не только по причине совершенной топорности утверждений. У нас налажено освещение всех событий вокруг СВО. Ежедневные отчеты Министерства обороны, сообщения военкорров, включения в эфир федеральных телеканалов волонтеров создают полноту картины», – писал в декабре 2022 года в своем Телеграм-канале политолог Армен Гаспарян [6].

Для конструирования новой российской реальности под названием «Специальная военная операция РФ по демилитаризации и денацификации Украины» была необходима адекватная информационная стратегия. Как следствие, в информационном пространстве постепенно начался процесс «фреймизации» СВО.

Фрейминг в коммуникативистике – это технология, метод,

процесс конструирования информационной реальности, заключающийся в «упаковке» социальных фактов, явлений, событий в определённый смысловой контекст («frame» (англ.) – рамка) с целью формирования у реципиента определенного их восприятия [7].

Ключевым фреймом, характерным для информационного сопровождения СВО в российских СМИ, следует выделить секьюритизацию – позиционирование СВО как экзистенциальной угрозы национальной безопасности и суверенитету («демилитаризация Украины»), как «прокси-войны» коллективного Запада с Россией как великой самобытной державой и особой цивилизации, наследницей Великой Победы над фашизмом («денацификация Украины»). Не случайно в информационном поле активизировалось имплементация символики ВОВ в «новом» прочтении: к примеру, агитационные плакаты времен ВОВ подверглись редизайну с учетом новой смысловой реальности, появился термин «язык СВО» со своим терминологическим аппаратом (БПЛА, РСЗО, ЦИПСО; символы Z («Запад»), V («Восток»), O («Центр»)) на российской военной технике, обмундировании и т.д., которые вскоре получили массовое распространение в виде наклеек на одежду и автомобили, или, к примеру, в лозунгах («За Победу!», «Сила V правде» и т.д.), в названиях телеграм-каналов известных журналистов, военных и др.) [8].

Вслед за федеральным информационным пространством СВО внесла свои коррективы и в региональные медийные повестки. Прежде чем перейти непосредственно к политологическому анализу особенностей освещения СВО в региональном информационном пространстве на примере Республики Северная Осетия-Алания, необходимо обозначить в целом специфику региональной медиаполитической системы. Последняя, в частности, представлена: официальными сайтами и телеграм-каналами региональных органов исполнительной власти и политиков-стейкхолдеров; доминирующими официальными СМИ (Государственная телерадиокомпания «Ала-

ния», дочернее предприятие ВГТРК, Национальная телекомпания «Осетия-Иристон», республиканские общественно-политические газеты «Северная Осетия», «Рæстдзинад», «Владикавказ», «Слово»); информационными агентствами («15 регион», «Ир-информ», а также региональные бюро федеральных информационных агентств ТАСС, РИА Новости, «Интерфакс», Sputnik); заметно активизировавшимися Телеграм-каналами («Осетия», «Осетинский пирог», «ЧП-Владикавказ», «Сапа-15», «Новости Осетии» и др.).

С первых дней СВО в информационном пространстве региона доминирует информация из официальных источников (о ходе боевых действий, успехах участников СВО-уроженцев Северной Осетии, оповещения о беспилотной опасности, о мерах поддержки бойцов и т.д.), в то время как в телеграм-каналах акцентировалось внимание на текущих и долгосрочных социально-политических, социально-экономических и социокультурных последствиях СВО, росте числа потерь и т.д. Так, телеграм-канал «Осетия», который вел мониторинг потерь бойцов из региона, 5 августа 2025 года сообщал: «Количество погибших на СВО уроженцев Осетии достигло 1000 человек. Это больше, чем в терактах во Владикавказе, Моздоке, Беслане, войнах 1992 г. (РСО), 2004 г. (РЮО), 2008 г. (РЮО) и сходе ледника Колка вместе взятых» [9]. Однако уже 6 августа в канале сообщалось: «Руководством канала ... принято решение отныне не публиковать как подсчёты количества погибших в СВО уроженцев Осетии, так и сами извещения. Надеемся на понимание наших читателей» [10]. Остается догадываться о причинах такого редакционного решения, однако очевидно, что оно напрямую связано с проблематикой «фреймизации» СВО и ужесточением требований к освещению СВО в российском информационном пространстве.

Проведенный нами фронтальный контент-анализ регионального информационного пространства за период с 2024 г. по 2025 г. (в выборку вошли сообщения, связанные с тематикой СВО, перечисленных выше региональных средств мас-

совой информации и телеграм-каналов), позволил выделить следующие фреймы:

1. Фрейм «Навеки с Россией. Защита Родины и национальных интересов».

В региональных СМИ постулируется тезис, что СВО – это оправданная мера для обеспечения безопасности России, ее границ, ее суверенитета и традиционных ценностей, её граждан. Так, в эфире радио Sputnik вице-спикер парламента Южной Осетии Петр Гассиев отметил, что сегодня на передовой, как и в годы Великой Отечественной войны, осетины лидируют по количеству на душу населения. «Сейчас в процентном отношении к числу населения больше всего там (в зоне СВО – прим. ред.) находится осетин. Их там очень много – где-то около 12 000. <...> Были такие высказывания, что это не наша война. Но это наша война, к большому сожалению. С учетом того, что мы сейчас видим в сопредельной полуфашистской Грузии, если, не дай Бог, Россия оступится там, наше будущее – как севера, так и юга Осетии – очень незавидное. Поэтому это абсолютно наша война. И мы все пойдем воевать, когда понадобится» [11].

В материалах региональных СМИ акцентируется патриотизм, героизм военных и добровольцев из Осетии, важность консолидации общества и гуманитарной поддержки бойцов. Регулярный характер приобрели новости о награждении государственными наградами за боевые отличия уроженцев Северной Осетии, встречах с бойцами и героями, открытии мемориальных досок и парт в школах, где учились погибшие участники, сообщения о медицинской реабилитации участников СВО, об их участии в государственных программах по подготовке управленческих кадров (см. «Время героев») и др.

2. Фрейм «Героическое прошлое-героическое настоящее». СМИ и ТГ-каналы в Северной Осетии активно используют символическую политику и политику памяти в создании контента об СВО. Акцент делается и на историческую и межпоколенческую связь с героическим прошлым осетин во время Первой мировой, Великой Отечественной войн, тиражируются новые

образцы героизма, мужества и самопожертвования (за время СВО известно о 8 уроженцах Северной Осетии, удостоенных высшего звания Герой Российской Федерации – прим. авт.), что способствует формированию положительного восприятия СВО. В частности, показателен с точки зрения концепции фрейминга пример с образованием в 2024 году по инициативе главы РСО-Алания С.И. Меняйло Полка имени дважды Героя Советского Союза, героя Монгольской Народной Республики, выдающегося военачальника-осетина Иссы Александровича Плиева. В 2023 году во время прямой линии Президент России Владимир Путин также отметил боевые заслуги добровольческих батальонов из Северной и Южной Осетии «Штурм. Осетия» и «Алания»: «Знаю, что «Штурм. Осетия» и «Алания» блестяще воюют» [12].

3. Фрейм «Мобилизованная этничность». По сути, выделенный в отдельный пункт фрейм семантически связан с предыдущими двумя. Этнический фактор активно используется в фрейминге СВО. Тон «мобилизации этничности» в контексте СВО задал сам президент В.В. Путин, сказав на совещании с Советом безопасности РФ следующее: Я русский человек. Как говорится, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова, уроженца Дегестана, лакца по национальности, мне хочется сказать: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин». Всех невозможно перечислить» [13].

Акцентирование на единстве многонационального и многоконфессионального российского народа в условиях СВО является одним из ключевых фреймов. Он напрямую связан с вопросами этнополитической и в целом внутривнутриполитической стабильности в условиях СВО, представляемой как проблема экзистенциального и цивилизационного выбора на фоне беспрецедентного давления коллективного Запада.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что Специальная военная операция России на Украине в значительной

мере трансформировала информационную политику российских СМИ и социальных сетей с учетом новых внутривнутриполитических и внешнеполитических реалий. Одной из характерных черт новой информационной стратегии освещения СВО как в федеральном, так и региональном медиапространстве стала «фреймизация» СВО, которая, с одной стороны, позволяет СМИ структурировать и упорядочить разрозненные информационные потоки, связанные с СВО, с другой – сконструировать определенное смысловое поле вокруг СВО, что способствует стабилизации социальных настроений в кризисных условиях информационно-психологического противоборства с участием большого числа акторов, преследующих контрастные политические и геополитические цели.

1. Манойло А.В. Информационные войны в контексте глобального противостояния с коллективным Западом [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_74022135_79195687.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

2. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50057207_18818948.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

3. Роскомнадзор заблокировал 270 тысяч деструктивных материалов с начала СВО. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/3442337> (дата обращения: 01.12.2025).

4. РКН с января заблокировал более 3,5 тыс. ресурсов с дискредитацией армии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604500> (дата обращения: 01.12.2025).

5. Роскомнадзор дал СМИ РФ установки, как освещать военную операцию. [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052534815> (дата обращения: 01.12.2025).

6. «Механизм запущен и работает»: как СВО меняет медиа, ВПК и жизнь людей. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2022/12/15/15948025.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 01.12.2025).

7. Казаков А.А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freyming-media-tekstov-kak-instrument-vozdeystviya-na-auditoriyu-obzor-rasprostranennyh-traktovok> (дата обращения: 01.12.2025).

8. Измествьева И.А. Язык СВО в историко-культурном контексте. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-svo-v-istoriko-kulturnom-kontekste> (дата обращения: 01.12.2025).

9. Телеграм-канал «Осетия». [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/ossetiaFB/54157> (дата обращения: 01.12.2025).

10. Телеграм-канал «Осетия». [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/ossetiaFB/54189> (дата обращения: 01.12.2025).

11. Осетины в зоне СВО лидируют по количеству на душу населения. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20230310/osetiny-v-zone-svo-lidiruyut-po-kolichestvu-na-dushu-naseleniya---gassiev-21861535.html> (дата обращения: 01.12.2025).

12. Путин высоко оценил батальоны «Шторм. Осетия» и «Алания». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stav.kp.ru/online/news/5589231/> (дата обращения: 01.12.2025).

13. Путин: Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27371/4553876/> (дата обращения: 01.12.2025).

М. Д. Валиева,
ст. преподаватель
ЮОГУ им. А.А. Тибилова
(г. Цхинвал)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ 2024–2025 ГГ.)

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов языковой ситуации в Южной Осетии на основе данных анкетирования, проведенного в 2024–2025 годах. В исследовании рассматриваются факторы, влияющие на сохранение и развитие осетинского языка, а также выявляются проблемы, препятствующие его полноценному функционированию. Особое внимание уделяется роли молодого поколения в сохранении языка и осознании своей этнокультурной идентичности. Результаты опроса показывают высокий интерес молодежи к изучению осетинского языка, однако также выявляют ряд трудностей, таких как недостаток квалифицированных преподавателей, устаревшие учебные материалы и недостаточная поддержка родных языков в образовательном процессе. В заключении подчеркивается необходимость принятия специализированных законов и решений на государственном уровне для укрепления позиций осетинского языка.

Ключевые слова: Южная Осетия, осетинский язык, языковая ситуация, языковая политика, исследование, анкетирование.

The article is devoted to the study of some aspects of the language situation in South Ossetia based on the survey data conducted in 2024–2025. The study examines the factors influencing the preservation and development of the Ossetian language and identifies problems that hinder its full functioning. Particular attention is paid to the role of the younger generation in preserving the language and realizing their ethnocultural identity. The survey results show a high interest of young people in learning the Ossetian language, but also reveal several difficulties, such as a lack of qualified teachers, outdated teaching materials and insufficient support for native languages in the educational process. The conclusion emphasizes the need to adopt specialized laws and decisions at the state level to strengthen the position of the Ossetian language.

Keywords: *South Ossetia, Ossetian language, language situation, language policy, research, survey.*

Интерес к изучению осетинского языка зародился ещё в до-научный период, находя отражение в трудах иностранных учёных – Н. Витсена, Й. Гюльденштедта, Ю. Клапрота и др. Начало систематического научного анализа связано с именем академика А.М. Шёгрена, продолженного позднее работами российского учёного Вс. Ф. Миллера. Особое внимание заслуживает советский этап исследований, инициированный выдающимся специалистом по осетинскому языку В.И. Абаевым и развитый благодаря трудам М.А. Исаева и ряда других авторитетных специалистов.

Сегодня осетинский язык переживает ряд изменений, обусловленных внешними факторами и серьёзно сказывающихся на сферах его функционирования. Одним из наиболее значимых современных трудов, посвящённых данной проблематике, является фундаментальное социолингвистическое исследование, проведённое Т.А. Камболовым применительно к языковой ситуации в Республике Северная Осетия-Алания. Настоящая публикация представляет собой попытку описать аналогичную ситуацию в Южной Осетии посредством полевого анкетирования в конкретном временном срезе. Следует отметить, что ввиду новизны предпринятого подхода полученные, выводы носят предварительный характер и могут содержать дискуссионные аспекты.

Современная реальность характеризуется ускоренными темпами изменений, оказывает влияние на различные аспекты жизни общества, включая процессы языковой динамики. Одним из ярких примеров является положение осетинского языка, активно обсуждаемое представителями научной среды и общественно-политической элиты Северной и Южной Осетии. Разработка нормативно-правовых документов, регулирующих статус и развитие национальных языков, становится предме-

том обсуждения не только экспертного сообщества, но и широких слоев населения. Публичные инициативы и обращения к властям подчеркивают необходимость законодательного закрепления мер защиты и поддержания осетинского языка.

В частности, недавно прошел своеобразный флешмоб, в котором приняли участие представители ряда осетинских фамилий и общественных организаций, выступивших с Обращением к Главе РСО-А с призывом о принятии Закона о языке [1]. «Государственные программы, научные исследования, литература, издательская деятельность, обучение языку и подготовка кадров в этой сфере – всё это и в отсутствие закона о языках не стоит на месте, а динамично развивается. Но закон нужен — он задаст вектор, расставит ориентиры» – отреагировал в своем телеграм-канале Глава РСО-Алания С.И. Меняйло [2]

Подобный опыт имеется в Республике Южная Осетия, где еще в 2012 году был принят «Конституционный закон о государственных языках Республики Южная Осетия» [3]. Однако, остается открытым вопрос эффективности исполнения этого нормативного акта и наличия необходимых механизмов для полноценной реализации заложенных в нём принципов. В Законе, состоящем из 24 Статей, в частности, говорится о том, что «Конституционный закон направлен на создание условий для полноценного функционирования и развития государственных языков Республики Южная Осетия и призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки нормативных правовых актов в целях реализации положений настоящего Конституционного закона». Мы не ставим перед собой цели постатейного разбора данного Закона, хотя Статья 5 «О гарантии поддержки государственных языков РЮО» и Статья 6 «Государственные программы развития и сохранения государственных языков РЮО», на наш взгляд, достойны самого пристального внимания и анализа. Возможно, лишь проследив причинно-следственную связь,

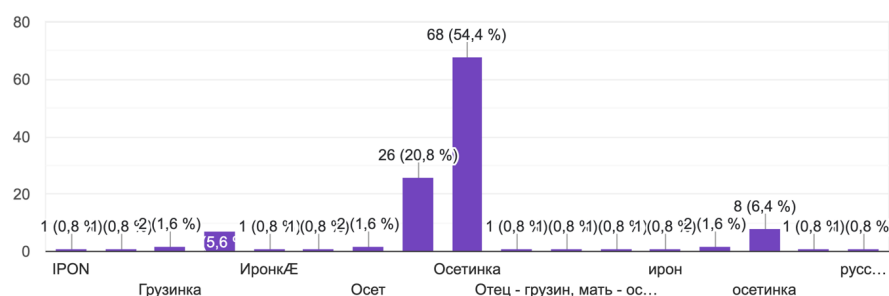
мы сможем найти слабое звено, которое кроется не в грамотно изложенном Законе, а в формах ее практической реализации и претворении в жизнь. Таким образом, исследование вопросов жизнеспособности осетинского языка приобретает особую значимость, поскольку затрагивает стратегические интересы этнического самосознания и культурного наследия народа.

Целью нашего исследования стало выявление текущего состояния осетинского языка в среде молодежи и активного взрослого населения Южной Осетии, а также оценка степени распространенности и употребления языка в повседневной коммуникации. В качестве задачи предпринята попытка изучения проблемы изнутри, выявления лакун, которые мешают последовательной результативной работе по сохранению и развитию осетинского языка в Южной Осетии.

Для достижения поставленных целей применялся метод массового анкетирования с использованием онлайн-платформы Google Forms. Анкетирование проводилось среди студентов Юго-Осетинского государственного университета (ЮОГУ), а также среди активной части населения Южной Осетии разных возрастных групп (от 17 до 70 лет). Общая выборка составила 125 участников, среди которых преобладали женщины (72,8%) над мужчинами (27,2%). По происхождению большинство опрошенных идентифицировали себя как осетины (ироны), однако встречались также представители других этносов. Географический охват анкеты включал в основном столицу Республики Южную Осетию город Цхинвал, но были опрошены также представители крупных населенных пунктов и регионов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Владикавказ, Алигир, Дигора, села Хорнис, Дменис, Гуджабар и другие. Большинство респондентов указали уровень образования не ниже среднего специального, значительную долю составили учащиеся вузов и молодые специалисты различных профессий.

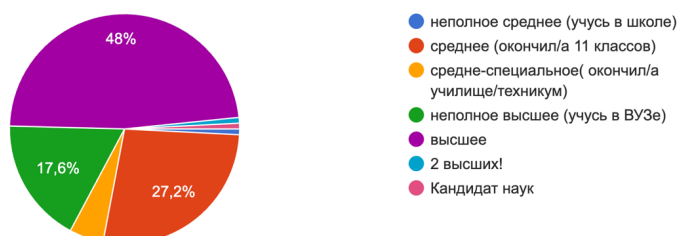
3. Национальность

125 ответов

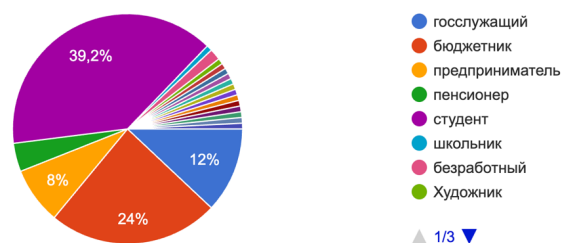
6. Какое у Вас образование?

125 ответов

7. Кем Вы работаете или чем занимаетесь?

125 ответов

Итак, в целом, мы имеем картину того, кто наши респонденты, их возраст и род занятий. Это социально активный слой населения, преимущественно молодежь, чьи ответы на постав-

ленные далее вопросы кажутся нам особенно достойными пристального внимания. Таким образом, состав респондентов позволил сформировать репрезентативную группу для дальнейшего анализа ключевых характеристик употребления осетинского языка в современной социальной среде.

8. На каком языке Вы обычно разговариваете дома?

125 ответов

9. На каком языке Вы обычно разговариваете с друзьями/коллегами?

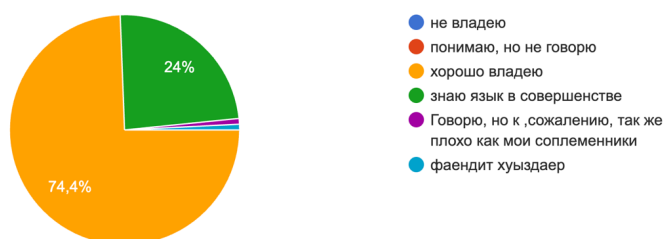
125 ответов

По результатам анкетирования выявлено, что значительная часть респондентов оценивает свой уровень владения осетинским языком как хороший (74,4%), а примерно четверть утверждает о полном владении языком (24%). 52% респондентов, являясь билингвами, в общении с близкими и друзьями используют смешанно осетинский и русский языки. То есть для данной социально-коммуникативной системы подобное переключение кодов является самой естественной и удобной формой общения.

При этом в ответе на следующий вопрос, насколько хорошо оценивают свое владение осетинским языком 74,4% опрошенных ответили «хорошо», а 24% респондентов сообщили о владении языком в совершенстве. Такая высокая степень самооценки может свидетельствовать о субъективной уверенности носителей языка в своих знаниях, что соответствует характерной черте южных осетин – выраженной эмоциональности и индивидуализму.

10. Насколько хорошо Вы владеете осетинским языком?
125 ответов

Использование осетинского языка в различных ситуациях

Частота употребления осетинского языка варьирует в зависимости от контекста взаимодействия:

- дома: 44,8%;
- в общественных местах: 16%;
- на работе/учебе: 11,2%;
- повсюду: 9,6%.

Отдельные комментарии позволяют глубже понять особенности использования языка, мы приводим их отдельно для понимания полноты картины.

Респондент мужского пола 58 лет сообщает, что говорит на осетинском языке «везде, где это не мешает общению, т.е., где это возможно».

Студенка 20 лет, говорит в основном на осетинском языке,

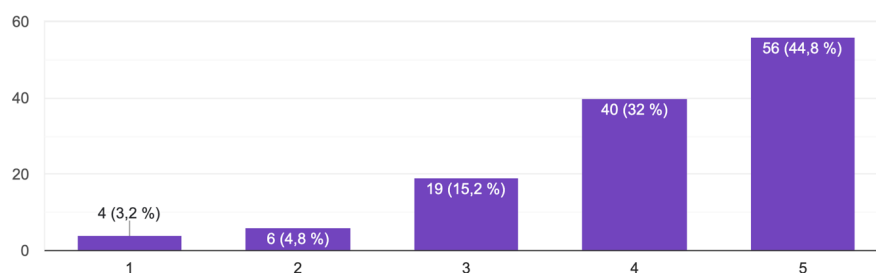
но сообщает, что хотела бы знать язык лучше («фæндит хуыздæр»).

Преподаватель 56 лет из села Верхний Гуджабар сообщает, что владеет осетинским языком в совершенстве, дома общается только на осетинском и использует язык «в общении с родственниками, беседах с подрастающим поколением».

Далее в опроснике респондентам было предложено оценить уровень эффективности использования осетинского языка в различных социальных институтах по пятибалльной шкале. Наиболее высокие оценки получены для сферы домашнего общения (средний балл – 4.1), что подтверждает ведущую роль семейных структур в передаче языка новому поколению. Далее следуют сфера культуры (3.58), школьное образование (3.27), дошкольное образование (3.11), высшее образование (3.08), средства массовой информации (3.05), общественная жизнь и политика (2.96).

12. Оцените по шкале от 1 до 5 насколько эффективно используется осетинский язык в СЕМЬЕ

125 ответов

Анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод о наличии закономерностей, ранее отмеченных специалистами различных областей знания, политиками и представителями общества. Данные свидетельствуют о значимости семьи как ключевого института социализации индивида, способствующего формированию позитивного отношения к этнической

идентичности, родному языку и культурным традициям. Помимо этого, исследование выявило существенную роль образовательных учреждений, демонстрирующих высокий уровень эффективности использования осетинского языка в образовательном процессе.

Несмотря на подтвержденную анкетированием активность функционирования осетинского языка и его успешное использование в различных социальных практиках, участники исследования проявили серьезность и ответственность при оценке риска утраты родного языка, осознавая необходимость сохранения языкового наследия.

19. Как Вы считаете, грозит ли осетинскому языку опасность исчезновения?

125 ответов

Согласно результатам опроса, 68,8% опрошенных подтвердили существование угрозы исчезновения осетинского языка, тогда как 14,4% затруднились сформулировать однозначную позицию по данному вопросу. Среди участников также выделялась группа (9,6%), уверенно утверждавшая отсутствие такой опасности. Следует отметить, что значительная доля респондентов сопровождала свои ответы дополнительными пояснениями, наиболее примечательные из которых представлены ниже.

• «Если не приложить долговременных усилий на государственном уровне, то молодое поколение перестанет говорить на осетинском, даже если в семье будут говорить на нем. После потока русских мультиков дети отказываются отвечать на родном».

- «Он уже отнесен специалистами к вымирающим. К великому сожалению».

- «Если вопрос касается «правильного» языка, то грозит».
- «Это зависит от нас», «Махаей аразгае у уыцы хабар».
- «Не все так плохо».

60% ответивших положительно на предыдущий вопрос оценили нынешнее положение осетинского языка как удручающее, 24% – как пока удовлетворительное и 16% считают положение языка бедственным.

Опрос продемонстрировал эмоционально насыщенную реакцию значительной части респондентов на проблему сохранения осетинской языковой и культурной идентичности. Представляем вниманию читателя наиболее характерные высказывания, отражающие многообразие мнений и степень вовлеченности населения в данную тематику.

- «Очень важно сохранить свое самосознание и самобытность, связь со своими предками, выверенными традициями, – всё это делает осетин более устойчивыми в жизни и духовно более совершенными, а общество сплоченным перед вызовами времени..»

- «Мæнæн æнæмæнг у цæмæй не'взаг ма ферох кæнæм, фыццаджы дæр мæ мадæлон æвзаг кæй у,уый тыххæй».

- «Ответ на поверхности. Нет языка – нет народа».

- «Язык – главный показатель национальной идентичности. Он же во многом определяет национальную картину мира. Исчезнет он – не станет и народа, в недрах которого он возник. Значит, исчезнет неповторимая краска, вносимая осетинским этносом в общую палитру мирового этнического многообразия. Что может быть хуже такой перспективы?!»

- «Конечно, важно. Мне не нравится быть безликой»

- «Очень красивый, когда на нем говорят без ошибок, то он настолько образный, что, наверно, только русский с ним сравниться. Древность и певучесть в нем создают такой отклик в душе, что начинаешь чувствовать гордость от звания – чело-

век. Удивительно духовно богатый и потому какой-то общечеловеческий».

- «Я осетинка и хочу, чтобы мы, как этнос, дольше задержались на исторической арене».

- «Нæ культурон æвзаг куы фесæфа, уæд нæ мадæлон æвзаг дæр сæфы».

Данные были обработаны методом статистического анализа с применением методов кросс-текстового сопоставления и визуализации полученных результатов. Они указывают на преобладание положительной реакции среди участников исследования, что способствует формированию конструктивного подхода к дальнейшим действиям. Настоящая публикация представляет собой предварительный этап систематического анализа существующих проблем, связанных с сохранением и развитием осетинского языка, напрямую связанных с изменениями языковой ситуации и влияющих на нее. Мы намеренно воздерживаемся от формулирования итоговых выводов, полагая их преждевременными на данном этапе научного обсуждения. Вместо этого представляем вниманию читателей наиболее содержательные рекомендации, предложенные участниками нашего опросника в ответ на ключевой вопрос анкеты – какими мерами можно способствовать сохранению и развитию осетинского языка.

- «На государственном уровне принять закон об обязательном введении экзамена на знание осетинского языка для претендентов на вакансии в бюджетной сфере и на госслужбе. 2. Ввести обучение на осетинском языке в начальной школе. 3. Обязать правительство вести заседания на осетинском языке. 4. Обязать сотрудников государственных учреждений общаться с гражданами на осетинском языке. 5. На госТВ и радио вести передачи, обучающие осетинскому языку. 6. В образовательных учреждениях поощрять детей и молодежь, демонстрирующих приверженность родному языку»

- «Комплексный многогранный подход. Уважение, своего родного национального языка. Понимание ценности сохра-

нения языка. Глубокое основательное изучение в школе. Применение в делопроизводстве наравне с русским. Чтобы всё учебные заведения относились очень серьёзно к изучению родного языка. Требование к руководству Республики внедрять наравне с русским осетинский язык в управление. Давать огромную поддержку родного литературе, ценить свой прекрасный язык, стремиться овладеть в совершенстве литературным осетинским языком. Стараться выводить новые слова в современный лексикон разговорной деловой речи».

- «Разработать учебники, написанные живым, ярким языком, доступным для понимания учеников».

- «Не насаждать язык и культуру, а воспитывать (прививать) в подрастающих поколениях любовь и, соответственно, интерес к языку и всему родному (истории, традициям и проч.)»

- «Цæмæй нæ ирон æвзаг ма фесæфа, уый тыххæй хъæуы сабитимæ дзурын иронау».

Проведенное исследование позволяет констатировать высокий интерес молодого поколения Южной Осетии к изучению и использованию осетинского языка, осознанию своей принадлежности к этнокультурной общности. Вместе с тем выявлены отдельные трудности, препятствующие полноценному функционированию языка, среди которых выделяются недостаток квалифицированных преподавателей, устаревшие учебные материалы и недостаточная поддержка родных языков в образовательном процессе. Необходимость принятия специализированных законов и решений на государственном уровне для укрепления позиций осетинского языка подтверждается результатами опроса и требует скорейшего рассмотрения и имплементации соответствующих мероприятий. Эти меры будут способствовать укреплению статуса национального языка и повышению уровня культуры межнационального общения в регионе.

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I–IV. Л., Наука, 1958–1989.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во Академии наук. СССР, 1949. 608 с.
3. Алпатов В.М. Избранные труды XX века. М.: Языкознание, 2023. 459 с.
4. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 317 с.
5. Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1962. 106 с.
6. Исаев М.И. Основные этапы научного изучения осетинского языка. Известия ЮОНИИ. Вып. 10., Цхинвали, 1960. С. 5–30.
7. Камболов, Т.А. Языковая ситуация и языковые проблемы в Северной Осетии. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007, 290 с.
8. Клапрот, Ю.Фон. Путешествие по Кавказу и Грузии, ч. II. СПб., 1814.
9. Миллер Вс.Ф. Язык осетин. М.-Л.: АН СССР, 1962. 189 с.
10. Шегрен А.М. Осетинская грамматика. СПб. : 1844. 560 с.
11. <https://respublikarso.org/culture/5962-ob-obschestvennom-zaprose-na-zakon-o-yazykah-na-severe-alanii.html>
12. <https://t.me/sergeimeniaylo/5739>
13. <https://cominf.org/node/1166493728>

К.Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева;
Д.В. Хапсаева,
нс СОИГСИ им. В.И. Абаева;
Э.Ш. Гутиева,
кин, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

«РУССКИЙ МИР» В ПРОЦЕССАХ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается проблема интеграции молодежных сообществ на постсоветском пространстве на основе русского языка и культуры, выявляются ресурсы, работающие на укрепление традиций духовного братства, сохранения и развития общего культурного наследия в странах СНГ и республиках РФ, исповедующих ислам. Актуализация феномена «Русский мир» на основе изучения русского языка и культуры, противодействие политике «отмены» русской культуры может быть в значительной степени реализована при поддержке современных молодежных практик молодежи СКФО, одной из форм которой являются гранты Президентского фонда культурных инициатив. В основе настоящей статьи – анализ заявок, поданных в этот фонд молодежными коллективами СКФО, который показывает высокий уровень понимания рисков для единства и целостности страны, особенно в условиях внешнего давления, сосредоточенного в социальных сетях и направленного на широчайших круг пользователей. Проблема актуализирована и в контексте межнационального и межрелигиозного согласия, общероссийских культурных ценностей и исторической памяти, их оптимизации в исламских странах бывшей советской страны. Независимо от поддержки /не поддержки рассмотренных заявок, они являются информативным источником для понимания представлений молодежи о поставленной проблеме и способах ее решения.

Ключевые слова: Русский язык, русская культура, культурные инициативы, СКФО, постсоветское пространство

The article examines the problem of integrating youth communities in the post-Soviet space based on the Russian language and culture, identifies resources working to strengthen the traditions of spiritual brotherhood, preserve and develop the common cultural heritage in the CIS countries and the republics of the Russian Federation professing

Islam. Russian World phenomenon actualization based on the study of the Russian language and culture, and opposition to the policy of «abolishing» Russian culture can be largely implemented with the support of modern youth practices of the youth of the North Caucasus Federal District, one of the forms of which are grants from the Presidential Foundation for Cultural Initiatives. This article is based on an analysis of applications submitted to this fund by youth collectives of the North Caucasus Federal District, which shows a high level of understanding of the risks to the unity and integrity of the country, especially in the face of external pressure concentrated on social networks and aimed at the widest range of users. The problem is also relevant in the context of interethnic and interreligious harmony, Russian cultural values and historical memory, and their optimization in the Islamic countries of the former Soviet Union. Regardless of whether the applications are supported or not, they are an informative source for understanding young people's ideas about the problem and how to solve it.

Keywords: *Russian language, Russian culture, cultural initiatives, North Caucasus Federal District, post-Soviet space*

Одной из задач современной национальной государственной политики является создание условий для укрепления российской гражданской идентичности, реализация которой возможна только в условиях признания консолидирующей роли русского языка и культуры. Этот фактор сохранения единства и целостности многонационального Российского государства признавался со времени присоединения Северного Кавказа к России, а в современных условиях он актуализирован и как инструмент поддержки межнационального и межрелигиозного согласия, общероссийских культурных ценностей и исторической памяти.

Особую актуальность в современных условиях «отмены» русской культуры и провокационным призывам к «деколонизации» народов Кавказа со стороны недружественных государств, приобретает проблема отношения молодежи региона к русской культуре и русскому языку. Общеизвестно, что в последние годы среди молодежи отдельных субъектов СКФО увеличивается число верующих, исламизация касается как

мировоззрения, так и бытовой культуры, и порой заменяет собой этнические традиции. В этих непростых условиях русская культура не должна уходить в забвение, особенно в регионах, где русский не является родным языком. Если рассматривать проблему шире, в нее следует включить и молодежь стран СНГ, особенно Закавказья и Центральной Азии, где пока еще сохраняется русский язык.

Понимание таких рисков корректируется, в том числе, и с помощью различных фондов, главным образом, Президентского фонда культурных инициатив и грантов «Росмолодежи». Анализ документов этого фонда позволяет проследить видение этой проблемы молодежью, их инициативы, ценности и приоритеты. Отметим, что таких проектов немного, но они интересны и при нужной поддержке, в том числе информационной, могут стать серьезным вкладом в укрепление «Русского мира».

Интересен проект по проведению международной конференции «Русский язык-связующая нить», представленный Республикой Дагестан, к участию в которой кроме субъектов РФ приглашены представители НКО и научной общественности, журналисты, преподаватели, как лидеры мнений и влияния, студенты Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана, Армении и Азербайджана, всего более 300 человек, из них 30 человек иностранных и иногородних участников. По проекту партнерами Центра гендерной политики выступают ведущие научные центры и старейшее учебное заведение Дагестана по подготовке педагогических кадров. Участие преподавательского и научного сообщества русскоязычных ВУЗов придаст преемственность идеям конференции, так как они непосредственно работают со студенчеством, которые в будущем будут работать со школьниками. Предлагается работа на конференции операторской группы, съемки которой (интервью с участниками, фрагменты круглых столов и пр.) войдут в два документальных фильма, копии с которых будут разосланы всем участникам – иногородним и иностранным, для демонстрации

на круглом столе с участием СМИ, что во много раз увеличит аудиторию конференции.

Продвижение, поддержка и укрепление позиций русского языка, а также популяризация российской культуры и образования должно способствовать восстановлению интенсивности прежних научно-культурных связей и народной дипломатии на постсоветском пространстве. Анализируя роль и место языка в системе межкультурной коммуникации и обеспечении межкультурного согласия, обосновывая значимость задуманного проекта, заявители совершенно справедливо отмечают, что роль русского языка как ключевого средства коммуникации в советский период не подвергалась сомнению. С 1938 г. русский язык был обязательным для изучения в школах по всему Советскому Союзу. Знание русского языка было важным ресурсом, обеспечивающим продвижение по социальной лестнице. На русском языке выходили СМИ, на этот язык переводилась вся национальная литература по всей стране. Молодежь Средней Азии и Закавказья обучалась по целевым местам в ведущих вузах СССР. Но с распадом страны и образованием независимых государств на его прежней территории русский язык стал терять свои позиции, особенно среди молодежи. В республиках Средней Азии молодежь массово меняла произношение и написание своих фамилии, имени и отчества с русского на национальные языки и правила.

В одном из проектов предложено создание площадки для обмена мнениями и успешными практиками для возрождения дружбы и добрососедства в виде международной научно-практической конференции «Русский язык – связующая нить». Цель такого проекта – формирование транснациональной идентичности приверженцев русского культурного кода. Выбор Средней Азии и Закавказья в качестве главных участников конференции обусловлен несколькими причинами. Самая главная из них – это сохранившаяся в старшем поколении с советских времен приверженность к русскому культурному коду [1]. Это поколение, получившее образование на русском язы-

ке, знакомое с русской классической литературой, искусством, кинематографом, культурой в целом. Это часть общности «советский народ», непосредственные участники межэтнического взаимодействия и повседневного общения. Однако при всей важности и действенности этого ресурса, он неизбежно будет ослабевать с годами, если не будут налажены механизмы передачи этого кода молодым поколениям. А прошедшие более 30 лет отчуждения от России, которые сопровождались замещением российских ценностей американскими, европейскими, отчасти китайскими и турецкими, требуют трезвого анализа перспектив восстановительных процессов.

Молодежь на постсоветском пространстве уже не является активным носителем русского языка, и тем более, адептом русской культуры. Усиление традиции, основанной на исламе, в сочетании с западным влиянием, в том числе с полученным европейским или американским образованием, оставляет немного шансов для приобщения к «русскому миру». Но в то же время, исламский фактор есть та основа, на которой может строиться народная дипломатия между молодежью СКФО и странами Центральной Азии.

Вместе с тем, серьезным ресурсом является наличие учреждений высшего образования совместного подчинения, таких как Киргизско-российский славянский и Таджикско-российский славянский университеты.

Рост международного авторитета и влияния России, отстаивание национальных интересов России могут быть реализованы только посредством русского языка, являющегося одним из наиболее признанных языков в мире.

Все вышеизложенное актуализирует участие в интеграционных и межкультурных процессах, ресурсы народной дипломатии, которые являются действенным механизмом в межкультурном и межконфессиональном взаимодействии.

Особую активность в этом направлении проявляет Чеченская Республика, заявившая несколько проектов в Президентский фонд культурных инициатив (ПФКИ). Один из них «К меж-

национальному и межрелигиозному согласию через русскую литературу» предлагает популяризацию в чеченском обществе российского литературного наследия, массовое распространение переводов произведений русских авторов, проведение тематических вечеров с известными современными авторами художественных произведений, конкурсы художественного чтения, конкурсы сочинений, флэшмобов и т.д. Планируется издание произведений Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Антона Чехова, Всеволода Гаршина, Алексея Толстого, Николая Рубцова, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Сергея Есенина и др., а также с произведения многонациональной российской литературы. В проекте заявлено особое внимание переводам детской литературы. Особую тревогу авторов проекта вызывает тот факт, что в Чеченской Республике не получает должной поддержки существующая около ста лет традиция переводов на чеченский язык лучших произведений российской и мировой литературы, что является серьезным препятствием для воспитания подрастающего поколения в рамках общероссийской культурной традиции.

Важно отметить, что в числе ожидаемых качественных результатов авторы проекта указывают не только повышение интереса к русской литературе, но через этот интерес – возвращение чеченского общества в общероссийское гуманитарное пространство. Во время глубокого системного кризиса, поразившего чеченское общество в конце XX – начале XXI вв. именно этот компонент современной русской культуры подвергся наиболее ожесточенным нападкам со стороны разного рода радикальных идеологических течений, претендовавших на тотальный контроль не только над политической, но и культурной жизнью чеченского общества.

Поэтому восстановление единого социокультурного пространства с Российской Федерацией означает, прежде всего, поддержку духовных и культурных основ существования в Чеченской Республике светского гражданского общества, совместимого с местными национальными традициями и духов-

ными ценностями различных религиозных конфессий. Только на этом фундаменте в Чеченской Республике, при поддержке русской культуры, могут успешно функционировать институты гражданского общества, реализовываться принципы соблюдения гражданских свобод и права человека.

Заявители проекта справедливо полагают, что в исторической перспективе степень модернизированности чеченского общества и основной вектор его развития в значительной степени будет определяться уровнем восприятия ценностей русской культуры [2].

Другой проект, поданный, поданный на конкурс Президентского фонда культурных инициатив – «Популяризация русского языка и литературы, поддержка литературного творчества и мотивация к чтению в Чеченской Республике». Авторы обеспокоены тем, что молодежь Чеченской Республики, в силу объективных причин, отстает от своих сверстников из других регионов России в знании русского языка, отходит от чтения русской литературы, что сказывается на общем культурном уровне.

Проект предлагает создание литературного клуба «Росток» для детей с творческими задатками для дальнейшего развития их литературного потенциала, организацию обучающих семинаров и наставничество профессиональных литераторов по секциям поэзии, прозы, литературной критики. Проект рассчитан на широкий охват учащихся старших классов общеобразовательных школ, предлагает обучение старшеклассников навыкам грамотного чтения художественного текста, умению оценивать литературное произведение, мотивирует молодежь к чтению. В перспективе предусмотрен выпуск ежеквартального литературного альманаха с произведениями членов клуба [3].

Молодежь Чеченской Республики представляет и креативные проекты по разработке и запуску онлайн сервисов по изучению русского языка на основе игровой модели. Так, проект «Запятая» представляет веб-версию и мобильное приложение

на базе операционной системы IOS и Android. Пользователи смогут учить правила русского языка, проживая определенную сюжетную линию, позволяющую превратить скучное заучивание правил в увлекательное действие. Планируется создание сервиса со следующими функциональными характеристиками: кроссплатформенность – пользователи будут иметь доступ к нему, как с персонального компьютера, так и при помощи мобильных приложений; адаптивный интерфейс – дизайн сервиса разработан для людей разных возрастных категорий; функциональность, позволяющая сразу практиковать изученное правило – данный элемент является одним из самых важных, поскольку правила русского языка лучше всего усваиваются методом практического применения; возможность подключения к сервису образовательных учреждений – частных и государственных [4].

В Кабардино-Балкарии разработан и представлен на конкурс Президентского фонда культурных инициатив интересный проект «Популяризация нартского эпоса адыгов (кабардинцев) посредством русского языка», основной целью которого является укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, сохранение и развитие русского литературного языка в Кабардино-Балкарской Республике, и популяризация богатого культурного наследия адыгов (кабардинцев).

Востребованность нартских сказаний как выражения этничности и духовности, их интегрированность во многие сферы современной жизни в Осетии и Кабардино-Балкарии, в Абхазии, уже зафиксированы в научных исследованиях [5;6]. Также отмечено, что этот процесс обретает качественно иной характер, с использованием современных технологий, и с внедрением в социальные и культурные просветительские проекты [7].

Но, как показывает проектная деятельность в рамках Президентского фонда культурных инициатив, нартские сказания могут быть использованы и в решении задач, связанных с укреплением российской идентичности.

При помощи современных технологий в области 3D анимации планируется создание короткометражных анимационных фильмов на русском языке по мотивам нартского эпоса адыгов. Предусмотрена бессрочная трансляция созданных фильмов на Государственном телевидении Кабардино-Балкарской Республики и в сети Интернет, что в условиях ослабления интереса к чтению в пользу визуальных, зрелищных форм, падения посещаемости театров, музеев, библиотек, будет способствовать наибольшей популяризации русского языка и сближению культур народов России [8].

Русская культура – важный фактор формирования исторического сознания, конструирования общей истории и культуры, причастности к ней народов Северного Кавказа. Проведенный анализ современной проектной деятельности на основе заявок, поданных от субъектов СКФО в Президентский фонд культурных инициатив, позволяет полагать, что социальные функции, формы и ресурсы, направленные на популяризацию русской культуры, имеют перспективы участия в реализации государственной языковой политики и могут стать фактором, способствующим укреплению единства российской гражданской нации и традиционных российских духовных ценностей.

1. Роль русской культуры, языка и литературы в интеграционных процессах на постсоветском пространстве Международная научно-практическая конференция «Русский язык-связующая нить»//Президентский фонд культурных инициатив:[сайт].URL: [https:// гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=77cf58b5-1557-4199-8cac-46e3a4447630](https://гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=77cf58b5-1557-4199-8cac-46e3a4447630)

2. К межнациональному и межрелигиозному согласию через русскую литературу // Президентский фонд

культурных инициатив: [сайт]. URL: [https:// гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=DEF20653-4BB5-44AF-805D-449114D264F1](https://гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=DEF20653-4BB5-44AF-805D-449114D264F1)

3. Популяризация русского языка и литературы, поддержка литературного творчества и мотивация к чтению в Чеченской Республике// Президентский фонд культурных инициатив: [сайт]. URL: [https:// гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=12E2E461-4E32-4A2A-8E67-22F35C762482](https://гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=12E2E461-4E32-4A2A-8E67-22F35C762482)

4. Онлайн сервис по изучению и практике правил русского языка Запятая// Президентский фонд культурных инициатив: [сайт]. URL: [https:// гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=f296c635-07b4-4bb2-b0c4-2019109b33c7](https://гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=f296c635-07b4-4bb2-b0c4-2019109b33c7)

5. Канукова З.В. Историко-культурное наследие в современном общественном и научном дискурсе Республики Северная Осетия-Алания//Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа. Москва, 2021. С. 196–214.

6. Канукова З.В. Объекты культурного наследия в социальных практиках: символы и образы нартского эпоса// Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России). Сборник статей. Москва, 2023. С. 190–201.

7. Хапсаева Д.В. Практики актуализации традиционной культуры в молодежной среде Северного Кавказа//Kavkaz-Forum. 2024. № 20 (27). С. 90–105.

8. Популяризация нартского эпоса адыгов (кабардинцев) посредством русского языка // Президентский фонд культурных инициатив: [сайт]. URL: [https:// гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=2B65693B-1A51-4DE9-AC5B-3CD56E39B2DD](https://гранты.пфки.рф/xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=2B65693B-1A51-4DE9-AC5B-3CD56E39B2DD)

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

7–8 февраля 2025 г. СОИГСИ и СОГУ провели **Международную школу-конференцию «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура»**.

Форум ежегодно проводится Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований совместно с Северо-Осетинским государственным университетом в рамках празднования Дня российской академической науки с целью обеспечения научной коммуникации молодых ученых-кавказоведов.

В адрес оргкомитета МШКМУ-2025 поступило более 80 заявок от молодых исследователей, аспирантов и студентов СКФО, других регионов России, Республики Южная Осетия, Монголии, Египта, Индии, США.

В этом году Осетия отмечает 125-летие со дня рождения выдающегося ученого-ираниста Василия Ивановича Абаева (1900–2001). Пленарное заседание МШКМУ-2025 продолжили лекция доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела истории СОИГСИ **И.Т. Цориевой** «В.И. Абаев.

Перспективы времени» и показ документального фильма Медиагруппы «Ярче» «Тропами Алании», снятого к 120-летию со дня рождения ученого.

Программу МШКМУ-2025 продолжили заседания научных сессий: «Северный Кавказ в эпоху древности и средневековья», «Этнические традиции. История и современность», «Северный Кавказ в XVIII – начале XX вв.», «Северный Кавказ в советскую эпоху», «Современные социально-политические и культурные процессы на Северном Кавказе». 8 февраля участники форума посетили мастер-класс «Пишем научную статью» директора СОИГСИ, доктора исторических наук, профессора **З.В. Кануковой**.

Эксперты отметили, что с каждым годом тематика и уровень научных докладов молодых ученых усложняются, в приоритете междисциплинарные и сравнительные исследования, отражающие историю и современное состояние региона Большого Кавказа в контексте глобальных политических и социокультурных трансформаций. Среди тем, вынесенных на обсуждение: «Кавказ как «евразийский перекресток». Экономико-политический аспект» (Ю.В. Керчелаев, КБР), «Современные социокультурные процессы формирования общероссийской идентичности в Республике Южная Осетия» (В.В. Джабиев, РЮО), «Проблема сохранения культурной идентичности осетинского этноса в условиях глобализации» (М.А. Белов, РСО-А), «Российско-турецкие отношения: фактор стабильности и раздора в современном мире» (А.Д. Петров, РСО-А), «Культурное строительство в Чеченской Республике на современном этапе» (А.Т. Умаева, ЧР), «История организации оказания медицинской помощи в современном общественно-политическом процессе на примере Штата Массачусетс и РСО-Алания» (М.Х. Баиева, США), «Общие принципы медицинского страхования в Республике Индия и РФ: история и современность» (Д.Шубхам, П.Саурабх, Индия), «Становление системы здравоохранения в арабской республике Египет и национальных регионов юга России: сравнительно-сопоставительный анализ» (М.М. Ха-

шим, Египет), «К проблеме сохранения культурного наследия» (Б.Сара, Монголия) и др.

По словам заместителя директора по организационной и образовательной деятельности и куратора форума **Э.Ш. Гутиевой**, «МШКМУ СОИГСИ ежегодно привлекает все больше участников не только внутри страны, но и из-за рубежа, зарекомендовав себя как авторитетная площадка для научной коммуникации и нетворкинга молодых кавказоведов. Рекомендованные экспертами статьи будут опубликованы в научных журналах «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых» и «KAVKAZ-FORUM»».

Младший научный сотрудник отдела истории СОИГСИ, кандидат исторических наук **Сослан Секинаев** принял участие в МНПК «Закавказский фронт в годы Великой Отечественной войны» в Кабардино-Балкарии.

С 14 по 16 февраля 2025 года в Эльбрусском учебно-научном комплексе Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова состоялась Международная научно-практическая конференция «Закавказский фронт в годы Великой Отечественной войны», посвященная 80-летию Великой Победы.

Закавказский фронт был образован директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 001197 от 23 августа 1941 года на базе Закавказского военного округа с целью прикрытия государственных границ с Ираном, Турцией, обороны Черноморского побережья Кавказа.

В форуме приняли участие ученые-историки и краеведы регионов СКФО, Республики Южная Осетия, Грузии, Армении, Азербайджана, Беларуси.

С 12 по 18 марта 2026 г. во Владикавказе, на базе Северо-Кавказского суворовского военного училища, состоялась XXI Межрегиональная научно-практическая конференция «Владикавказские Колмогоровские чтения».

Соорганизаторами МНПК выступили: Владикавказский научный центр Российской академии наук, ФГКОУ «Северо-Кавказское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства образования и науки Республики Северная Осетия-Алания.

Задачи МНПК: поиск и поддержка школьников, осуществляющих исследовательскую деятельность в области физико-математических, естественно-научных и гуманитарных направлений; поиск и поддержка учителей, осуществляющих исследовательскую методическую деятельность в области физико-математических, естественно-научных и гуманитарных направлений; внедрение педагогического опыта организации исследовательской деятельности школьников; формирование и развитие региональной информационно-насыщенной научно-образовательной среды «школьник – учитель – студент – молодой ученый – профессор»; популяризация науки.

С пленарным докладом «Северная Осетия в годы Великой Отечественной войны» выступил **Сослан Секинаев**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории СОИГСИ им. В.И. Абаева.

В рамках издательской серии «Первая монография» вышла в свет книга младшего научного сотрудника отдела истории, председателя Совета молодых ученых СОИГСИ **Геorgia Алексеевича Засеева** «Газета на Северном Кавказе: идеология и практика 1920-х-начала 1930-х годов».

Представленный труд, как и все предыдущие книги серии «Первая монография», является результатом диссертационного исследования молодого ученого.

В книге рассмотрены процессы создания законодательно-правовой и материально-технической основы деятельности СМИ в первые годы советской власти и становления партийно-советской национальной печати как инструмента агитации и пропаганды. Отдельное внимание уделено газетным изданиям, выходившим в Северной Осетии («Коммунист», «Власть труда», «Растдзинад») и активно участвующим в пропаганде коммунистической идеологии и реализации основных направлений социалистического строительства. Проанализированы организационные формы политико-просветительской и идеологической работы с населением региона и ее освещение в печати, охарактеризована роль газетных изданий в укреплении молодежного движения. Показано, что газетная периодика в системе советского государства, выполняя функцию информационного сопровождения крупных социально-политических, экономических и культурных проектов, использовалась также для идеологического обеспечения государственной политики и воспитания населения в соответствии с потребностями построения социалистического общества.

Поздравляем **Георгия Алексеевича** с выходом первой монографии, с 30-летним юбилеем, а также с присуждением ученой степени кандидата исторических наук!

2–23 апреля 2025 г. в Москве, в Президент-Отеле, состоялась Международная научная конференция «80-летие Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне».

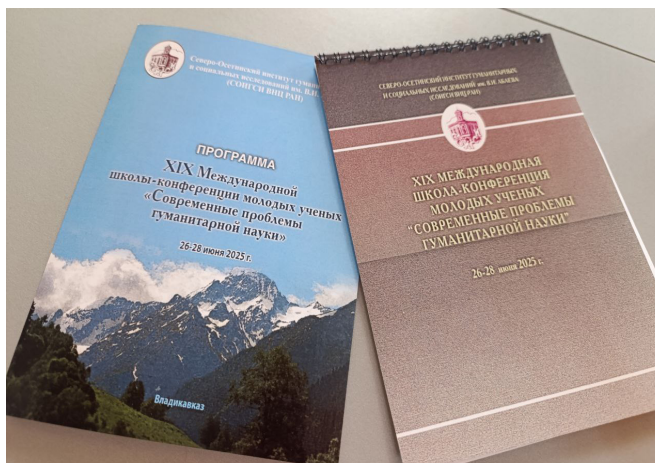
Организаторами форума выступили Российское историческое общество, Министерство науки и высшего образования РФ, Институт всеобщей истории РАН, Институт российской истории РАН, Институт перспективных исторических исследований при поддержке ПАО «Транснефть», Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Международного общественного фонда «Российский фонд мира», фонда «История Отечества».

В МНК приняли участие более 40 иностранных ученых из стран СНГ, Азии, Африки, Западной и Восточной Европы.

В рамках секционных заседаний с докладом «Боевые действия на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны» выступил младший научный сотрудник отдела истории СОИГСИ, кандидат исторических наук **Сослан Секинаев**. В докладе анализируются боевые действия на территории СО АССР в 1942 г., их значение для победы над немецкой армией в Битве за Кавказ и дальнейшего освобождения нашей страны от немецко-фашистских захватчиков.

С 26 по 29 июня в СОИГСИ состоялась **XIX Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки»**.

В работе Школы-конференции приняли участие молодые исследователи в области истории, археологии, этнологии, культурологии, языкознания, фольклористики, литературоведения, социологии, политологии и других гуманитарных дисциплин из ведущих вузов и научных организаций СКФО и Республики Южная Осетия.

С приветственным словом ко всем присутствующим обратилась директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСО–А **Залина Владимировна Канукова**, отметив, что основной задачей школы-конференции является выявление среди научной молодежи наиболее талантливых, готовых связать свою жизнь и карьеру с гуманитарной наукой, и оказание им всесторонней поддержки: «Бедный ученый – уходящий тренд. Сегодня именно молодым ученым доступны гранты, всевозможные программы поддержки. Мы ищем молодых людей, которые имеют желание и способности заниматься научной деятельностью. За эти 19 лет школа-конференция «выпустила» целую плеяду молодых ученых, которые сегодня являются успешными и востребованными специалистами, среди них есть кандидаты и даже доктора наук, которые занимают ведущие позиции в различных вузах, научных организациях, включая Российскую академию наук», – отметила директор СОИГСИ.

Заведующий отделом этнологии СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РСО–А, академик Российской академии естественных наук **Людвиг Алексеевич Чибиров** пожелал участникам школы-конференции, чтобы новое поколение молодежи Кавказа блеснуло еще большими научными успехами, чем его предшественники.

Доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН **Эльмира Муртузалиевна Далгат** выразила благодарность руководству СОИГСИ и научно-образовательному центру «Гуманитарий» за ежегодное проведение школы-конференции. По ее словам, это говорит о том, что в Северной Осетии большое внимание уделяется молодежи, подготовке кадров: «Нужно усиленно проводить работу по поиску молодых талантов, так как, к сожалению, сегодня наука не очень популярна среди молодых людей. А ведь наука – лицо народа».

Кандидат исторических наук, доцент, руководитель научного кружка «КЛИЧ» исторического факультета Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова **Бирлант Борз-Алиевна Абдулвахабова** подчеркнула, что молодежная школа-конференция СОИГСИ позволяет начинающим исследователям не только получить новые знания и проявить себя, познакомиться с ведущими учеными в своих областях, но и найти единомышленников среди своих коллег из других регионов, поддерживать этнокультурные связи, что особенно актуально на Северном Кавказе, где дружба народов всегда была мощным интеграционным фактором.

Работа школы-конференции проходила в рамках тематических секций: этнология, история и археология, мифология, фольклористика и литературоведение, языкознание, социология и политология. Основные направления: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских общественных модернизаций; духовные и эстетические ценности фольклора; историко-сопоставительные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов и др.

С 10 по 12 октября 2025 года в РСО-А прошли региональные мероприятия XX Международного фестиваля науки «НАУКА 0+».

Программа включала более 180 мероприятий научных организаций, вузов и учреждений культуры – музеев и библиотек республики, в том числе: открытые научно-популярные лекции ведущих ученых; выставки научно-технических и инновационных достижений; тематические экскурсии в музеях, библиотеках, научных лабораториях; занимательные научные эксперименты, познавательные игры, конкурсы и интеллектуальные соревнования; конференции и олимпиады; культурно-просветительские мероприятия.

Цель Фестиваля – популяризация науки, формирование диалога между наукой и обществом; привлечение в науку талантливой молодежи; развитие интереса у школьников и студентов к исследовательской деятельности.

Целевая аудитория Фестиваля: школьники, студенты, специалисты, представители науки, образования и бизнеса, жители и гости республики.

Мероприятия регионального Фестиваля науки начались 10 октября 2025 г. На базе Северо-Осетинской государственной медицинской академии была развернута Выставка научных достижений «Наука – Обществу», а также состоялась Конференция «Популярная наука».

11 октября состоялся цикл мероприятий научно-популярной направленности на площадках научных организаций Владикавказского научного центра, вузов, ссузов и других участников Фестиваля.

10 октября СОИГСИ представил на выставке «Наука – Обществу» свои научные издания и журналы, отражающие актуальные вопросы осетиноведения, алановедения и кавказоведения. Гости смогли также пообщаться с учеными института.

11 октября в СОИГСИ (пр. Мира 10) состоялись научно-популярные лекции молодых ученых СОИГСИ: «Вооружение

алан» (лектор – м.н.с. **З.Т. Кануков**) и «Организация и работа изб-читален в Осетии в 20-е годы XX века» (лектор – с.н.с., к.и.н. **Г.А. Засеев**).

Молодые ученые СОИГСИ выступили на международной научно-практической конференции в СОГУ.

В Северо-Осетинском государственном университете имени К.Л. Хетагурова завершила работу масштабная международная научно-практическая конференция **«Великая Отечественная война и российское общество»**.

Форум, посвящённый 80-й годовщине победы над фашизмом, стал важным символом единства учёных, исследователей и общественности, стремящихся сохранить историческую правду и память о событиях тех трагических лет.

Конференция, проходившая под патронатом Российского исторического общества, объединила широкий круг участников из регионов России и зарубежных стран, включая Иран, Армению, Казахстан и Южную Осетию.

Начало форума ознаменовалось церемонией возложения цветов к памятнику сотрудникам и студентам Северо-Осетинского государственного университета, павшим в Великой Отечественной войне. Акция памяти стала символом уважения и благодарности поколениям, пожертвовавшим жизнью ради свободы и мира. Присутствующие почтили память погибших воинов минутой молчания, подчеркивая важность сохранения исторической памяти потомкам и уважение к жертвам той эпохи.

На пленарном заседании председатель Правления Российского исторического общества **Руслан Гагкуев** рассказал об историко-просветительских проектах РИО, реализованных к 80-летию Победы, и подчеркнул символичность проведения конференции в Северной Осетии: «Как и весь Северный Кавказ – уникальный регион с богатейшим разнообразием куль-

тур, языков, традиций, Северная Осетия всегда отличалась особым, бережным отношением к прошлому.

Сохранение памяти об истории республики, своих предках – это важная духовно-нравственная ценность для всех жителей региона, поэтому неслучайно, что в Алании сформировалось очень серьёзное, сплочённое сообщество историков. Именно благодаря труду местных специалистов в регионе ведётся большая работа по сбережению и популяризации историко-культурного наследия Северной Осетии: публикуются новые научные издания, реализуются крупные просветительские проекты».

Алексей Загребин, директор Института этнологии и антропологии, доктор исторических наук поделился опытом работы института по восстановлению облика павших советских воинов. Руководитель Центра по изучению истории Великой Отечественной войны **Сергей Кудряшов** представил исследование по нацистскому террору на оккупированных территориях и рассказал, как центр с помощью искусственного интеллекта исследует неизвестные факты из истории Великой Отечественной войны.

На секционных заседаниях с докладами выступили молодые ученые СОИГСИ, кандидаты исторических наук **Сослан Секинаев** («Бои за Гизель и Майрамадаг в контексте разгрома немецких войск под Владикавказом») и **Георгий Засеев** («Социальные практики поддержки бойцов РККА в годы ВОВ (на примере СО АССР (1941–1942)»).

Младший научный сотрудник отдела археологии **Заурбек Кануков** представил СОИГСИ на Второй российско-иранской научной конференции в Москве.

С 3 по 4 декабря на базе Российского государственного гуманитарного университета в городе Москве проходила «Российско-Иранская научная конференция».

Ключевой темой встречи стала разработка стратегии для расширения российско-иранского сотрудничества в сфере социальных и гуманитарных наук.

На открытии выступили помощник Президента России Андрей Фурсенко, замглавы Минобрнауки России Денис Секиринский, ректор РГУ Андрей Логинов, а также иранская деле-

гация в составе заместителя министра науки Мехди Пендара, главы Центра международного сотрудничества Омида Резайфара и посла ИРИ в России Казема Джалали.

Помощник Президента России Андрей Фурсенко подчеркнул: «Иран – страна с уникальной, древней историей. Россия же, по историческим меркам, цивилизация молодая. Но нас объединяет нечто очень важное: мы с глубоким уважением принимаем всё своё прошлое, бережно храним свои исторические коды и осознают свою роль в мировой истории. Сегодня нас связывает не только общее почтение к корням, но и твёрдая уверенность в необходимости сохранить себя как независимые, суверенные страны, способные, опираясь на собственные силы и партнёрство, обеспечивать своё успешное развитие. Именно опираясь на эту прочную историческую основу, мы можем достичь больших успехов в будущем».

От имени Минобрнауки России участников приветствовал заместитель министра Денис Секиринский: «Россию и Иран связывают глубокие исторические корни. Веками мы строили самобытные цивилизации, бережно храня культурные тради-

ции и духовные ценности. Эта общность исторической судьбы сформировала прочную основу для взаимного уважения и доверия. И сегодня этот многовековой диалог получил новый импульс к развитию».

В конференции приняли участие представители Института востоковедения РАН, СПбГУ, ЮФУ, УрФУ, СОГУ им. К.Л. Хетагурова, Университета имени Шахида Бехешти, Тегеранского университета и других ведущих университетов и научных центров России и Ирана.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 35, 2025

Научный журнал

Технический редактор — А.Ю. Цопанова
Компьютерная верстка — А.В. Черная
Дизайн — Е.Н. Макарова

Подписано в печать 15.12.2025.
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 16,8. Тираж 100 экз. Заказ 114

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК»

362040, PCO-A, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, PCO-A, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru